МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Санду Татьяна Анатольевна

«Рабочая оппозиция» в РКП (б) (1919-1923 гг.)

Специальность 07.00.02 – отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель -
доктор исторических наук,
доцент В.М. Кружинов

Тюмень – 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Актуальность и научная значимость темы исследования. В первые годы советской власти Россия пережила полосу всеобъемлющей политической конфронтации, завершившейся низвержением побежденных и ужесточением правящего режима. События тех лет оказали глубокое воздействие на судьбы людей, социально-экономическую и духовную жизнь общества, которое было лишено возможности критически оценивать политический курс правящей элиты. Эта проблема оставалась актуальной на протяжении всех последующих этапов советской истории. Она имеет существенное значение и для современного российского социума, в котором возрождается идеологический плюрализм, предполагающий создание механизмов контроля над властью, существование политической оппозиции. В этих условиях вопрос о взаимодействии власти, оппозиции и общества приобретает новое звучание, привлекая внимание политиков, ученых и широких слоев населения.

Многие отечественные и зарубежные исследователи обращались к истории политической оппозиции первых лет советской власти. Вместе с тем вне поля зрения ученых остается одна из самых табуированных ранее тем – оппозиция официальному курсу большевистского руководства на централизацию власти и отстранение рабочего класса от управления производством, в наиболее концентрированном виде проявившаяся в деятельности «рабочей оппозиции» и схожих с ней групп.

«Рабочая оппозиция» представляла крайне левое крыло большевистского якобинства и выступала под лозунгами демократизации внутрипартийной жизни и возрождения отдельных элементов рабочего самоуправления, которое декларировалось большевиками в предоктябрьский период. Изучение данной проблемы имеет важное научное значение, поскольку позволяет выявить существенные тенденции эволюции большевизма в первые годы советской власти. Их содержание во многом сводилось к постепенному отказу от

наиболее утопических лозунгов предоктябрьской программы, которые под давлением объективных обстоятельств приобретали новую окраску, вызывая протест определенной части партии. Обращение к истории «рабочей оппозиции» расширяет наши представления об источниках социально-политической напряженности в Советской России, условиях, динамике возникновения и развития оппозиционных движений в правящей партии, специфике их развития на разных направлениях политического пространства. На этой основе появляется возможность высказать важные суждения о причинах эволюции большевизма, формирования советской политической системы.

Объектом исследования в настоящей работе является система отношений «власть-оппозиция» в большевистской партии. Процесс оформления этих отношений в первые годы советской власти шел по пути сокращения влияния оппозиции и усиления вертикали власти, определяя форму и остроту взаимодействия субъектов политики и эскалацию конфликтных противоборств.

Предметом исследования является «рабочая оппозиция» – леворадикальная группировка в большевистской партии, воплотившая революционную традицию и протест части большевиков против трансформации советской политической и хозяйственной системы.

Хронологические рамки диссертационной работы охватывают период с конца 1919 – до сентября 1923 гг. Выбор нижней границы исследования обусловлен первыми выступлениями участников «рабочей оппозиции», положившими начало их организационной консолидации на основе платформы, противостоящей официальному курсу на централизацию власти и отстранение рабочего класса от управления производством. Конечная грань исследования связана с ликвидацией остатков «рабочей оппозиции» в РКП (б).

Территориальные рамки исследования охватывают Российскую Федерацию в ее современных границах. Это позволило изучить проблему в

комплексе, с учетом общих тенденций и региональных особенностей возникновения и эволюции «рабочей оппозиции».

Цель и задачи исследования. Главная цель исследования состоит в изучении истории группы «рабочей оппозиции» в РКП (б), условий ее возникновения и развития, места в политическом пространстве Советской России и причин поражения.

Исходя из этой цели, автор ставит следующие основные задачи:

- изучить социально-экономические и идейно-политические истоки оппозиционных настроений в большевистской партии;
- определить основные этапы формирования и деятельности группы «рабочей оппозиции»;
- проанализировать программные установки «рабочей оппозиции»;
- исследовать основные формы взаимодействия сторонников А.Г. Шляпникова с большинством правящей партии;
- выявить причины поражения «рабочей оппозиции».

Историография исследования. В изучении истории группы «рабочей оппозиции» в РКП (б) можно выделить следующие основные периоды: 1920-е гг.; 1930-е – середина 1950-х гг.; середина 1950-х – конец 1980-х гг.; конец 1980-х гг. – по настоящее время.

Первый период – охватывает 1920-е годы. Работы, в которых впервые затрагивались отдельные аспекты деятельности «рабочей оппозиции», принадлежали профессиональным партийным работникам и публицистам [1]. Основная цель этих статей заключалась не в объективном рассмотрении причин, истоков, обстоятельств дискуссии и участия в ней «рабочей оппозиции», но в решении текущих политических задач и пропаганде официальной версии внутрипартийных противоборств. Отсюда выборочное использование документальных источников, главным образом, обличающих оппозицию, тенденциозная трактовка работ и устных выступлений лидеров «рабочей оппозиции», ее программы, оценивавшейся как теоретически

неверная, политически опасная, «анархо-синдикалистская». Авторы статей стремились дискредитировать своих оппонентов и сформировать в общественном сознании образ «фракционера», угрожающего единству партии и потрясающего устои диктатуры пролетариата.

Во второй половине 1920-х гг. были изданы несколько сборников документов о «рабочей оппозиции» [2]. Однако комментарии к опубликованным материалам, составленные представителями официальной внутрипартийной линии, по сути, повторяли ленинскую критику в адрес оппозиционеров и не могли дать их взглядам многогранной характеристики. Аналогичными чертами обладали работы Я. Бронина, М.Г. Гайсинского, А. Слепкова, В. Сорина, К.И. Шелавина и других публицистов, обращавшихся к истории «рабочей оппозиции» в РКП (б) в 1920-е годы [3]. Кроме того, авторы этих работ обычно фокусировали внимание на противоречиях в большевистском руководстве на уровне высших органов РКП (б) и не касались сюжетов, связанных с участием в нарастающем конфликте низовых и региональных партийных структур. Исключение в этом отношении представляла собой лишь опубликованная в 1927 г. работа Е.М. Ярославского «Рабочая оппозиция. Рабочая группа. Рабочая правда» (М.; Л., 1927), в которой имелся небольшой раздел о деятельности Г.И. Мясникова в Пермской организации РКП (б) и его переписке с В.И. Лениным, выдержанный в характерном «обличительном» стиле.

Своего рода итоговой работой, подведшей черту под периодом 1920-х гг., стала претендовавшая на монографическое исследование книга М.Г. Гайсинского [4], в которой предлагалась обобщающая картина внутрипартийной борьбы в первые 12 лет существования советской власти. Однако, касаясь истории «рабочей оппозиции», автор лишь повторил приемы, свойственные всей историографии 1920-х гг., шаблоны и штампы: от выборочности источниковой базы до характеристики группы А.Г. Шляпникова как «анархо-синдикалистской».

Иной взгляд на внутрипартийные коллизии и участие в них «рабочей оппозиции» отражала эмигрантская литература. Публикации Г.З. Беседовского, П.А. Гарви, Д.Ю. Далина, Ф.И. Дана, Ст. Ивановича, Ю.О. Мартова и других были неоднородны в концептуальном плане, но едины в осуждении советской политической системы и режима в РКП (б) [5]. Как и в официальной апологетической литературе, в этих работах также проявилась слабость источниковой базы, тенденциозность. Причины жесткой борьбы большевистской партии с политическими конкурентами, в том числе и внутри самой РКП (б), эмигрантские аналитики связывали с неподготовленностью России к социализму и неизбежным перерождением советского политического режима в бонапартистский, а большевизма – в термидорианство. В этом контексте «рабочая оппозиция» рассматривалась как крайне левое крыло большевистского якобинства, сохранявшее верность «коммунистическому утопизму» и отражавшее интересы сил, которые были «выброшены из низов на поверхность эпохой октябрьских бурь и гражданской войны» [6]. По мнению этих исследователей, победа «рабочей оппозиции», если бы она произошла, вряд ли оказалась продолжительной, так как ее предрасположенность к военному коммунизму должна была бы уже в ближайшем будущем спровоцировать термидорианский взрыв и привести к «откровенному буржуазному господству» [7].

К оценке внутрипартийной оппозиции в большевистской партии нередко обращались и идеологи сменовеховства, в частности, Н.В. Устрялов. Размышляя над природой фракционной борьбы, он связывал ее с эволюцией революционного процесса в России, который, захватив самые различные социальные слои, вначале углубился до «чистой идеи», а затем под воздействием объективных причин двинулся вспять, выдвигая вперед государственные задачи и оттесняя коммунистические интересы на второй план. Отсюда, полагает Н.В. Устрялов, две тенденции в большевизме: одна, воплощающая революционную традицию, и другая, отражающая «здоровую

плодотворную реакцию» и трансформацию партии, которая вынуждена отказаться от немедленной реализации прежних лозунгов, по крайней мере, в том виде, как это предполагалось, когда революция находилась на подъеме [8].

Вместе с тем в эмигрантской литературе отмечалось, что представители «рабочей оппозиции» нередко давали верную оценку политической ситуации в Советской России. Так, Ю.О. Мартов, анализируя становление и развитие пролетарской государственности, как и А.Г. Шляпников, отмечал, что ставка большевиков на огосударствление профсоюзов неизбежно вела к свертыванию самодеятельности и самоуправления рабочих, что в свою очередь превращало их не в класс, который управляет, а в класс, находящийся в подчинении обюрократившегося государственного аппарата [9]. С этой оценкой российского профдвижения были солидарны и анархисты [10].

Второй период – 1930-е – середина 1950-х гг.

Тенденция к искажению взглядов представителей «рабочей оппозиции», к карикатурным характеристикам ее лидеров наиболее полно проявилась в 1930-е годы. Если до этого момента тенденциозность историков была видна в определенном отборе действительных фактов и их соответствующей интерпретации, то с начала 1930-х гг. правда факта окончательно теряет свое значение и подменяется фальсификацией. Крайне негативное воздействие на исследование проблемы оказало письмо И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованное в октябре 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» (№ 6). Оно сказалось на общих подходах к теме, трактовка которой неизменно сводилась к борьбе «верных ленинцев» против «врагов народа» и «предателей». Вышедший в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП (б)» закрепил сфальсифицированную схему внутрипартийной борьбы. Вся история коммунистической партии трактовалась в этой книге как непрерывная борьба «ленинского ядра ЦК» с врагами «слева и справа». Сторонники «рабочей оппозиции» характеризовались как «анархо-синдикалистская антипартийная группа», которая «находилась в состоянии разброда и

переживала колебания перед трудностями перехода на рельсы мирного хозяйственного строительства» [11].

Утверждение сталинской концепции советской истории вызвало необходимость наполнения данной теоретической конструкции соответствующим фактическим материалом. С этим было связано появление кандидатских диссертаций, авторы которых касались истории «рабочей оппозиции» в РКП (б) в русле «борьбы партии за единство своих рядов» [12], а также статей, впервые затрагивающих историю региональных групп «рабочей оппозиции» [13]. В исследованиях данного периода почти не использовались архивные источники, доступ к которым был строго ограничен, а главное внимание уделялось «историческому значению» победы ленинизма и разгрома «антиленинских» группировок.

В целом политическая конъюнктура 1930-х – середины 1950-х гг., узость источниковой базы и другие обстоятельства не позволили отечественным историкам данного периода предложить подлинную картину внутрипартийных противоборств и место «рабочей оппозиции» в этой борьбе.

Третий период – середина 1950 – конец 1980-х гг.

Решения XX съезда КПСС привели к частичному освобождению от идеологических догм в исторической науке. В этот период исследователи получили доступ к более широкому кругу архивных источников, заметно расширилась научно-издательская деятельность. Однако, отбросив наиболее одиозные положения «Краткого курса», отечественная историография на этом этапе не смогла освободиться от влияния многих стереотипов, сложившихся в прежние годы. Так, в вышедшей спустя почти полтора десятилетия после XX съезда многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза» воспроизводились по существу те же, что и в «Кратком курсе», оценки и характеристики участников «рабочей оппозиции». К примеру, дискуссия о профсоюзах была представлена не как порождение объективных общественных противоречий, а как нечто искусственное, навязанное большевистской партии

«злокозненными оппозиционерами» [14]. Любое выступление сторонников А.Г. Шляпникова против «генеральной линии» партии по-прежнему приравнивалось к разрыву с ленинизмом и переходом противников господствующей фракции на «оппортунистические», а затем «контрреволюционные» позиции.

В это время история «рабочей оппозиции» затрагивалась в монографических исследованиях и в значительном количестве статей А.Я. Вяткина, С.Л. Дмитренко, В.М. Иванова, М.Н. Новикова, А.Г. Титова и других историков, чьи публикации были посвящены изучению «антиленинских» групп и течений в целом [15]. Непосредственно «рабочая оппозиция» стала объектом исследования в работах Л.А. Баландиной, М.М. Вассера, Ц.С. Петросяна, в брошюре С.Н. Канева [16]. Для характеристики «рабочей оппозиции», ее программы и деятельности стали в большей мере использоваться документы местных организаций, печать. Однако исследователи не могли уйти от идеологических установок своего времени и новые материалы привлекались ими лишь с целью доказательства несостоятельности «рабочей оппозиции» и обоснования закономерности ее «политического банкротства». По-прежнему замалчивались те факты и явления, которые не вписывались в рамки господствующей концепции: жесткие репрессивные действия большевистского руководства против представителей «рабочей оппозиции», преобладания ее сторонников в некоторых организациях РКП (б) в период дискуссии о профсоюзах. Как правило, приуменьшалось количество коммунистов, отдавших свои голоса в поддержку платформы А.Г. Шляпникова, не раскрывались многие другие события. Общим моментом было и то, что критика документов «рабочей оппозиции» осуществлялась без должного анализа соответствующих текстов и являлась несостоятельной.

Эти же недостатки характерны для публикаций В.М. Иванова, А.В. Краснова, А.С. Степанова [17] и других историков, обратившихся на данном этапе к различным аспектам истории X съезда РКП (б), которые важны для осмысления истории «рабочей оппозиции».

В рамках третьего этапа возросло внимание к истории внутрипартийной оппозиции в российской провинции, издаются работы, посвященные политической истории Москвы и ряда регионов в годы Гражданской войны и новой экономической политики [18]. Вместе с тем, схематичность этих публикаций не отражала местную специфику и оказывала заметное влияние на выводы исследователей, однотипные по содержанию. В целом, эти выводы сводилось к следующим положениям: 1) «антипартийная» программа «рабочей оппозиции» «противопоставляла профсоюзы Коммунистической партии и Советскому государству»; 2) участие сторонников А.Г. Шляпникова в дискуссии о профсоюзах было попыткой расколоть партию и являлось «прямой угрозой диктатуре пролетариата»; 3) только применение «недопустимых антипартийных фракционных методов борьбы» позволило «шляпниковцам» на некоторых собраниях получить незначительную поддержку; 4) подавляющее большинство коммунистов «дали решительный отпор сторонникам «рабочей оппозиции» [19]. Подобные штампы повторились и в «Очерках» областных организаций КПСС.

В 1960-е гг. отдельные исследователи обратились к истории группы Г.И. Мясникова, близкой к «рабочей оппозиции». Эта тема, затрагивавшаяся в публикациях Ф.В. Поляковой [20] и В.П. Иванова [21], была более детально разработана в докторской диссертации В.В. Фельдмана «Борьба Коммунистической партии за восстановление промышленности и сплочение рабочего класса на Урале в 1921-1925 годах» (Пермь, 1971). В этой работе, опиравшейся, в целом, на широкий круг как опубликованных, так и архивных источников, оказались, однако, не использованными письма, заявления и статьи ни самого лидера «мясниковщины», ни его соратников, в силу чего изложение материала приобретало неизбежно односторонний и тенденциозный характер, вплоть до искажения взглядов оппозиционеров. Так, В.В. Фельдман, утверждая, что Г.И. Мясников призывал «объявить свободу слова и печати для всех без исключения социальных групп, в том числе враждебных советской власти» [22],

явно противоречил действительному содержанию требования Г.И. Мясникова, который предполагал «свободу слова» только для рабочих и крестьян, подчеркивая, что не должно быть «никаких рассуждений с кадетом-буржуа, адвокатом, доктором, профессором, - здесь одно лекарство - мордобитие» [23].

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. появляются исследования, содержащие ряд положений, не вписывавшихся в традиционные схемы. Так, В.М. Кружинов, например, отказался от единственно возможной в те годы оценки оппонентов И.В. Сталина как «оппортунистов» и тем более, «контрреволюционеров». Автор также отказался от сюжетов о «полной и безоговорочной» поддержке «генеральной линии» партии рабочими и рядовыми коммунистами, как не подтверждавшейся фактологией, о чем свидетельствовали опубликованные им расчеты численности сторонников оппозиции на Урале с 1921 по 1926 годы [24].

Другой историк В.П. Мельников, исследовавший деятельность омской «рабочей оппозиции», также отказался от ее оценки как оппортунистической группы [25]. Скорректировал свою позицию В.В. Фельдман, чьи более поздние публикации уже не содержали хлестких характеристик, присутствовавших в его прежних работах [26]. В той или иной мере аналогичная эволюция взглядов происходила и с другими учеными. Однако некоторые новые положения и оценки не изменили общей направленности отечественных исследований.

В зарубежной исторической науке, посвященной изучению советской истории, на данном этапе оформились два основных направления. К первому относятся историки-традиционалисты – сторонники «тоталитарной модели» в изучении СССР, разделявшие «тезис о непрерывности» эволюции советского строя от раннего большевизма 1917 – 1918 гг. к сталинскому обществу 1930-х годов. В контексте этой теории формирование советского политического строя представало как безальтернативное укрепление командно-административной системы. Некоторые из них (Р.В. Дэниелс, И. Дойчер) рассматривали группу А.Г. Шляпникова через призму противопоставления «революционного

идеализма» оппозиции «революционному прагматизму» В.И. Ленина и его сторонников, выступавших с позиции «доктрины организации жесткой дисциплины, военных методов и неизбежности насилия» [27]. «Пожалуй, сторонники Коллонтай и Шляпникова, – писал А. Улам, – более чем кто-либо из тех, кто встал на путь оппозиции, сохранили долю первоначального большевистского идеализма и революционной отваги, благодаря чему они оказались неким анахронизмом в бюрократическом, полицейском государстве»[28]. Другие (Л. Шапиро) были склонны видеть во внутрипартийных разногласиях только «борьбу за власть» [29].

В противовес традиционалистам, историки-ревизионисты отвергали существование «непрерывности» и признавали возможность альтернатив внутри большевизма [30]. Однако основное внимание зарубежные исследователи уделяли истории левого коммунизма, «троцкизма», «правого уклона», представлявшихся более существенными политическими силами в формировании советского государства.

К числу значимых недостатков зарубежной историографии 1960-1980-х гг. следует отнести явно суженную источниковую базу, что приводило к фокусированию внимания на изучении фигур лидеров оппозиционных групп и чрезмерному акцентированию значения политических маневров в «верхах» РКП (б). Данное обстоятельство отмечают и современные зарубежные историки: «Даже классические труды Карра, Коэна, Дэниэлса и Дойчера только поверхностно касаются дискуссий и активности в среде широких масс» (К. Мёрфи) [31].

Следует отметить и определенную поспешность в выводах о социальной базе «шляпниковцев». Так, в работах О. Анвайлера и Г. Рауха «рабочая оппозиция» рассматривается как «глашатай масс», выразитель протеста рабочих против нарушения их прав [32], причем, по мнению этих авторов, лидеры группы пытались приспособить свою политику к требованиям различных слоев

общества. Так же полагал и И. Дойчер, называвший оппозиционеров «глашатаем народного недовольства» [33].

Среди исследований историков-эмигрантов в указанный период отметим работы А.Г. Авторханова, опубликовавшего в 1950-1980-е гг. ряд произведений аналитического и мемуарного характера, посвященных советской истории и представлявших собственную концепцию формирования советской политической системы [34]. Касаясь истории «рабочей оппозиции» в контексте внутрипартийной борьбы за власть, автор приходит к выводу, что в результате постепенной бюрократизации РКП (б) «роль истинного авангарда пролетариата начала перемещаться от партии к «рабочей оппозиции». Сложившаяся ситуация, по мнению А.Г. Авторханова, «грозила опасностью для самой диктатуры партии» [35] и была исправлена лишь жестким подавлением внутрипартийной оппозиции путем принятия на X съезде РКП (б) резолюций «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии».

Четвертый период – конец 1980-х гг. – по настоящее время.

С конца 1980-х гг. интерес к истории внутрипартийных противоборств в Советской России возрастает, что связано с изменением политического курса в стране. В то же время начало указанного периода было отмечено стремлением ряда исследователей объединить новые веяния («гласность», «борьба с бюрократизмом») со старой идеологической базой, в которой сохранялась концепция «борьбы партии за единство своих рядов», а «рабочая оппозиция» связывалась с «анархо-синдикализмом». Неизбежной противоречивостью занятой позиции отмечена кандидатская диссертация В.Г. Джанашии «Критика анархо-синдикалистской концепции управления производством» (М., 1990). Автор с одной стороны подчеркивает отсутствие какой-либо связи между «анархо-синдикализмом» и программой «рабочей оппозиции», с другой – характеризует сторонников А.Г. Шляпникова, как «коммунистов, увлекшихся идеями анархо-синдикализма», а деятельность группы оценивает как

угрожающую «руководящей роли партии» [36]. Выбранный подход не позволил автору объективно рассмотреть причины возникновения «рабочей оппозиции» и ее место во внутрипартийной борьбе. Вне поля зрения автора оказались вопросы численности, состава сторонников А.Г. Шляпникова, их взгляды на внутрипартийные процессы, механизмы взаимодействия с основными оппонентами, причины поражения.

Другие исследователи на первых порах деидеологизации заинтересовались проблемой альтернатив развития советского государства. Переосмыслив и проанализировав взгляды виднейших лидеров оппозиционных группировок в правящей партии, ряд авторов (Д.А. Волкогонов, Г.Л. Олех и др.) пришли к заключению об отсутствии каких-либо альтернатив внутри большевизма. Другие историки связывали серьезную оппозицию сталинизму с именами Н.И. Бухарина [37] и Л.Д. Троцкого [38]. В этом контексте «рабочая оппозиция» затрагивалась лишь в ряду других второстепенных участников внутрипартийных конфликтов и не становилась самостоятельным объектом изучения, поскольку большинство историков не видело в ней серьезной политической силы [39].

Отдельные аспекты истории «рабочей оппозиции» в РКП (б) рассматривались также в некоторых общих работах, целью которых являлось переосмысление новой экономической политики [40], исследование формирования и функционирования советской политической системы в целом [41]. Существенный вклад в изучение проблемы внесли О.В. Волобуев, С.В. Кулешов, В.С. Измозик, Ю.Г. Фельштинский [42] и другие, обратившиеся к эволюции внутрипартийных конфликтов, прежде всего, на вершине пирамиды власти.

Серьезным обобщающим трудом, в котором нашли свое выражение новые достижения отечественной исторической науки, стала коллективная монография «Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия» (М., 1995). Несмотря на то, что описание деятельности «рабочей

оппозиции» было включено в общий контекст политической конфронтации в стране, в этом издании были поставлены важные проблемы. Во-первых, был затронут вопрос о неоднородности сторонников оппозиции, в отсутствии идейного и организационного единства между «низовыми партийными течениями, получившими название рабочей оппозиции, и группировкой «рабочей оппозиции», оформившейся в центре» [43]. Во-вторых, авторы обращают внимание не только на разногласия между ленинцами, числом преобладавшими в ЦК, и группой А.Г. Шляпникова, но и на противоречия между «рабочей оппозицией» и другими оппозиционными группами, временами не менее острые.

Однако в работе не были вскрыты ни объективные причины и предпосылки возникновения группы А.Г. Шляпникова, ни факторы, приведшие ее к поражению. Возможно, это объясняется концентрацией внимания авторов на «куда более серьезных политических силах» [44], что, в целом, неизбежно в работах столь обобщающего характера. Одним из достоинств данной публикации является анализ деятельности «рабочей оппозиции» с учетом специфики некоторых местных партийных организаций. Вместе с тем исследователи ограничились анализом взаимоотношений партийного руководства и оппозиции в рамках большевистской элиты, а также обошли вниманием ряд регионов (Нижегородский, Владимирский, Омский и др.), в которых были широко распространены взгляды А.Г. Шляпникова и близкие к ним настроения.

Наряду с обсуждением общих проблем истории политической борьбы в первые годы советской власти, нарастает интерес историков к частным вопросам. Ряд важных положений в изучение истории «рабочей оппозиции» в РКП (б) внес А.Ф. Киселев, обратившийся к дискуссиям 1917-1920-х гг. о месте и роли профсоюзов в Советской России [45]. Исследователь исходит из того, что большевики не имели стойкой концепции места профсоюзов в системе диктатуры пролетариата, что она вырабатывалась в практической работе и была

не свободна от серьезных перекосов. Особенно отчетливо это проявилось, когда в результате реализации программы милитаризации труда профсоюзы, по существу, превратились в придаток государства, а российское профдвижение оказалось в тупике. Проанализировав взгляды большевистских лидеров в связи с поисками нового курса развития профсоюзов в конце 1920 г., А.Ф. Киселев подразделяет их на две группировки – сторонников огосударствления союзов и тех, кто считал необходимым отойти от этой практики. Коммунистов, поддержавших А.Г. Шляпникова, автор относит к первой группировке.

В рамках изучения различных аспектов истории профсоюзного движения к истории «рабочей оппозиции» в РКП (б) также обращались Р. Даниелс, Г.М. Иванова, В.И. Носач, Г.В. Ходаков и другие [46].

По-прежнему, одной из самых дискуссионных тем для современных историков остается X съезд РКП (б), ссылками на «репрессивные резолюции» которого обосновывалась борьба с любой внутрипартийной оппозицией в 1920-е годы. В контексте изучения различных аспектов истории X съезда проблема «рабочей оппозиции» в РКП (б) затрагивалась в публикациях Н.Н. Метельского, Г.Л. Олеха и других авторов [47].

Спорным моментом для исследователей остается роль резолюции «О единстве партии» в ликвидации внутрипартийных политических конкурентов руководящего большинства РКП (б). Так, если одни ученые полагают, что «рабочая оппозиция» практически сразу после X съезда РКП (б) прекратила свое существование [48], то другие, напротив, утверждают что резолюция «О единстве партии» «не сыграла сколь-нибудь существенной роли в ликвидации фракционности и групповщины» [49].

Более гибкую и взвешенную оценку положения дел в стране и партии в связи с X съездом РКП (б) дает Г.Л. Олех. Он оценивает результаты съезда как тактическое решение проблемы оппозиции курсу ЦК РКП (б), которое оказалось, однако, стратегическим проигрышем. По его мнению, принятые на съезде резолюции «по существу загнали разъедавшую партийный аппарат язву

бюрократизма вглубь, не предложив кардинального лечения». Итог деятельности съезда, таким образом, оказывается неизбежно противоречивым. С одной стороны, «кризис в партии был временно снят», оппозиция «посрамлена и наголову разбита», а с другой – «усилилось брожение в среде критически мыслящих членов партии» [50].

С конца 1980-х гг. исследователи в поисках социальных истоков внутрипартийной борьбы, все больше переключают свое внимание с верхних эшелонов власти на взаимоотношения большевистского руководства с широкими слоями населения. В этом контексте некоторые исследователи по-новому взглянули на проблему Российского пролетариата. Состав, социальные изменения, интересы рабочего класса, к потребностям которых постоянно апеллировала «рабочая оппозиция», охарактеризовали на общероссийском материале Е.Г. Гимпельсон, А.К. Соколов, Д.О. Чураков [51], на региональном материале – С.П. Постников, М.А. Фельдман, С.В. Яров и другие [52].

Ряд отечественных и зарубежных историков обратились к проблеме рабочего самоуправления, развитие которого, по их мнению, могло бы стать альтернативой тотальному усилению государства[53]. Вновь значимой становится фигура А.Г. Шляпникова, деятельность которого по повышению роли рабочих в управлении народным хозяйством стала одним из моментов противоречивой истории взаимоотношений «класса-гегемона» со стоящей у власти «рабочей» партией.

Некоторые аспекты истории «рабочей оппозиции» затронуты в отдельных региональных исследованиях, посвященных изучению политической истории Советской России. Так, Г.Л. Олех характеризует омскую группу «рабочей оппозиции» как «образец стихийного «перераспределения» власти, происходившего повсеместно в правящей партийно-государственной верхушке страны» [54]. В этой связи обратим внимание на следующее обстоятельство. Безусловно, борьба за власть оказала значительное влияние на ход и результаты внутрипартийных процессов. Вместе с тем считать, что этот фактор имел

исключительное значение, было бы, на наш взгляд, односторонне, поскольку любая политическая активность неразрывно связана с конфликтами вокруг властных полномочий. В рамках изучения внутрипартийной борьбы в большевистских организациях Сибири к характеристике организационных структур «рабочей оппозиции» обращался В.В. Демидов [55].

Наиболее полные региональные исследования, посвященные вопросам политической конфронтации в 1920-е гг., принадлежат уральским ученым. Ряд вопросов, связанных с деятельностью «рабочей оппозиции» в Екатеринбургской и Пермской партийных организациях был проанализирован в работах А.Б. Суслова. Автор полагает, что внутрипартийные группы «формировались преимущественно вокруг ярких личностей» [56]. Так, по его мнению, движение общественного протеста, которое получило название «мясниковщина», стало возможным благодаря личным качествам Г.И. Мясникова и «отчасти было направлено на достижение большей хозяйственной самостоятельности предприятий, и на достижение большей политической свободы, как масс рабочих, так и их низовых организаций» [57].

Значительное внимание А.Б. Суслов уделяет формам и методам пресечения деятельности политической оппозиции. В процессе исследования автор пришел к выводу, что «подавление всяческой оппозиции, абсолютное нежелание идти на встречу даже конструктивным ее предложениям могут вести к монополизации власти партийной верхушкой, к бюрократическому перерождению не только руководства», но и всей политической системы государства [58].

Отдельные аспекты внутрипартийной оппозиции, в которой участвовали сторонники А.Г. Шляпникова, были охарактеризованы в докторской диссертации В.М. Кружинова, посвященной истории политических конфликтов на Урале в первое десятилетие советской власти [59]. Данное исследование стало одним из первых обобщающих трудов, в котором проблема участия общественных «низов» в политическом процессе выступила как

самостоятельная и одна из ведущих. Истоки оппозиционных групп, в том числе и «рабочей оппозиции» в большевистской партии В.М. Кружинов связывает с «реакцией революционаризма «эпохи бурь и натиска» против действительного хода русской революции, против тактики непрерывного лавирования и маневрирования, которая навязывалась партии неумолимыми реалиями жизни»[60].

В начале 1990-х гг., в связи с реабилитацией А.Г. Шляпникова, начинают переиздаваться его работы, посвященные истории революционной борьбы в России. Особый интерес представляет вступление к изданию книги А.Г. Шляпникова «Канун семнадцатого года. Семнадцатый год» (М., 1992), составленное А.С. Смольниковым и А.А. Чернобаевым. Характеризуя платформу А.Г. Шляпникова, авторы пишут: «В политической области «рабочая оппозиция» предполагала осуществить меры по освобождению партийных органов от функций непосредственного хозяйственного управления. Одновременно ею вносился ряд предложений, направленных против бюрократизации партийного и государственного управления. Лидеры «рабочей оппозиции» выступали также за ослабление материальных тягот выпавших на долю рабочего класса» [61]. Отдельные положения данной публикации А.А. Чернобаев развивает в последующих работах, в том числе изданиях за рубежом[62].

В то же время одни исследователи (Д.А. Палагин, Б. Аллен) полагают, что «рабочая оппозиция» стремилась выразить подлинные взгляды рабочего класса [63], другие (В.М. Кружинов) видят в ней поборницу интересов лишь незначительной его части – профсоюзно-коммунистической верхушки [64]. Дискуссионным остается и вопрос о возможности реализации платформы А.Г. Шляпникова в сложных условиях того времени. Так, Б.Н. Земцов, А.Ф. Киселев, В.П. Наумов оценивают программу «рабочей оппозиции» как несостоятельную и утопичную [65], в то время как Г.В. Ходаков, И.А.

Прохоренко пришли к выводу, что в ней «были и рациональные предложения»[66].

В 1990-е гг. исследование темы продолжалось в русле биографического жанра. Появились работы Ю. Аксютина, В.М. Кружинова, В.П. Наумова, А.А. Чернобаева о А.Г. Шляпникове, Г.И. Мясникове и других сторонниках «рабочей оппозиции» [67].

Проделанный историографический анализ, как на общероссийском, так и региональном уровнях позволил сделать вывод, что история «рабочей оппозиции» в РКП (б) не становилась самостоятельным объектом исследования и рассматривалась либо в рамках изучения отдельных аспектов социальной и политической истории нашей страны, либо по линии разработки отдельных вопросов, связанных с деятельностью группы. Вместе с тем обращения к теме в русле взаимоотношения правящих групп и «рабочей оппозиции» на средних этажах власти, взаимодействия центра и провинции, с учетом региональной специфики носят единичный характер.

Важность такой работы определяется отсутствием в современной исторической науке трудов обобщающего характера, которые комплексно, с использованием широкого круга источников и достижений отечественной и зарубежной историографии проанализировали истоки, программные принципы, основные этапы и причины поражения «рабочей оппозиции» в РКП (б) в масштабах всей страны.

Источниковую базу исследования составили разнообразные документальные материалы, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые.

Первая группа источников охватывает *документы высших органов РКП (б) и государственной власти,* объединение которых определяется фактическим слиянием функций партийных и государственных структур в советской политической системе. Важное значение для осмысления целей и задач большевистского руководства, его стратегии и тактики имеют программные

документы РКП (б). К ним апеллировали все внутрипартийные фракции и группы, в том числе и «рабочая оппозиция». Так, аргументируя требование передать управление производством профсоюзам, она акцентировала внимание на 5 пункте партийной программы, принятой VIII съездом РКП (б). В нем декларировалось, что «организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы», которые «должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым» [68].

В работе использованы стенографические отчеты (протоколы) съездов и конференций большевистской партии, содержащие значительный фактический материал, который отражает механизм выработки и принятия ключевых решений, определяющих политический и экономический курс советского государства. Нередко на партийных съездах звучали оппозиционные речи, в том числе и представителей «рабочей оппозиции». Анализ этих выступлений необходим для прояснения точки зрения сторонников группы А.Г. Шляпникова по ряду вопросов.

В эту же группу источников вошли стенограммы пленумов, протоколы заседаний политбюро ЦК РКП (б) и другая делопроизводственная документация центрального партаппарата большевиков. Значительный массив таких источников отложился в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Важность включения этих документов в круг исследуемых источников обуславливается тем, что именно высшими партийными органами было принято множество значимых решений, определивших характер советской политической системы в целом, и судьбу «рабочей оппозиции», в частности. При этом, характеризуя протоколы и стенограммы Политбюро, необходимо иметь в виду их лапидарность. Они излагались в соответствии с принципами краткости и осторожности, в силу чего речи и выступления оппозиционеров

фиксировались не полностью, а решения по наиболее серьезным вопросам вообще не заносились в официальные отчеты [69]. На характер ведения протоколов влияла и все возрастающая централизация партийно-государственной системы, приводившая к решению и обсуждению наиболее важных вопросов вне заседаний партийных органов.

Несмотря на указанные особенности, анализ источников этой группы позволяет сделать ряд принципиальных для изучения внутрипартийной ситуации 1919-1923 гг. выводов. Во-первых, данные материалы неоценимы для воссоздания позиции большинства ЦК РКП (б). Они свидетельствуют о перманентно возрастающей роли большевистской партии, а также постепенном слиянии ее руководящих органов с государственными институтами. Во-вторых, в них выражается нарастающая нетерпимость к инакомыслию, что с течением времени сделает немыслимым и саму возможность внутрипартийной демократии. Эта тенденция наиболее рельефно проявилась в сравнении тех мер, которые применялись руководством по отношению к «рабочей оппозиции» в начале и в конце взятого для исследования периода. Так, если в 1920 г. наказание Г.И. Мясникова за внутрипартийную критику ограничилось высылкой его из Пермской организации «на исправление» в Петроград, то в 1922-1923 гг. за подобные нарушения партийной дисциплины были исключены из РКП (б) и более лояльно настроенные коммунисты.

Определенное место в этой группе источников занимают документы государственных органов. Автором изучены материалы сессий ВЦИК и съездов Советов, которые дают представление о влиянии внутрипартийных противоборств на политику государственных структур. Особый интерес в этом отношении представляют документы фракции РКП (б) VIII Всероссийского съезда Советов (РГАСПИ. Ф.94. Оп.2. Д.16), на котором перед тысячами ответственных партийных работников страны состоялось первое открытое обсуждение вопросов о роли и задачах профсоюзов. Привлечение этих источников дало возможность не только уточнить расстановку политических

сил в высших государственных органах власти на конец 1920 г., но и определить мотивы, которыми руководствовались в обсуждении спорных моментов как сторонники «рабочей оппозиции», так и их оппоненты.

Среди документов государственных органов нами также были использованы декреты СНК и постановления ВСНХ [70], необходимые для конкретизации тактических разногласий между руководством РКП (б) и представителями «рабочей оппозиции» в вопросах определения экономического курса советской республики.

Во вторую группу вошли *работы и выступления государственных и общественных деятелей Советской России.* Среди них статьи и речи Н.И. Бухарина, Г.Е. Зиновьева, Н.Н. Крестинского, В.И. Ленина, В.М. Молотова, И.В. Сталина, М.П. Томского, Л.Д. Троцкого [71]. Большинство этих работ опубликовано, однако отдельные выявлены в региональных архивах [72]. Анализ указанных документов позволил определить теоретические представления руководителей страны, их взгляды на внутрипартийную оппозицию и политический процесс в целом.

Важную роль в осмыслении проблемы имели статьи, доклады, речи, заявления А.М. Коллонтай, Н.В. Копылова, Г.И. Мясникова А.Г. Шляпникова и других представителей «рабочей оппозиции». Некоторые из этих источников хранятся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ РФ) [73]. Указанные документы помогли воссоздать идеи сторонников А.Г. Шляпникова и проследить их эволюцию. Особое значение имеют письма, отражающие личное отношение авторов к товарищам и говорят о существующих разногласиях между ними, в частности, по вопросам о применяемых методах борьбы за расширение влияния группы.

Третью группу источников составляют *программные документы «рабочей оппозиции».* Среди них платформа «рабочей оппозиции», выдвинутая в период дискуссии о профсоюзах, манифест «Рабочей группы РКП (б)», программа «Рабочей правды», а также тезисы, декларации, обращения, легшие

в основу этих программных документов. Указанные источники имеют первостепенное значение для определения специфики воззрений представителей «рабочей оппозиции», отражают их политические и социально-экономические требования.

Четвертая группа источников охватывает *материалы профсоюзных органов и организаций.* Их привлечение позволило изучить характер взаимодействия профобъединений, часть руководителей которых нередко выступала на стороне А.Г. Шляпникова, с партийными и хозяйственными структурами и проследить механизмы зарождения «рабочей оппозиции». Наряду с опубликованными документами этой группы [74], ряд ценных источников был выявлен в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Прежде всего, это материалы, хранящиеся в фонде Центрального Комитета Всесоюзного профессионального союза рабочих металлистов (ВСРМ) (Ф. 5469) и фракции РКП (б) Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС) (Ф. 5451), необходимые для реконструкции важнейших событий в истории «рабочей оппозиции». Особый интерес для исследования представляют материалы IV Всероссийского съезда профсоюзов, IV и V съездов ВСРМ, являющиеся неоценимым источником для воссоздания картины вытеснения представителей «рабочей оппозиции» из профсоюзов после X съезда РКП (б). Вместе с тем, следует отметить неполноту и фрагментарность стенограммы заседаний коммунистической фракции IV съезда профсоюзов, – сложность, на которую уже обращали внимание отечественные исследователи [75].

Пятая группа источников включает *документы региональных большевистских организаций.* Среди них протоколы собраний партийных ячеек и заседаний низовых партийных структур, их переписка с вышестоящими партийными организациями, а также стенограммы партийных конференций, информационные сводки, обзоры, протоколы совещаний и постановления региональных бюро ЦК РКП (б), областных, губернских, окружных и уездных

партийных комитетов РКП (б). Эти документы содержат информацию о внутрипартийной и общественной жизни регионов, позволяют проследить механизм воздействия «верхов» партии на ее «низы», выявить роль средних этажей как связующего звена между центром и провинцией. Большинство указанных источников выявлено в хранилищах Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области (ГАНИОПДПО), Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), Государственного архива общественно-политических организаций Томской области (ГАОПОТО), Государственного архива общественно-политических организаций Тульской области (ГАОПОТО), Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО), Центрального архива общественных движений Москвы (ЦАОДМ), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГОПАНО).

Обращение к материалам, хранящимся в этих архивах, позволило выявить географию «рабочей оппозиции», численность ее сторонников и персональный состав, детализировать ряд положений. В то же время приходилось учитывать, что по мере концентрации власти на вершине партийной пирамиды, местные большевистские организации постепенно теряли способность непредвзято оценивать положение дел в регионах и подстраивались под те указания, которые шли сверху.

К шестой группе источников относятся *статистические материалы.* Среди них сборники «Всероссийская перепись членов РКП 1922 года» (М., 1923), «Материалы по статистике личного состава РКП» (М., 1921) и другие, привлечение которых позволяет составить представление о численности РКП (б) в указанный период, ее социальном составе. Вместе с тем, следует отметить условность и неподтвержденность некоторых данных. Так, в докладе П.А. Залуцкого на XI Всероссийской конференции РКП (б) (19-22 декабря 1921 г.)

отмечалось, что во время Гражданской войны «никто не наблюдал за тем, кто идет в партию, какие социальные группы... Даже не было количественного подсчета, а также качественного учета тех людей, которые идут в партию» [76].

Отдельной группой статистических данных являются документы профсоюзных и хозяйственных органов, часть которых опубликована [77], а некоторые выявлены в фондах фракций РКП (б) ВЦСПС (ГАРФ. Ф. 5451) и ВСРМ (ГАРФ. Ф. 5469). С помощью этих источников были определены состав и численность профорганизаций в исследуемый период, уточнены сведения о положении рабочего класса, его численности в разных отраслях промышленности и материальном положении. Особый интерес представляют сводки, списки, отчеты центральных и региональных отделений ВСРМ, содержащие фактический материал для реконструкции положения дел в ключевом для «рабочей оппозиции» профобъединении.

Седьмая группа источников представлена *периодическими изданиями.* Стоит отметить, что в условиях монополии большевистской партии на прессу, деятельность «рабочей оппозиции» освещалась на страницах советско-партийной печати фрагментарно и исключительно в русле официальных установок. В меньшей степени это касалось изданий профсоюзных организаций, обладавших известной самостоятельностью в начале указанного периода («Вестник металлиста», «Металлист», «Металлист и горняк»). Вместе с тем использование материалов данной группы источников необходимо для воссоздания общей ситуации в стране, форм и методов деятельности правящей партии, профессиональных союзов. В центральных и региональных газетах нередко публиковались документы «рабочей оппозиции» и их оппонентов. В то же время характер прессы с 1919 по 1923 гг. менялся. Так, если в период дискуссии о профсоюзах платформу «рабочей оппозиции» опубликовали без внесения корректив, то в 1922 г. из «заявления 22-х» были напечатаны лишь фрагменты, которые трактовались с точки зрения руководящего ЦК РКП (б). В результате основная партийная масса знакомилась с этим и другими

важнейшими событиями партийной жизни только со слов и комментариев оппонентов «рабочей оппозиции». Ряд сведений автор почерпнул из «Социалистического вестника» – издания меньшевиков-эмигрантов, регулярно информировавшего своих читателей о внутрипартийной обстановке в Советской России.

Наконец, восьмую группу источников составили *воспоминания,* в том числе дочери лидера «рабочей оппозиции» И.А. Шляпниковой. Эти документы оказали определенную помощь в реконструкции истории «рабочей оппозиции» в РКП (б). Сравнение их с другими свидетельствами позволяет описать внутренний мир участников конфликтов, мотивы, которыми они руководствовались в своих поступках, а нередко дополнить те или иные события существенными деталями. Так, воспоминания А.И. Микояна, Т.Ф. Людвинской позволили составить представление об агитационно-пропагандистской работе и использовании административных ресурсов ленинским большинством в период дискуссии о профсоюзах [78]. В то же время источники мемуарного характера нужно воспринимать с учетом того, что в большинстве своем они принадлежат сторонникам официального партийного курса. Примером в этом отношении являются «Памятные записки» Л.М. Кагановича, написанные с откровенно сталинских позиций и местами напоминающие «учебник по истории КПСС».

Методологической базой исследования выступает «системный подход» (Т. Парсонс, П.А. Сорокин), предписывающий понимать предмет исследования как необходимый элемент политической системы, встроенный в отношения «власть-оппозиция». Данный подход позволяет выявить место и функции оппозиции, которое она занимала в системе, основные связи со структурами власти, динамику и характер их взаимодействия, а также причины устранения оппозиции с политической арены. «Рабочую оппозицию» в РКП (б) в этом случае следует рассматривать как элемент системы отношений «власть-оппозиция».

Применительно к предмету данного исследования основные положения системного подхода конкретизируются в соответствии с теорией политической оппозиции. Политическая оппозиция обычно идентифицируется с политическими субъектами, «которые ущемлены в своих правах иметь высший статус в общественной системе, формировать и утверждать господствующие ценности, распоряжаться общественными благами и ресурсами и добиваться их перераспределения в свою пользу» [79]. Политической оппозицией также называют «организованную группу активных индивидов, объединенных сознанием общности своих политических интересов, ценностей и целей и ведущих борьбу с господствующим субъектом за доминирующий статус в системе государственной власти» [80]. Философско-социологическая традиция связывает возникновение оппозиционности с конфликтом интересов, который разворачивается между теми, кто располагает властными полномочиями и ресурсами, и теми, кто таковыми не располагает [81].

Для функционирования оппозиции в политическом пространстве необходимы следующие факторы. Во-первых, это наличие разногласий с группой, находящейся у власти и располагающей необходимыми ресурсами для проведения своих решений. Несогласие с официальным курсом должно результироваться в активное противодействие этому курсу. Во-вторых, должны быть известны «правила игры» и механизмы их реализации, на основании которых будут действовать субъекты политики – властные структуры и оппозиция [82].

При этом следует отметить, что применение современных теорий оппозиции, моделью для которых выступает открытое демократическое общество, нуждаются в известной корректировке при их отнесении к реалиям политической жизни России 1919-1923 годов. Существовавшая фактическая однопартийность исключала саму возможность легитимации «внепартийной» оппозиции. Единственной альтернативой официальной линии ЦК на первых порах становления советского строя являлись оппозиционные группы в самой

РКП (б). Значимым аспектом также является незавершенность тех «правил игры», которые в сложившихся политических системах определяют сущность взаимоотношений на вертикальном уровне (власть-оппозиция).

Важную роль в изучении данной темы играл принцип историзма, понимаемый как требование рассматривать любой исторический факт или явление в становлении и развитии, во взаимосвязи и взаимодействии с другими фактами и явлениями, а также условиями, при которых они происходили.

Исследуя историю «рабочей оппозиции» в РКП (б), автор опирался на принцип всесторонности, реализация которого позволила создать широкую источниковую базу и сделать разноплановые выводы и обобщения. При обработке фактического материала были использованы такие общенаучные методы исследования как системный, классификации, типологии, статистический, а также специальные исторические методы – проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, синхронный и другие.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1. Впервые комплексно, на широком общероссийском фоне исследуется история «рабочей оппозиции» в РКП (б) в 1919-1923 гг., анализируются условия ее возникновения, основные этапы эволюции, определяется место группы в политическом пространстве Советской России, причины поражения.

2. В отличие от предшественников, фокусировавших внимание на фигурах политических лидеров «рабочей оппозиции», автор сместил акценты на ее средние и нижние уровни. Это позволило впервые проанализировать механизм рекрутирования сторонников, состав группы, ее численность на разных этапах существования.

3. Впервые исследуется политическое поведение представителей разных течений «рабочей оппозиции», от крайне радикального («Рабоче-крестьянская социалистическая партия», «мясниковщина», «Рабочая группа») до умеренного («Рабочая правда»).

4. Впервые проведен детальный анализ формирования и деятельности групп «рабочей оппозиции» в большинстве губернских организаций РКП (б), в том числе центральных и периферийных. Расширение географии исследования позволило выявить внутренние и внешние связи оппозиции, закономерности и специфику ее проявлений в различных регионах России.

5. Даются новые оценки политического и социально-экономического разделов платформы «рабочей оппозиции», ее взаимодействия с другими внутрипартийными течениями, причин поражения.

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в научной работе (подготовка обобщающих трудов, посвященных политической истории России), в учебном процессе (подготовка соответствующих разделов лекционных курсов и семинаров по данной проблематике). Уроки и практика взаимодействия власти и оппозиции в первые годы советской власти заслуживают внимания действующих политиков и управленцев.

Апробация работы. Основные выводы, положения и результаты диссертации нашли отражение в шести научных публикациях. По теме исследования сделаны доклады и сообщения на Международной и Всероссийской конференциях в Омске и Тобольске. Материалы диссертационного исследования были использованы при разработке и чтении лекционных курсов и проведении семинарских занятий по отечественной истории в Тюменском государственном университете.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гусев С.И. Рабочая оппозиция о роли и значении профсоюзов. Харьков, 1921; Ярославский Ем. Потеряли направление // Правда. 1923. 13 ноября; Он же. Что такое «Рабочая правда». Харьков, 1924.
[2] Рабочая оппозиция. Материалы и документы. 1920-1926 гг. М.;Л., 1926; Путь «рабочей оппозиции»: Сб.ст. М., 1926; Дискуссия о профсоюзах: Материалы и документы 1920-1921 гг. М.; Л., 1927.
[3] Бронин Я. К характеристике «рабочей оппозиции» в профсоюзной дискуссии 1920-1921гг. // Пролетарская революция. 1929. № 1; Слепков А. Оппозиционные течения внутри ВКП (б). М.; Л.,1926; Сорин В. Рабочая группа («мясниковщина»). М., 1924.
[4] Гайсинский М. Борьба с уклонами от генеральной линии партии: Исторический очерк. М.; Л., 1930; Он же. Борьба с уклонами от генеральной линии партии. Исторический очерк внутрипартийной борьбы послеоктябрьского периода. Изд. 2, испр. и доп. М.; Л., 1931.
[5] Беседовский Г.З. На путях к термидору. Из воспоминаний бывшего советского дипломата: В 2 т. Париж, 1930-1931; Гарви П.А. Закат большевизма. Десять лет диктатуры. Рига, 1928; Далин Д.Ю. После войн и революций. Берлин, 1922; Дан Ф.И. Два года скитаний. Берлин, 1922; Иванович Ст. ВКП. Десять лет коммунистической монополии. Париж, 1928; Мартов Ю.О. Мировой большевизм. Берлин, 1923.
[6] Социалистический вестник. 1926. № 1. С.8.
[7] Там же. 1928. № 21. С.3-8.
[8] Устрялов Н.В. Под знаком революции. Харбин, 1927. С.111.
[9] Мартов Ю.О. Мировой большевизм. Берлин, 1923.
[10] Далин Д. Новый курс в профессиональном движении // Социалистический вестник. 1922. № 4; Загорский С. Рабочий вопрос в Советской России. Берлин, 1925; Большевистская диктатура в свете анархизма. Париж, 1928 и др.
[11] История ВКП (б): Краткий курс. М., 1945. С. 240.
[12] Попов А.И. Борьба партии за единство своих рядов в период X съезда РКП (б): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1947; Лукин В.А. Борьба партии большевиков за укрепление единства своих рядов в период перехода от войны к мирному социалистическому строительству (1920-1921 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951 и др.
[13] Писманик Г. «Рабочая группа» (Мясниковщина) // Пролетарская революция. 1935. № 6. С.81-104; Хатаевич М. «Рабочая оппозиция» в Самаре в 1920 г. // Историк-марксист. 1935. № 7; Ярославский Ем. Анархо-синдикалистская «рабочая оппозиция» в ВКП (б) // Историк-марксист. 1935. № 7.
[14] История Коммунистической партии Советского союза. В 6-ти т. Т.4. кн.I. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР (1921-1937 гг.). Книга первая (1921-1929 гг.). М.,1970. С.26.
[15] Вяткин А.Я. Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп (ноябрь 1920-1925 гг.). Ч.1. Л., 1966; Дмитренко С.Л.

Борьба КПСС за единство своих рядов (октябрь 1917-1937 гг.). М., 1976; Иванов В.М. Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма (1921-1929 гг.). Л., 1973; Новиков М.Н. Идейная борьба большевистской партии против антиленинских группировок по вопросам НЭПа (1921-1925 гг.). М., 1987; Титов А.Г. Разгром оппортунизма в рядах КПСС в переходный период от капитализма к социализму в СССР. М., 1966.

[16] Баландина Л.А. Борьба Коммунистической партии против анархо-синдикалистского уклона (1920-1922 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1967; Вассер М.М. Разгром анархо-синдикалистского уклона в партии // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3; Канев С.Н. Борьба партии против анархо-синдикалистского уклона. М., 1979; Петросян Ц.С. Идейный и организационный разгром «рабочей оппозиции» (1920-1922 гг.) // Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М., 1966. С.421-453.

[17] См. например: Иванов В.М. X съезд РКП (б) об укреплении единства партии // Историческое значение X съезда РКП (б). М., 1982; Степанов А.С. Десятый съезд РКП (б). Изд. 2-е. М., 1971.

[18] См. например: Князева К. Борьба Тульской партийной организации за сплочение рабочего класса в первые годы нэпа. Тула, 1957; Лившиц А.Э. Самарская партийная организация в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.). М., 1960; Малышев А.В. Новгородская партийная организация в борьбе за единство своих рядов (1921-1925 гг.) // Вестник Ленинградского университета. 1974. № 20. С. 38-45; Тарусов В.Н. Борьба Московской партийной организации за идейно-политическое укрепление своих рядов (1918-1920 гг.) // Деятельность местных партийных организаций в условиях строительства социализма. М., 1972. С.38-53.

[19] См. например: Лившиц А.Э. Самарская партийная организация в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1960.

[20] Полякова Ф.П. Борьба Пермской партийной организации за единство своих рядов в период перехода к новой экономической политики // Доклады научно-теоретической конференции. Секция общественных наук. Пермь, 1963.

[21] Иванов В.П. Рабочий класс Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства (1919-1925): Дис. ... докт. ист. наук. М., 1973. С. 138-141.

[22] Фельдман В.В. Борьба уральских коммунистов против «мясниковщины» (1921-1922 гг.) // Классовая борьба на Урале (1917-1932 годы). Свердловск, 1974. С.38.

[23] Свободная мысль. 1922. № 1. С. 73.

[24] Кружинов В.М. Борьба партийных организаций Урала против троцкизма в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1977; Он же. Дискуссия о профсоюзах в Тюменской губернии // Классовая борьба на Урале и в Сибири в переходный период. Тюмень, 1987. С. 53-58.

[25] Мельников В.П. Областные бюро ЦК РКП (б): Из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920-1925 гг.). М., 1981.
[26] Фельдман В.В. Коммунисты Урала в борьбе за восстановление народного хозяйства. Свердловск, 1976.
[27] Daniels R.V. The Conscience of the Revolution. Communist Oppression in Soviet Russia. Cambridge.1960, p. 4.
[28] Улам А.Б. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004.
[29] Schapiro L. The origin of the Communist Autocracy. Political opposition in Soviet State: first phase, 1917-1922. New York - Washcington, 1965.
[30] Carr E.H. Bolshevik Revolution. 3 vols. New York, 1951-1953; Daniels P.V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition of the Coviet Russia. Cambridge, 1960; Ploss S. Conflict and Decision-Making in Soviet Russia. Princeton, 1965; Sakwa K. The party and opposition in Moscow 1920-early 1921. Osaka, 1986.
[31] Murphy K. Opposition at the Local Level: a Case Study of the Hammer and Sickle Factory // Europe-Asia studies, Vol. 53, No. 2, 2001.
[32] Anweiler O. Die Ratebewegung in Ruβland. 1905-1917. Leiden, 1958, S.308; Rauch G. Geschichte des bolschewistischen Ruβland. Wiesbaden, 1955, S.184-185.
[33] Deutcher I. Soviet Trade Unions. Their Place in Soviet Labour Policy. 1950, p.53
[34] Авторханов А. Происхождение партократии. В 2-х т. Франкфурт-на-Майне. Посев. 1973. 723с., 534с.
[35] Он же. Х съезд и осадное положение в партии // Новый мир. 1990. № 3. С. 201.
[36] Джанашия В.Г. Критика анархо-синдикалистской концепции управления производством: Автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1990. С. 20-21.
[37] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Форсированный рывок конца 20-х и 30-х годов: исторические корни // Политическое образование. 1988. № 15; Капустин М.П. От какого наследия мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 5; Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М., 1988.
[38] Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд сквозь годы. М., 1992.
[39] Васецкий Н.А. Из истории внутрипартийной борьбы. Политический аспект. 1922-1925 гг. М., 1997; Земцов Б.Н. Оппозиционные группировки 20-30-х годов (Саморазрушение революции). М., 1992; Назаров О.Г. Борьба за лидерство в РКП (б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы: Дис. … докт. ист. наук. Москва, 2001; Роговин В.З. Власть и оппозиция. М., 1993; Он же. Внутрипартийная борьба 20-х годов: причины и уроки // Политическое образование. 1989. № 14.
[40] Историческое значение нэпа. М., 1990; Гимпельсон Е.Г. Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2. С. 29-43; НЭП: приобретения и потери. М.,1994; Россия нэповская. М., 2002.

[41] Олех Г.Л. Партийная машина РКП (б) в начале 20-х гг.: Устройство и функционирование. Новосибирск, 1995; Гимпельсон Г.Е. Путь к однопартийной диктатуре // Отечественная история. 1994. № 4-5. С.94-110; Он же. Формирование советской политической системы, 1917-1923 гг. М., 1995; Он же. Советские управленцы 1920-е годы. М., 2001.
[42] Волобуев О.В., Кулешов С.В. Очищение: История и перестройка. М., 1989; Они же. Борьба за политическое лидерство в 20-е годы // Вестник высшей школы. 1990. № 3-4; Измозик В.С. Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918-1920 годах). СПб., 1995; Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. М., 1999.
[43] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 98.
[44] Там же. С.101.
[45] Киселев. А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917-1920 гг.). М., 1991.
[46] Даниелс Р. Социалистические альтернативы в споре о профсоюзах // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 354-365; Иванова Г.М. Профсоюзы: независимость или огосударствление // Формирование административно-командной системы в 20-30-е годы. М., 1992. С. 95-115; Носач В.И. Профессиональные союзы России: 1905-1930. СПб., 2001; Ходаков Г.В. Начало формирования профсоюзной платформы в РКП (б) в годы Гражданской войны. Саратов, 1991; Чечевишников А.Л. Партия и профсоюзы: кризис отношений // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5.
[47] Метельский Н.Н. X съезд РКП (б): шаг к нэпу или защита военного коммунизма? // Историческое значение нэпа. М., 1990; Олех Г.Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию. 1919-1924 гг. Новосибирск, 1992.
[48] Джанашия В.Г. Критика анархо-синдикалистской концепции управления производством: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. С.19; Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. М.: Наука, 1995, С.187.
[49] Власть и оппозиция: российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С.108.
[50] Олех Г.Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию. 1919-1924 гг. Новосибирск, 1992. С. 67,68,70.
[51] Гимпельсон Е.Г. «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // Отечественная история. 2000. № 5. С.38-46; Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества. М., 1987; Чураков Д.О. Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М., 2001.
[52] Постников С.П. Подготовка рабочих кадров на Урале: Дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 1991; Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала 1914-1941. Екатеринбург, 2001; Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999.

государственного университета. 1998. № 1; Лейберов И.П. А.Г. Шляпников – человек, революционер, государственный деятель // Историк и революция. СПб., 1999. С. 144-151; Наумов В.П. Александр Шляпников // Исторические портреты. М., 1993. С. 133-158; Шляпникова И.А. Правда об А.Г. Шляпникове // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 88-98.

[68] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. М., 1983. С. 84.

[69] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.37. Л.1, 2.

[70] См. например: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т.1.

[71] См. например: Зиновьев Г.Е. Неправильное во взглядах «рабочей оппозиции» на роль профсоюзов // Правда. 1921. 27 января; Сталин И.В. Об оппозиции. Статьи и речи 1921-1927 гг. М., 1928; Троцкий Л.Д. Новый курс. М., 1924.

[72] ГОПАНО. Ф.35. Оп.1. Д.442. Л.24 (Доклад В.М. Томского).

[73] ЦА ФСБ РФ. Ф. Р. 22718. Т.37. Л. 205-216 (Статьи, речи и выступления А.Г. Шляпникова в 1919-1920 гг.).

[74] См. например: Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов (2-7 ноября 1920 г.). Стенографический отчет. М., 1921.

[75] Чечевишников А.Л. Партия и профсоюзы: кризис отношений // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5. С.171.

[76] XI Всероссийская партийная конференция РКП (б). (19-22. XII. 1921 г.). Стенографический отчет. Самара, 1922. С.154.

[77] Материалы по текущей промышленной статистике за 1919 и 1920 годы: Труды ЦСУ. Т.Х. Вып. 1. М., 1922.; Народное хозяйство. 1921. № 5.

[78] Микоян А.И. В начале двадцатых… М., 1975; Людвинская Т.Ф. Из истории борьбы за единство партии в 1920-1921 гг. // Исторический архив. 1960. № 2.

[79] Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: проблемы легитимации и коммуникации // Народ – партия – власть. Общественно-политические движения как предмет исследования / Сост. Е.И. Хаванов. М., 1997. С.67.

[80] Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. 1998. № 5. С.96.

[81] Танова А.Г. Политическая оппозиция: к определению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2002. Сер.6, вып. 4 (№ 30). С.69.

[82] Там же. С.70.

[53] Прохоренко И.А. Рабочее самоуправление в России. 1917-1926 гг. (по материалам Самарской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 1998; Чураков Д.О. Рабочее государство и рабочее самоуправление: вместе или порознь дискуссии 1917-1918 годов // http://www.alternativy.ru/magazine/htm/01_3/churako.htm; Koenker D.P., Rosenberg W.G. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989.
[54] Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: Хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири. Вып.I. Ч.1. Новосибирск, 1994. С.120.
[55] Демидов В.В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г.- декабрь 1929 г.). Томск, 1997.
[56] Суслов А.Б. Межпартийная и внутрипартийная борьба на Урале в 1921-1929 гг. // Страницы истории Урала. Пермь, 1993. Вып.1. С.26.
[57] Там же. С.27.
[58] Суслов А.Б. Борьба уральских организаций РКП (б) с мелкобуржуазными группами и течениями в 1919-1927 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1989. С.14.
[59] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала): Дисс. ... докт. ист. наук. Тюмень, 2001.
[60] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 205.
[61] Смольников А.С., Чернобаев А.А. Предисловие к настоящему изданию // А.Г. Шляпников. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т.1. М., 1992. С. 14-15.
[62] Chernobaev A. The Shliapnikov – Stalin Duel: From the History of Intra-Party Struggle in the VKP (b.) in the 1920s. // Revolutionary Russia Vol.12. No.1, June 1999, pp. 103-114.
[63] Палагин Д.А. Взаимоотношения партийных и советских организаций самарской губернии в 1917-1920 гг. // С позиций нового мышления: Материалы областной научно-практической конференции. Куйбышев, 1990. С.139; Allen B. The Evolution of Communist Party Control over Trade Unions: Alexander Shliapnikov and the Trade Unions in May 1921 // Revolutionary Russia Vol.15. No.2, December 2002, p. 78.
[64] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С.103.
[65] Земцов Б.Н. Указ. соч. С. 36; Киселев А.Ф. Указ. соч. С. 212; Наумов В.П. Александр Гаврилович Шляпников (Страницы политической биографии) М., 1991. С. 40.
[66] Прохоренко И.А. Указ. соч. С.89.
[67] Аксютин Ю. Александр Шляпников // Факел. 1990. М., 1990. С.132-153; Беленький Б.И. Народный комиссар труда А.Г. Шляпников // Первое советское правительство Октябрь 1917 – июль 1918. М., 1991. С.88-104; Конищев Ю.П. Он спорил с Лениным // Профсоюзы и экономика. 1991. № 1. С. 96-102; Кружинов В.М. «Дело» Г.И. Мясникова // Вестник Тюменского

Глава 1.

Формирование группы «рабочей оппозиции» в РКП (б)

1.1. Истоки и первые проявления «рабочей оппозиции»

В историографии высказывались различные точки зрения по вопросу о времени зарождения группы «рабочей оппозиции» в РКП (б). Самая ранняя дата ее возникновения была предложена Е.М. Ярославским, М.С. Зорким и М.Г. Гайсинским [1], которые видели идейные истоки группы в заявлении А.Г. Шляпникова (будущего лидера «рабочей оппозиции») от 4 ноября 1917 г., предлагавшем расширить СНК за счет включения в него представителей «всех советских партий»[2]. Руководствуясь конъюнктурными политическими соображениями, эти авторы пытались задним числом обосновать изначальную «антипартийную направленность» платформы «рабочей оппозиции», хотя не составляет труда убедиться, что выступление А.Г. Шляпникова в поддержку многопартийного социалистического правительства, не имело отношения к тем документам, которые позже составят идеологический базис группы, и не сопровождалось практическими действиями, направленными против курса большинства ЦК РСДРП (б). Более того, в отличие от В.П. Ногина, А.Н. Рыкова, В.П. Милютина и И.А. Теодоровича, вышедших из СНК в знак протеста против политики ленинской группы, А.Г. Шляпников считал «недопустимым сложение с себя ответственностей и обязанностей» и остался в СНК в качестве наркома труда [3].

Я. Бронин и К.И. Шелавин связывают первые проявления «рабочей оппозиции» с весной 1919 г. [4], М.М. Вассер – с осенью 1919 г. [5], А.Ф. Киселев – с мартом 1920 года [6]. С.Н. Канев и В.Г. Джанашия относят начало деятельности «шляпниковцев» к IX Всероссийской конференции РКП (б) (22-25 сентября 1920 г.), на которой произошло их первое публичное выступление как организованной группы [7]. Существует мнение, что «рабочая оппозиция»

оформилась в «особое фракционное течение» в конце 1920 – начале 1921 гг. [8], когда в связи с подготовкой X съезда РКП (б) и дискуссией о профсоюзах сторонники А.Г. Шляпникова выступили в общероссийском масштабе.

Трудности, связанные с определением времени возникновения «рабочей оппозиции», объясняются тем, что она как особая группа в РКП (б) складывалась постепенно, по мере формирования особой идейной платформы, выделения лидеров и сторонников на местах.

Советские историки обычно объясняли появление «рабочей оппозиции» воздействием на большевистскую партию «мелкобуржуазной стихии» и вступлением в ряды РКП (б) «элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание» [9]. По мнению некоторых зарубежных исследователей, возникновение «рабочей оппозиции», как и иных внутрипартийных группировок, было обусловлено процессом социальной дифференциации среди коммунистов [10].

Многие современные авторы связывают появление «рабочей оппозиции» с кризисом военно-коммунистической практики, которая мало соответствовала первоначальным представлениям большевиков о будущем социалистическом обществе [11]. С другой стороны, если группа А.Г. Шляпникова отражала протест наиболее радикальной части партии против политики военного коммунизма, то перед нами встает вопрос: почему настроения «рабочей оппозиции» были популярны и после перехода к нэпу?

На наш взгляд, в сжатой форме причины появления оппозиционных групп в большевистской партии, в том числе и «рабочей оппозиции» наиболее точно показаны В.М. Кружиновым, объясняющим этот феномен «реакцией революционаризма ... против действительного хода русской революции, против тактики непрерывного лавирования и маневрирования, которая навязывалась партии неумолимыми реалиями жизни» [12]. Продолжая данную мысль можно констатировать, что «рабочая оппозиция», воплотив революционную традицию, взяла на себя функцию артикуляции протестных

настроений части большевиков против трансформации советской политической и хозяйственной системы. Группой затрагивались вопросы о «верхах» и «низах», о бюрократизации, о соотношении профсоюзных, государственных и партийных органов, но центральным, конечно, выступал вопрос о месте рабочего класса и его организаций в политической и хозяйственной жизни Советской России.

А.М. Коллонтай в программной брошюре «Рабочая оппозиция» так кратко сформулировала сущность проблемы: «За три года революции мы ... построили советские аппараты, утвердили принцип рабоче-крестьянской трудовой республики, но сам рабочий класс как класс, как единая нераспыленная социальная единица, с едиными однородными классовыми запросами, задачами, интересами, а следовательно, и однородной, выраженной четко-ясной политикой играет все меньшую роль в советской республике» [13].

Поддержав большевистскую революцию 1917 г., рабочие России связывали с ней надежды на разрешение своих социальных и экономических проблем. Положение о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г. и первые декреты советской власти в области трудового законодательства, казалось, открывали перед рабочим классом совершенно новые возможности. Прежде всего, шел процесс массового создания и усиления органов рабочего самоуправления – фабзавкомов, профсоюзов, рабочей кооперации, органов рабочего контроля. Так, после октября возникли рабочие комитеты на предприятиях Петроградской [14], Московской [15], Владимирской [16], Иваново-Вознесенской, Тульской [17] и других губерний России, через которые рабочие получили возможность улучшить собственное материальное положение. Фактически в их руки временно перешло решение вопросов о размерах и формах выдачи заработной платы, снабжения.

Более того, тяжелое экономическое положение страны, дальнейшее расширение сектора национализированных предприятий в совокупности с неразвитостью государственного аппарата и противодействием

предпринимателей мероприятиям советской власти вынуждали форсировать переход от рабочего контроля к рабочему управлению. В результате фабзавкомы и профсоюзы на многих предприятиях превращались в организаторов производства. Наиболее интенсивно этот процесс шел там, где сильны были пролетарские организации, например, в Центральном промышленном районе, на Урале. Так, на II губернском съезде иваново-вознесенских текстильщиков в докладе правления о хозяйственной работе профсоюзов отмечалось, что в большинстве случаев текстильщикам пришлось идти «дальше рабочего контроля и самим рабочим взять на себя управление производством»[18]. Как административные органы действовали рабочие комитеты фабрики Каретникова (Владимирская губерния) [19], Крапивенского кожевенного завода (Тульская губерния) [20], фабрично заводской комитет Балтийского завода (Петроград) [21]. Аналогичные процессы проходили в Московской губернии. Уже в декабре 1917 г. целый ряд предприятий управлялся завкомами – пуговичная фабрика Бенно-Ронталлер [22], заводы Михельсона, братьев Бромлей [23] и другие. По данным промышленной переписи 1918 г., проведенной по всей стране, исключая Урал и Донбасс, 64% или 4348 фабзавкомов и комиссий рабочего контроля принимали деятельное участие в управлении заводами и фабриками [24]. Одновременно шел процесс постепенного превращения фабзавкомов в низовые ячейки профобъединений. В этих условиях профсоюзы, установив организационные связи с органами рабочего самоуправления, не могли оказаться в стороне от той хозяйственной деятельности, которая разворачивалась на предприятиях силами пролетариата. События ставили профсоюзы перед необходимостью регулирования производства, если они не хотели остаться без массовой опоры в трудовых коллективах.

Совместно с органами рабочего самоуправления профобъединениям пришлось заниматься поиском и закупкой сырья и топлива, организацией ремонта оборудования, нормированием зарплаты, увольнением и наймом

рабочих, заготовкой и распределением продовольствия, налаживанием трудовой дисциплины и пр. Когда в Москве остановились заводы Михельсона, Центральное правление московского профсоюза металлистов поручило в начале декабря 1917 г. ведение дел контрольно-производственной комиссии завода. Центральное правление профсоюза текстильщиков пустило в ход фабрику Ставровской мануфактуры, владелец которой скрылся, фабрику Фермана, Ликинскую мануфактуру и ряд других организаций [25].

Таким образом, профсоюзы и фабзавкомы активно занялись управлением предприятиями. Как отмечал один из руководителей профсоюзного движения Я.Э. Рудзутак, «профессиональные союзы оказались почти единственными органами, которые наряду с проведением рабочего контроля могли и должны были взять на себя работу по управлению производством» [26]. Уже к январю 1918 г. у них был определенный опыт в организации промышленности и регулировании труда.

Вместе с тем профессиональное строительство, принявшее широкий размах после Февральской революции, было далеко от завершения. Наиболее интенсивно создание профобъединений шло в крупных промышленных центрах. Так, в Центральном промышленном районе в первой половине 1918 г. было объединено в профсоюзы свыше 759 тыс. рабочих и служащих, из которых 413 тыс. трудящихся приходилось на Московскую губернию [27]. Вторым по численности стал Северо-Западный район, охватывающий в начале 1918 г. 481 тыс. членов профобъединений, более 90% которых проживало в Петроградской губернии [28]. Далее шло Поволжье, где в начале 1918 г. число членов профсоюзов составляло свыше 333 тыс. человек [29]. Стоит отметить, что профессиональное движение неравномерно развивалось не только по различным районам, но и внутри отраслей промышленности. Быстрыми темпами создание профсоюзов шло среди металлистов и текстильщиков России. К лету 1918 г. количество рабочих-текстильщиков и рабочих-металлистов достигало соответственно 437 тыс. и 286 тыс. человек.

Относительно крупными профсоюзами, объединяющими в своих рядах около 30 тыс. рабочих и более, были профсоюзы горнорабочих, деревообделочников, печатников, транспортных рабочих [30]. Остальные профобъединения были небольшими по численности. В некоторых состояло всего несколько сотен человек (пожарников, народного образования, рабоче-строителей, писче-бумажников, табачников, химиков и пр.). В результате большинство профобъединений, имея незначительное количество членов и слабую организацию, не могли взять управление промышленностью в свои руки так, как это сделали крупные профсоюзы.

В то же время многочисленные проблемы, назревавшие в течение десятилетий в сочетании с частичной национализацией, экономическим кризисом, вызванным тремя годами войны и революцией, еще больше подорвали промышленное производство в России. В этих условиях деятельность даже крупных профсоюзных центров далеко не всегда была успешной. Уже к весне 1918 г. на многих предприятиях началось падение производства и заработной платы. Ухудшилось снабжение городов хлебом. Как отмечалось в циркулярном письме союза металлистов Тулы, «ввиду непрекращающегося обесценивания денег и продолжающегося вырастания цен на предметы первой необходимости реальная заработная плата отстает от возрастающих с каждым днем цен» [31]. О продовольственном положении в Петроградской губернии можно судить по следующему сообщению: «Совершенно оголодавшие железнодорожники станции Бологое решились на то, чтобы отцепить 4 вагона с хлебом, предназначенные для Петрограда. Только вмешательство властей предотвратило самоуправство» [32]. На почве продовольственного кризиса прошли волнения в Колпино, Рыбинске, Костроме, Нижнем Новгороде, Твери, Ярославле, Смоленске [33].

Голод и сохраняющаяся материальная нужда сопровождались нарастанием рабочего протеста, апогей которого приходится на весну – лето 1918 года. В эти месяцы акты неповиновения были зафиксированы во всех

крупнейших промышленных центрах страны: на Путиловском, Обуховском, Сормовском, Ижевском оружейном, Тульском оружейном заводах. В Москве мощный взрыв недовольства произошел на заводе братьев Бромлей, который еще недавно считался твердыней большевизма [34]. К выступлениям рабочих также подталкивали неверие части из них в справедливость новой власти, разочарование в большевиках, которые не могли дать народу того, что раньше обещали.

Трансформационные процессы затронули и большевистскую партию. Став ядром новой политической и административной системы, она обнаружила, что многие предоктябрьские лозунги, которые сыграли решающую роль в мобилизации масс на свержение Временного правительства, оказались в противоречии с задачами консолидации сил и укрепления государственной машины. Это обстоятельство неумолимо толкало большевистское руководство к корректировке «первородных» установок и даже отказу от некоторых из них, по крайней мере, в том виде, как это предполагалось изначально. Один из примеров такого рода – эволюция взглядов В.И. Ленина на принципы управления национализированным сектором экономики: от признания рабочего самоуправления на предприятиях в качестве одного из ведущих условий их функционирования при социализме до требования перехода к единоначалию в производственной сфере.

Таким образом, большевики все активнее делали ставку на растущий государственный аппарат управления народным хозяйством. С весны 1918 г., по мере того, как набирали силы совнархозы, начался период совместной управленческой деятельности профсоюзов и государственных органов регулирования народного хозяйства. Наиболее ярко эта тенденция выразилась в постановлениях I Всероссийского съезда советов народного хозяйства (25 мая – 4 июня 1918 г.), в которых рабочее самоуправление, если и не упразднялось окончательно, то сохранялось лишь в значительно усеченной форме. Приоритет полностью отдавался хозяйственным органам нового государства.

Согласно «Положению об управлении национализированными предприятиями», «две трети фабрично-заводского управления назначались Советом народного хозяйства». Лишь одна треть членов управления избиралась «профессионально-организованными рабочими предприятия» [35]. При этом «список членов фабрично-заводского управления» должен быть утвержден «ближайшим органом высшего управления». Более того, в случае необходимости вышестоящий СНХ мог назначить своего представителя, обладающего правом «решающего голоса и правом приостанавливать решения фабрично-заводского управления» [36]. Таким образом, решения съезда совнархозов фактически ликвидировали профобъединения как самостоятельные ячейки экономической жизни общества и как органы рабочего самоуправления. Постепенно ведущим становилось государственное начало. Вместе с тем элементы самоуправления еще оставались, так как рабочие коллективы имели право треть членов новых правлений избирать на общих собраниях. Основным оставался принцип коллегиальности в управлении. В дальнейшем реализация мер, направленных на усиление государственного влияния в промышленности, привела к монополизации государством бывшей буржуазной собственности и отчуждению рабочего класса и его организаций от средств производства.

Многие исследователи (А.Ф. Киселев, В.М. Кружинов, Б.Н. Земцов) [37] связывают причины ликвидации рабочего самоуправления с объективными обстоятельствами и проблемами, стоящими перед промышленностью того времени. Вместе с тем ряд историков (Д. Мандель, Д.О. Чураков) [38] не отрицая объективных оснований, считают, что одним из главных факторов, повлиявших на отказ от рабочего самоуправления, стало преобладание этатистских настроений в руководстве большевистской партии, да и среди большинства населения. Так, многие политики и экономисты того времени, – отмечает Д.О. Чураков, – считали, что «только всеобщее регулирование способно привести к улучшению экономических показателей; решение этой проблемы, по их

расчетам, было не под силу общественным организациям и требовало вмешательства административного аппарата, наделенного всей полнотой государственной власти» [39]. В то же время революционная практика многих рабочих была не столь велика, чтобы уверенно отстаивать демократические позиции, а разруха, царившая в стране, опыт военного времени создавали видимость всесилия государства и его распределительного аппарата [40].

С началом Гражданской войны и переходом к политике военного коммунизма «сформировавшиеся политический и экономический механизмы не имели ничего общего с дооктябрьскими представлениями большевиков» [41]. В этой ситуации большевистское руководство усилением государственного начала сокращает влияние общества на принятие важнейших государственных решений. В итоге, эта тенденция отразилась на профобъединениях, которые все больше включались в формирующуюся государственную систему управления народным хозяйством.

На положение профсоюзов в советском обществе обращалось повышенное внимание. И это не случайно, поскольку от этого зависело решение ряда принципиальных вопросов: о подходе к массам, о роли их в управлении, о связях и взаимодействиях государства с тем классом, который должен был стать господствующим в обществе. Неудивительно, что вопрос о роли и задачах профсоюзов в Советской России занял особое место в программе РКП (б), принятой в марте 1919 г. VIII съездом большевистской партии. В ней говорилось, что профессиональные союзы обеспечивают «неразрывную связь между центральным государственным управлением народным хозяйством и массами трудящихся» и обязаны «в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства». Подчеркивалось, что профсоюзы «должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством»[42].

Однако на практике вовлечение профсоюзов в управление экономикой оставалось всего лишь лозунгом. В условиях угрозы суверенитету советской

республики на первый план выдвигаются общегосударственные задачи, решение которых связано с централизацией всех сфер общественной жизни, неизбежным ростом бюрократии и строгой дисциплиной. В этой обстановке партийное руководство шло по пути постепенного оттеснения профессиональных объединений и усилению позиций государственных и хозяйственных органов.

Вместе с тем руководство металлообрабатывающей, текстильной, горнодобывающей и некоторых других отраслей промышленности в значительной степени находилось в руках соответствующих профобъединений. К этому времени они имели определенный опыт работы в области организации и управления, и крайне болезненно реагировали на вмешательство ВСНХ и ЦК РКП (б). Так, в 1919 г. практически все правления трестированных предприятий избирались на рабочих конференциях и утверждались ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов (ВСРМ) совместно с отделом металла ВСНХ. Как правило, главные правления отчитывались в своей работе не только перед ВСНХ, но и на пленумах ЦК ВСРМ [43]. Это приводило к тому, что местным отделениям союза металлистов приходилось «руководствоваться указаниями двух центров, нередко противоречащих друг другу» [44]. На местах не знали, кому подчиняться – отделу металла ВСНХ или ЦК своего союза.

Делегаты II Всероссийской конференции профсоюза металлистов (июль 1919 г.) говорили о неразберихе на местах, о столкновениях профсоюзов с совнархозами, попытками исполкомов Советов ограничить хозяйственную деятельность профсоюзов [45]. Так, делегаты от Петрограда предлагали подчинить отделы металла СНХ местным отделениям союза, «тогда ни исполкомы, ни партия не будут вмешиваться в их деятельность» [46]. Однако добившись этого, профсоюзы не могли влиять на состояние дел во всей металлопромышленности того или иного региона, так как крупные заводы, как правило, подчинялись главкам. Такая же картина складывалась и в текстильной отрасли, где крупные фабрики были подчинены Главтекстилю, а мелкие

местным совнархозам, что также ставило профсоюзам определенные преграды в их стремлении играть первые роли в сфере управления производством [47].

Сложившееся «двоевластие» в промышленности мешало функционированию как государственных органов, так и профсоюзов. Как отмечал А.Г. Шляпников, «в проведении в жизнь своих решений ЦК металлистов наталкивается на сопротивление ведомственных бюрократических аппаратов, поэтому многие мероприятия не получили осуществления» [48]. В свою очередь ВСНХ осенью 1919 г. ставит вопрос о том, чтобы профсоюзы не брали на себя функции управления хозяйственной жизнью [49].

В этой связи 30 сентября 1919 г. в газете «Металлист» – органе Всероссийского союза рабочих металлистов (ВСРМ), была опубликована статья председателя этого союза А.Г. Шляпникова, в которой осуждалась практика вмешательства партийных структур в хозяйственную жизнь, говорилось о «самоубийственной централизации», и «патентованных вождях», неспособных управлять экономикой [50].

Настроения недовольства вмешательством ЦК РКП (б) в профсоюзные организации не были единичны. Об этом говорит, к примеру, конфликт между фракцией ВЦСПС и Оргбюро ЦК партии, возникший в конце 1919 г. при обсуждении проекта «Положения о фракции ВЦСПС». В первом параграфе положения говорилось о том, что руководящей партийной организацией всего профдвижения является фракция РКП (б) ВЦСПС (а не ЦК РКП (б)) [51]. Оргбюро ЦК 22 декабря 1919 г. осудило этот проект. На заседании Политбюро 27 декабря М.П. Томский (руководитель ВЦСПС) и Ю.Х. Лутовинов (член президиума ВЦСПС и ЦК союза металлистов) отстаивали точку зрения фракции [52]. В.И. Ленин же выступил против такой формулировки и предложил дополнить проект следующими словами: «Томский и все бюро фракции ВЦСПС (это бюро обязательно утверждается Центральным Комитетом РКП) приглашаются на заседания Оргбюро ЦК РКП по всем вопросам профессионального движения» [53]. А IX съезд РКП (б) конкретизировал

положение о фракциях Устава партии, указав, что фракция ВЦСПС подчиняется ЦК РКП (б) [54].

На заседании политбюро 27 декабря 1919 г. резкой критике подверглись и тезисы А.Г. Шляпникова «К вопросу о взаимоотношении РКП, Советов и производственных союзов» [55], подготовленные им еще осенью 1919 года. В конце 1919 – начале 1920 гг. они обсуждались на заседаниях ЦК ВСРМ и ВЦСПС [56].

Основная идея тезисов заключалась в четком разграничении прав и обязанностей партии, Советов и профсоюзов – тех форм политической и экономической власти, которые собственно и представляли в своем единстве систему государственного и общественного устройства Советской России. По мнению А.Г. Шляпникова, РКП (б) должна отказаться от несвойственных ей функций и сохранить за собой только роль политического руководителя революционной борьбы и государственного строительства, Советы – стать формой политической власти, а профсоюзы - единственным организатором народного хозяйства и школой управления промышленностью для рабочих. А.Г. Шляпников утверждал, что «в процессе общей работы эти основные линии, определяющие границы деятельности и ответственности каждой организации, разрушились» [57]. Ответственность за такое положение дел он возлагал на ЦК РКП (б): «неработоспособность центральных правительственных органов, процветание там бюрократизма и саботажа свидетельствуют о неспособности организаторской части ЦК справится с задачей направления деятельности этих учреждений» [58]. Отсюда требование «реорганизации» ЦК посредством установления формальных «прав, обязанностей, и порядка его работ» и орабочения.

Тезисы вызвали негативную реакцию со стороны ЦК РКП (б). При обсуждении этого документа на заседаниях фракций ВЦСПС и МГСПС в марте 1920 г. представители ЦК РКП (б) Н.Н. Крестинский и Н.И. Бухарин выступили с жесткой критикой А.Г. Шляпникова, обвинив его в «синдикализме, цеховой

узости, недоверии к Советам и партии». Присутствующий на заседании С.А. Лозовский (председатель Московского губернского Совета профессиональных союзов), пытался защитить А.Г. Шляпникова [59]. Подобные обвинения вряд ли имели под собой почву. Тезисы не содержали покушения на руководящую роль партии, напротив, в пункте 12 указывалось: «Производственные объединения… признают за РКП политическое и экономическое руководство, отвергают независимость профессионального движения от политической партии, под каким бы лозунгом это не проводилось: равноценность, самостоятельность, антигосударственность и т.п.» [60].

Позицию ЦК РКП (б) в вопросе о взаимоотношении большевистской партии и профсоюзов выразил Г.Е. Зиновьев в тезисах «О хозяйственных, организационных и пропагандистских задачах партии и производственных союзов в настоящую эпоху». По мнению автора, между РКП (б) и профсоюзами не может быть равноправных партнерских отношений, поскольку партия руководит всеми рабочими организациями, в том числе профсоюзами, и представителям «теории равноправия» следует дать решительный бой. Г.Е. Зиновьев являлся сторонником огосударствления профобъединений и считал, что этот процесс уже идет, но форсировать его нет нужды [61].

Однако большинство профсоюзных лидеров не согласилось с позицией Г.Е. Зиновьева. Об этом можно судить по результатам заседания Московского комитета РКП (б), состоявшегося 7 марта 1920 г., на котором присутствовали крупные партийные руководители (Л.Б. Каменев, Н.Н. Крестинский, К.Б. Радек), председатель ВСНХ А.И. Рыков и лидеры профцентра (Н.П. Глебов, Ю.Х. Лутовинов, М.П. Томский, А.Г. Шляпников). Выступивший с докладом К.Б. Радек, развивая основные положения тезисов Г.Е. Зиновьева, упрекал профсоюзы в отрицательном отношении к специалистам, в нежелании проводить в жизнь единоличное правление, в синдикализме и недоверии к трудовой армии. Доклад К.Б. Радека и тезисы Г.Е. Зиновьева не вызвали поддержки среди профсоюзных руководителей. Так, М.П. Томский, указывая

на ненормальные отношения партии с профсоюзами, считал, что РКП (б) должна больше доверять профсоюзам и руководить ими исключительно через коммунистические фракции в союзах. Он настаивал на расширении прав профобъединений и четком разграничении обязанностей между ними и органами ВСНХ. В то же время М.П. Томский являлся сторонником огосударствления профсоюзов, выступая за подчинение их представителей в коллегиях хозяйственных органов «единой воле СНХ» [62].

С последним положением не согласился А.Г. Шляпников, выдвинув тезис об ответственности представителей профсоюзов не перед СНХ, а перед делегировавшими их союзами. Он также отвел обвинения в синдикализме, подчеркнув, что профсоюзы не собираются быть «хозяевами производства, а только ответственными организаторами его» [63]. А.Г. Шляпников выступил за то, чтобы ВСНХ избирался профсоюзами и утверждался ЦК РКП (б). По поводу трудармий он заметил, что «нам известно, что в армиях на десять работников сто едоков… от нужды мы используем и будем использовать их, но проповедовать эту систему – абсурд» [64]. Его позицию поддерживали А.С. Киселев (председатель ЦК Всероссийского союза горнорабочих), Б.Г. Козелев (член ЦК ВСРМ), Ю.Х. Лутовинов (член президиума ВЦСПС и ЦК ВСРМ) и некоторые другие руководители профдвижения. В то же время «шляпниковцы» разделяли мнение М.П. Томского в вопросе о коллегиальности управления промышленностью.

Таким образом, в результате обсуждения вопроса о роли и задачах профсоюзов в партийных и профсоюзных структурах столицы, выделяется группа коммунистов, разделяющих взгляды А.Г. Шляпникова, начинает формироваться московская «рабочая оппозиция». Вместе с тем предложения профсоюзных лидеров не встретили поддержки со стороны партийного руководства Московской губернской организации РКП (б), высказавшейся за тезисы, в которых говорилось о том, что профсоюзы «подчиняются Советам и являются организациями, проводящими волю партии пролетариата» [65].

Дальнейшие столкновения между партийными и профсоюзными лидерами произошли на XVII Московской губернской партийной конференции (13-14 марта 1920 г.). На ней сторонники А.Г. Шляпникова указывали на некомпетентность ЦК РКП (б) в экономических вопросах и предлагали разграничить обязанности партии и Советов, имеющих политическую власть в жизни государства, с одной стороны, и союзов, осуществляющих экономическое руководство, с другой.

Позицию ЦК РКП (б) на конференции представил Л.Б. Каменев, полагавший, что естественный процесс огосударствления не следует как форсировать, так и тормозить, а все противоречия между ВСНХ и профсоюзами, считал он, «изживутся сами собой» [66]. Выступление профессионалистов Л.Б. Каменев встретил резкой критикой: «Товарищи, причисляющие себя к группе А.Г. Шляпникова... полагают, что ЦК партии обязан в вопросах, касающихся экономического строительства, решать совместно с представителями профессиональных союзов. Таким образом, – заключал Л.Б. Каменев, – они хотят ограничить власть партии» [67]. В итоге, руководящий орган крупнейшей парторганизации страны высказался в пользу отстранения профсоюзов от управления народным хозяйством.

В то же время коммунисты среднего звена и рядовые партийцы поддержали тезисы А.Г. Шляпникова не только в Москве, но и в ряде промышленных центров Советской России. На II Тульской губернской конференции РКП (б) (февраль 1920 г.) Н.В. Копылов (член правления Тульского оружейного завода, представитель профсоюза металлистов и будущий лидер местной «рабочей оппозиции») [68], зачитал тезисы А.Г. Шляпникова «О взаимоотношении РКП, Советов и производственных союзов»[69]. Некоторые участники собрания активно поддержали оратора. Так, А. Сорокин, заявил: «тезисы, оглашенные т. Копыловым, считаю... единственными правильно определяющими форму участия профсоюзов в деле организации народного хозяйства» [70]. Однако в то время в Тульском губкоме

партии имели значительное влияние представители группы «демократического централизма» («децисты»), требования которых во многом совпадали с предложениями Н.В. Копылова. В частности, Н. Осинский (один из лидеров «децистов») также выступал против централизации и единоначалия в управлении промышленностью и настаивал на коллегиальности в руководстве предприятиями. В связи с этим, большинством в 103 голоса против 21 и 5 воздержавшихся были приняты предложения Н. Осинского [71].

Несмотря на одержанную победу, «децисты» расценили сложившуюся ситуацию как серьезную угрозу своему влиянию в Тульской партийной организации со стороны профсоюзных работников, возглавляемых Н.В. Копыловым. Выборы в губернский комитет РКП (б), состоявшиеся на том же собрании, подтвердили эти опасения: из 12 членов нового губкома партии 7 человек разделяли позицию Н.В. Копылова [72]. Секретарем губкома был избран В. Галкин, так же примыкавший к «шляпниковцам» [73].

Перестановки в Тульской партийной организации свидетельствовали об усилении группы Н.В. Копылова. В этой ситуации бывший председатель Г.Н. Каминский и сторонники Н. Осинского, составляя меньшинство в губкоме партии, пытались восстановить свои прежние позиции. Отныне их деятельность была направлена на доказательство неспособности своих противников справиться с делом, а также на подготовку их провала на следующей конференции. Это противостояние привело к обострению борьбы внутри организации. Открытые столкновения произошли 30 апреля 1920 г. при выборах председателя губкома, на которых победу одержал Н.В. Копылов, получивший 7 голосов в свою поддержку, против 3 голосов в пользу Г.Н. Каминского.

В сложившейся ситуации ЦК РКП (б), обеспокоенный конфликтом в Тульской губернской партийной организации, принял постановление откомандировать Н.В. Копылова в свое распоряжение. Однако это решение вызвало волну недовольства среди тульских коммунистов, в частности,

Реченским райкомом была вынесена резолюция-протест с требованием «...оставить Копылова для работы в Туле» [74].

В итоге Центральный Комитет партии вынес решение о созыве внеочередной губернской партконференции, поддержанное Городским [75] и Чулковским райкомами Тульской организации РКП (б) [76]. На этой конференции, состоявшейся 28 мая 1920 г., большинством в 185 голосов против 49 была принята резолюция, оценивающая работу губернской организации как неудовлетворительную [77]. В результате, в правах председателя губкома был восстановлен Г.Н. Каминский.

Однако на этом конфликт в Туле не закончился. Против итогов губернской конференции выступила часть коммунистов Зареченского района: на собрании организации резолюция с одобрением решений губернской конференции была принята 196 голосами при 32 голосах «воздержавшихся» сторонников Н.В. Копылова [78]. Для пресечения их возможной деятельности собрание объявило партийную организацию района на военно-боевом положении и обязало пресекать нарушения партийной дисциплины. В ответ на эти действия представители Городского райкома партии Северный и Никитин вышли из комитета из-за несогласия с его линией.

С целью борьбы против единомышленников Н.В. Копылова «децистами» была использована забастовка на Тульском оружейном заводе, начавшаяся 7 июня 1920 года. Для ее ликвидации губком и губисполком партии образовали революционный комитет оружейного завода, чрезвычайную следственную комиссию и чрезвычайный революционный трибунал. Было решено применить репрессивные меры, зачинщиков забастовки отдать под суд. Военные заводы, арсенал, военные казармы и другие объекты в Туле были объявлены на осадном положении. Меры, принятые губкомом партии по ликвидации забастовки в Туле, были одобрены ЦК РКП (б). Решением Политбюро ЦК РКП (б) для быстрой ликвидации забастовки была образована специальная «тройка» в составе Н. Осинского (председателя губисполкома), Г.Н. Каминского

(председателя губкома), К.Н. Орлова (представителя Совета военной промышленности) [79]. Чрезвычайный революционный трибунал на открытом заседании 9 и 10 июня 1920 г. осудил 23 зачинщика забастовки к «пребыванию в принудительных лагерях вместе с врагами народа». Еще 4 человека осудили сроком от 3 до 12 лет тюремного заключения [80].

В результате ликвидации забастовки были арестованы и некоторые сторонники Н.В. Копылова, а Зареченская партийная организация (в которой они преобладали) была расформирована. Состоявшийся 9 июня 1920 г. Пленум губкома РКП (б) объяснил это решение тем, что «Зареченский райком партии неработоспособен, не в состоянии наладить партийную работу на оружейном заводе, не смог создать железной дисциплины среди коммунистов района, ...Это толкнуло рабочих на позорную и преступную стачку» [81].

Группа тульских большевиков, выступившая в поддержку позиции А.Г. Шляпникова, потерпела поражение, часть наиболее активных ее деятелей (Н.В. Копылов, Пузаков, Белкин и др.) были откомандированы в распоряжение ЦК РКП (б). Некоторые выбыли из организации, оказавшись в числе мобилизованных на Западный фронт, часть исключена из РКП (б) [82]. Однако коммунистам, разделявшим точку зрения А.Г. Шляпникова, удалось сохранить свои позиции в Зареченском районе, и борьба в Туле, хотя и в других формах, продолжалась.

Вместе с тем, стоит отметить, что конфликт в Тульской организации РКП (б) нельзя рассматривать только лишь как борьбу за власть в местных партийных «верхах». Несмотря на солидарность по ряду вопросов, между «децистами» и «шляпниковцами» существовали принципиальные разногласия, чем и объясняется столь ожесточенная борьба между ними. Так, «децисты», выступая против методов военного коммунизма, жесткой централизации, поддерживали сторонников Н.В. Копылова в вопросах демократизации общественной жизни. Однако, если «шляпниковцы» склонялись к тому, что управление промышленностью должно перейти в руки профсоюзов, то

«децисты» выступали резко против этого стремления, характеризуя его словами Н. Осинского как «растаскивание партии по частям» [83].

Таким образом, в результате обсуждения тезисов А.Г. Шляпникова «К вопросу о взаимоотношении РКП, Советов и производственных союзов» в Тульской партийной организации весной 1920 г. складывается социальная база «рабочей оппозиции», состоящая преимущественно из коммунистов среднего звена и профсоюзных работников.

Нужно отметить, что процесс формирования «рабочей оппозиции» в общероссийском масштабе шел не одновременно и зависел, во многом, от специфики рассматриваемых вопросов, представлявшихся наиболее существенными в том или ином регионе. Так, на Урале протестные настроения, выступавшие основой для появления «рабочей оппозиции», проявились в ходе дискуссии о приемлемости военно-коммунистических методов в экономике. В этом отношении показателен конфликт между союзами горнорабочих и деревообделочников, с одной стороны, и командованием I Трудовой армии, созданной в январе 1920 г. для восстановления Уральской промышленности, с другой [84]. Озабоченные тем, что милитаризация труда коренным образом меняет положение рабочего класса и пролетарских организаций, руководители названных профессиональных объединений были убеждены, что наладить производственный процесс можно будет только тогда, когда основной ячейкой управленческой системы в экономике станут профсоюзные комитеты. В свою очередь Ревсовет I Трудовой армии считал такую тактику «устаревшей» и требовал прекратить вмешательство профсоюзов в распоряжения администрации предприятий. Заместитель председателя РС армии Г.Л. Пятаков объяснял эту позицию тем, что в условиях Гражданской войны ставка на прежние методы руководства промышленностью и организацию труда не дает позитивных результатов и не предотвращает экономического краха.

Главная задача профсоюзных комитетов, а через них и рабочих, полагал он, состоит не в том, чтобы подменять управленцев, а беззаветно отдавать свои

силы революции на установленном для каждого работника месте. Любое отступление от этого правила рассматривалось Г.Л. Пятаковым как измена, которая тотчас же должна быть пресечена всеми возможными методами. Показательна в этом отношении его статья «Кизеловские предатели», опубликованная 9 марта 1920 г. в «Уральском рабочем». Приведя сведения о сокращении добычи угля на Кизеловских копях в условиях Гражданской войны, автор приходил к «выводу»: из 5665 шахтеров Кизела 835 (откуда взялась эта цифра он не объясняет) являются «шкурниками, лодырями и паразитами», в отношении которых немедленно «должен быть пущен в ход карательный аппарат рабочей власти, отсеивающий и уничтожающий гнилые члены трудового организма».

Свое практическое воплощение эта линия получила в приказе Ревсовета I Трудовой армии (не позже 20 марта 1920 г.), который категорически запрещал профсоюзным комитетам и «всем другим учреждениям» «расхищать права и полномочия» правлений промышленных предприятий и не только не оставлял профсоюзам надежд выступить в роли руководителей народного хозяйства, которой они добивались, но и требовал от них оказывать «всемерное содействие» государственным и военным органам в организации трудовых мобилизаций [85].

Таким образом, если командование I Трудовой армии выступало за чрезвычайные, по преимуществу военные, методы борьбы с разрухой и «расхлябанностью» рабочих, то профессионалисты связывали перспективу возрождения экономики, если не со сменой ориентиров в политике, то, по крайней мере, и не с ужесточением военно-коммунистической практики.

В полной мере тенденция к закреплению военно-коммунистических методов хозяйствования и командно-приказного стиля управления проявилась в программе всеобщей милитаризации и планово-принудительной организации труда, принятой на IX съезде РКП (б) (29 марта – 5 апреля 1920 г.). Пронизанная бескомпромиссной логикой военного коммунизма, эта программа

возводила принуждение и казарму в определяющий и постоянно действующий элемент политики и коренным образом меняла положение и вектор развития всех общественных организаций в Советской России, подталкивая их к сращиванию с государственными и военными органами. Особенно тяжело она отразилась на профсоюзах, которые, попав под диктатуру государства и армии, потеряли свою самостоятельность и превратились в придаток государственного аппарата. Глубже всего эти процессы зашли в Центральном Комитете объединенного профессионального союза работников железнодорожного и водного транспорта (Цектран), который фактически был выведен из-под контроля ВЦСПС и переподчинен ЦК РКП (б). По существу, Цектран уже не являлся профсоюзным органом и представлял партийно-государственную структуру, вобравшую в себя крайности централизации и военных методов работы.

На этой почве в руководящих органах профессиональных союзов нарастает оппозиция взятому партией курсу, аккумулировавшая недовольство рабочих растущей централизацией экономического и политического руководства и требовавшая реализовать ту статью партийной программы, согласно которой профсоюзы «должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления народным хозяйством» [86] и которая после принятия программы милитаризации труда превратилась в пустой звук.

Первые признаки «рабочей оппозиции» в Нижнем Новгороде, еще одном крупнейшем промышленном центре страны, проявились весной 1920 г. в результате полемики по вопросам предстоящего IX съезда РКП (б). Тогда, по словам В.М. Молотова, являвшегося председателем Нижегородского губисполкома партии, возникли две противоборствующие группировки руководящих работников [87], размежевание которых было связано с различным отношением к вопросу о роли и задачах профсоюзов в советском государстве. Представители первой группы, возглавлявшейся В.М. Молотовым, были

сторонниками огосударствления профсоюзов. Члены второй группы - С.М. Кузнецов (председатель президиума губкома партии), М.И. Челышев, Е.Н. Козин и др. - в дальнейшем активные сторонники «рабочей оппозиции», выступали против подчинения профсоюзов органам ВСНХ.

Одно из первых столкновений произошло на IX Нижегородской губернской партийной конференции (21-23 марта 1920 г.), на которой В.М. Молотов представил тезисы «Роль и задачи профессиональных союзов в Советской России» [88]. В них автор, стремясь объединить противоположные точки зрения на профобъединения, занял неизбежно противоречивую позицию. С одной стороны, В.М. Молотов утверждал, что профобъединения «должны принимать участие в организации и непосредственно осуществлять управление промышленностью». С другой – автор тезисов не видел противоречия в том, что «профсоюзы становятся составной частью общего механизма государственной власти, подчиняясь Советам...» и считал процесс их огосударствления естественным и необратимым. Данные тезисы под давлением В.М. Молотова и его сторонников были приняты делегатами IX Нижегородской губернской партийной конференции, однако 34 участника (40%) высказались против них [89]. Сторонники С.М. Кузнецова отвергли отдельные положения тезисов. В частности, они выступили против единоначалия в производстве, в чем их активно поддержали «децисты» [90].

Стоит отметить, что в Нижегородской партийной организации ключевые посты в губернском, районных и уездных комитетах РКП (б) занимали руководители профобъединений. Так, председателем Сормовского райкома партии являлся директор Сормовского завода, руководитель местного районного комитета профсоюза металлистов А.С. Чернов-Грешнев, которого поддерживали секретарь районной партийной организации Егоров, председатель заводского комитета Серов и другие члены райкома РКП (б). Выксунский райком Нижегородской партийной организации возглавлял Соловьев, являвшийся главой местного комитета профсоюза металлистов. В

Канавинском и Береговом районе также имели значительное влияние профсоюзные работники. Таким образом, доминирующие позиции почти во всех райкомах Нижегородской организации имели представители профсоюзных организаций. В то же время положение В.М. Молотова было менее прочным, на что, в частности указывал А.И. Микоян в своих воспоминаниях, отмечавший «слабую связь» председателя губисполкома с рабочими районами [91].

К лету 1920 г. отношения между группировками обострились. Так, доклад В.М. Молотова в июне 1920 г. на пленуме губернского комитета был отвергнут, а оценка взаимоотношений губкома с губисполкомом признана неправильной. Через месяц после этого пленума состоялась X губернская партконференция (15-19 июля 1920 г.), где борьба групп приняла еще более острую форму. Возникла необходимость проведения специального закрытого заседания, на котором В.М. Молотов выступив с докладом, крайне резко обвинил С.М. Кузнецова в «насаждении и поощрении местнических тенденций» [92]. Сторонники С.М. Кузнецова потребовали прекратить доклад В.М. Молотова и предложили резолюцию, выражавшую порицание В.М. Молотову за то, что он «...развел агитацию перед выборами в губком после оглашения всех списков до их персонального обсуждения, во время которого бросал по адресу ответственных губернских и уездных работников целый ряд туманных обвинений общего характера, пытаясь опорочить большинство прежнего губкома, дабы расчистить дорогу ... новой группировке» [93]. Эта резолюция 45 голосами против 19, при 13 воздержавшихся была принята [94].

В ответ на решение X губернской партконференции В.М. Молотов написал заявление-протест, утверждая, что «в работе губкома наблюдается крайне вредная для партии группировка, которая упорно везде выдвигает «своих» [95]. Однако вынесенное В.М. Молотову порицание одобрили коммунисты четырех из пяти существующих районов Нижнего Новгорода (Берегового, Выксунского, Канавинского, Сормовского) и ряда нижегородских уездов (Балахинского, Воскресенского, Кузьмедемьянского, Макарьевского) [96].

В результате бывший председатель губкома вынужден был уехать из Нижнего Новгорода. Пытаясь укрепить пошатнувшиеся позиции, ЦК партии отозвал в свое распоряжение председателя губкома РКП (б) С.М. Кузнецова [97], направив в местную парторганизацию А.И. Микояна и Н.И. Иконникова. Однако произведенные перестановки не изменили соотношения сил в пользу ЦК РКП (б) и летом 1920 г. большинство руководящих постов в губкоме РКП (б), губисполкоме партии и гупрофсовете находилось в руках профессионалистов, выступавших против подчинения профсоюзов органам ВСНХ и имевших значительную поддержку в рабочих районах Нижегородской губернии [98].

Аналогичная ситуация сложилась в Самарской партийной организации, в которой значительным влиянием пользовалась группа советских и профсоюзных лидеров (А.А. Казаков, Д.М. Маневич, Ю.К. Милонов, А.Д. Сиротин, В.Д. Сокольский), разделявших точку зрения А.Г. Шляпникова в вопросе о профсоюзах [99]. Схожую позицию отстаивал Г.И. Мясников, являвшийся в 1919-1920 гг. членом Пермского губкома РКП (б) и выступавший против растущего партийного бюрократизма, отстранения рабочих от реального управления государством и отсутствия свободы слова [100].

Таким образом, идеи А.Г. Шляпникова и близкие к ним настроения весной 1920 г. имели распространение в ряде регионов Советской России. На это обстоятельство указывал Н.Н. Крестинский, отмечая, что перед IX съездом РКП (б) «во всей России, и особенно в Москве тезисы органов одного из крупных профессиональных союзов (ВСРМ - С.Т.) имели определенное влияние» [101]. На IX съезде РКП (б) Н.И. Бухарин также констатировал, что «выделилась группа товарищей из среды профессионалистов, которая увидела в попытке милитаризации труда и введении системы единоначалия некоторое покушение на права и вольности профессиональных союзов» [102].

Вероятно, руководство ЦК партии в сложившейся ситуации сделало определенные выводы и, опасаясь дальнейшего распространения

нежелательных тенденций, отстранило А.Г. Шляпникова от участия в работе IX съезда РКП (б). К.К. Юренев (представитель Московской партийной организации) характеризовал данные действия ЦК как метод борьбы с неугодными членами партии: «Мы читали, что он (А.Г. Шляпников – С.Т.) тепло принят норвежскими рабочими, но для нас не секрет, почему он гуляет в Норвегии, а не у нас на съезде...» [103]. На это В.И. Ленин потребовал «привести данные о том, что мы нарушили постановление» [104], отметив, что А.Г. Шляпников «едет не по директивам ЦК» [105], а по указанию комфракции ВЦСПС. Л.Б. Каменев иначе объяснил отсутствие лидера «рабочей оппозиции»: «Когда т. Шляпников в профессиональном движении, в одном из наиболее важных и существенных наших орудий, стал проводить синдикалистские тенденции, мы его отстранили» [106].

Позицию А.Г. Шляпникова защищал Ю.Х. Лутовинов, который заявил, что для Центрального комитета партии «профессиональное движение – книга за семью печатями и руководить этим движением во всех его проявлениях ЦК не может» [107]. Он призывал разграничить функции партии и профсоюзов: «парткомы, не имеющие иногда никакого понятия о профессиональном движении, вмешиваются во все поры профсоюзов. Здесь необходимо точно и определенно установить, откуда и до каких пор они могут входить в компетенцию профсоюзов» [108].

Говоря о функциях профсоюзов, Ю.Х. Лутовинов подчеркнул: «ответственным лицом каждой отрасли промышленности, по нашему мнению, может быть только производственный союз, а всех отраслей в целом – ВЦСПС – иначе и быть не может...»[109]. Его поддержал А.С. Киселев, ссылавшийся на решения VIII съезда: «В нашей программе говорится, что профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, но когда была попытка опереться на этот пункт и защищать его, то поднялась самая усиленная демагогия...» [110].

Таким образом, сторонники А.Г. Шляпникова требовали передать профсоюзам управление промышленностью. Также они выступали за коллегиальный принцип организации производства, в чем их поддержали представители «демократического централизма» (Т.В. Сапронов, Н. Осинский, В.Н. Максимовский). В.И. Ленин же считал, что коллегиальное управление – это синоним «бессилия» [111] и призывал к единоначалию в управлении.

Позицию ЦК РКП (б) на IX съезде партии в вопросе о задачах профсоюзов выразил Н.И. Бухарин, выступивший с докладом. Он остановился на следующих вопросах: на изменении функций профсоюзов в период пролетарской диктатуры и их задачах в новых условиях, на взаимоотношения профсоюзов с партией и Советами. В условиях советского общества главным в деятельности профсоюзов он считал хозяйственно-организаторскую и воспитательную работу. Н.И. Бухарин видел в профсоюзах важное звено в организации, сплочении и воспитании рабочего класса, что соответствовало и ленинским взглядам на эти стороны деятельности профсоюзов. Характеризуя взаимоотношения профсоюзов и государства, он говорил: «ЦК полагает, что все развитие профессиональных союзов пойдет по пути к огосударствлению»[112]. На съезде Н.И. Бухарин выступил с резкой критикой тезисов А.Г. Шляпникова, предлагавших напротив разграничить функции Советов, профсоюзов и партии, охарактеризовав их как «противопоставление экономической организации политической» [113].

В результате, на IX съезде РКП (б) по вопросу о профсоюзах столкнулись две точки зрения. Одна, определяя, главным образом, производственные задачи профсоюзов, предполагала, что профобъединения должны быть подчинены органам ВСНХ. Тем самым, по существу был поставлен вопрос об огосударствлении профсоюзов, слиянии их с органами хозяйственного управления. Другая точка зрения отстаивалась коммунистами, работавшими в профсоюзах. Не ставя под сомнение руководящую роль партии, руководство ВЦСПС добивалось большей самостоятельности для профессионального

движения, развития рабочей инициативы. Выдвигалось требование управления народным хозяйством профессиональными союзами путем широкого привлечения к этой работе трудящихся, расширении демократических начал в деятельности профсоюзов.

Вместе с тем предложение Н.И. Бухарина огосударствить профсоюзы вело к отстранению от управления промышленностью пролетарских организаций и меняло положение рабочего класса, что противоречило программе партии, принятой на VIII съезде РКП (б). На это несоответствие указывали многие большевики. В частности, Д.Б. Рязанов отмечал: «Оказывается, что профсоюзы, которые должны будут взять на себя управление производством, – организация, которая должна воспитать всю массу, по его (Н.И. Бухарина – С.Т.) тезисам, на пушечный выстрел не подпускается к этому делу» [114].

Однако IX съездом РКП (б) была принята резолюция, в которой говорилось, что «профсоюзы должны постепенно превращаться во вспомогательные органы пролетарского государства» [115]. Прояснить причины принятия такого решения нам поможет высказывание Д.Б. Рязанова. Он считал, что «в первую голову идут интересы Коммунистической партии. Падает Коммунистическая партия, вместе с ней падают профсоюзы и Советы. Падают профсоюзы, терпят временное поражение Советы. Дело не так страшно, остается организация Коммунистической партии, которая исправит это положение, которая найдет в себе силы опять создать и профсоюзы, и советские организации» [116].

Таким образом, большая часть участников IX съезда РКП (б) приняла позицию, провозглашающую сохранение доминирующего положения партии в вопросах политического и хозяйственного строительства в советском государстве и отклонила предложения А.Г. Шляпникова, рассматриваемые как ограничение полномочий РКП (б). На одну из причин преобладания подобных настроений указывал идеолог сменовеховства Н.В. Устрялов. По его мнению,

беспрецедентность ситуации, - государством управляет единственная в мире рабочая партия, за успехами и поражениями которой следит весь мир, - обуславливала оправданный с точки зрения сохранения власти отход от лозунгов Октября: «Чтобы спасти Советы, Москва жертвует коммунизмом» [117]. Усиление советской власти, необходимое для сохранения «единственного очага мировой революции», могло идти в тех условиях только по пути усиления большевистской партии, при неизбежном сокращении значимости иных центров влияния на экономическую и политическую жизнь общества.

Современный исследователь А.Ф. Киселев также пришел к выводу о том, что экстремальные обстоятельства, в которых приходилось действовать советскому руководству, объективно вели к диктату общеклассового над всеми остальными интересами тружеников. Но абсолютизация общеклассовых интересов и задач вела к укреплению государственных форм управления, что проявилось в решениях IX съезда партии [118].

Делегатами съезда активно критиковались бюрократические тенденции в советском обществе. Считая главным фактором бюрократизации старые чиновничьи кадры, сторонники А.Г. Шляпникова предлагали «орабочить те самые центры, которые слишком забиты канцелярским бюрократизмом» [119]. На что В.И. Ленин резонно заметил: «умение управлять с неба не валится и святым духом не приходит, и от того, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению» [120]. К тому же в условиях нехватки кадров, «орабочить» все организации не представлялось возможным. В действительности, не доводы В.И. Ленина, а жизненные условия диктовали необходимость концентрации всех сил и ресурсов, централизации власти, что в свою очередь вело к увеличению аппарата управления.

Истинные причины бюрократизма в Советской России так и не были поняты основной массой партийных работников, по-видимому, не осознававших, что пороки утвердившейся системы являлись неизбежным следствием той административной роли, которую присвоила себе

большевистская партия, и неприятием экономических стимулов и интересов в посткапиталистическом народном хозяйстве. Поэтому все методы борьбы с бюрократизмом были неизбежно направлены против отдельных симптомов «болезни», а не против ее самой.

В результате IX съезду РКП (б) не удалось заглушить нараставшее недовольство. Более того, если раньше оно носило, главным образом «верхушечный» характер, то теперь распространилось на все уровни власти. «Было ясно, что партия вступает в новую полосу, что в ней идет брожение, что «низы» требуют «свободы критики» и заявляют громогласно о том, что бюрократизм их душит, не дает простору для живой деятельности, для проявления инициативы», – писала А.М. Коллонтай, характеризуя лето 1920 года [121]. Это недовольство уже к осени вылилось в дискуссию о «верхах» и «низах», начало которой положило письмо ЦК РКП (б) «Всем партийным организациям, всем членам партии» от 4 сентября 1920 года. В письме отмечались тревожные симптомы разложения партийных рядов на «верхи» и «низы», то есть угрожающее противоречие между руководящим звеном ответственных работников и рядовой массой партийцев. Основой для издания циркуляра послужило июньское обращение в Центральный Комитет партии секретаря ЦК Е.А. Преображенского, в котором указывалось, что на целом ряде губернских конференций до и после IX съезда партии «обнаружилась резкая борьба т.н. низов партии с верхами»[122].

Обращая внимание на проблему «верхов» и «низов», «рабочая оппозиция» сумела привлечь к себе симпатии и еще более ощутимую поддержку среди партийцев-рабочих, чье недовольство политикой большевистского руководства дошло до того, что рядовые коммунисты стали проводить конспиративные собрания, обсуждая волновавшие их вопросы. Так, в заявлении, поступившем в бюро Московского комитета партии сообщалось, что «28 августа 1920 г., состоялось тайное собрание активных работников РКП (б) Бауманского района в количестве 17 человек под председательством т.

Демидова» [123]. На этом собрании был намечен путь борьбы с «засильем» «верхов», для чего была поставлена задача ввести в райком «подлинных рабочих» и утвержден список нового райкома, в который вошел председатель ЦК профсоюза текстильщиков И.И. Кутузов и некоторые другие работники профобъединений. Ораторы, предлагая принять меры, «чтобы встряхнуть интеллигенцию и посадить рабочих», призывали «пробраться на предстоящую партийную конференцию, на X съезд и бороться до оружия в руках для удержания завоеваний революции»[124]. Была назначена «тройка» в составе Советова, Воеводина и Демидова, в обязанности которой входило оповещение членов и поиск помещений для будущих собраний. Как видим, требования партийных «низов» были радикальнее, чем предложения группы профсоюзных лидеров. В этом смысле нельзя ставить знак равенства между низовыми течениями в РКП (б), получившими название рабочей оппозиции, и группой «рабочей оппозиции», оформившейся в руководстве партии. К аналогичному выводу пришел и Н.Н. Крестинский, отмечая, что «рабочая оппозиция включает в себя разнородные элементы» [125] и делится на «верхи» и «низы». Эту же мысль подтверждает и заявление А.Ф. Галкина (представителя тульской «рабочей оппозиции»), сделанное позже, уже в период дискуссии о профсоюзах: «Разве есть какое-либо скрепление между рабочей оппозицией Москвы и нами, Самары и других мест? ... да и в самой Москве рабочие районы не стоят на платформе А.Г. Шляпникова» [126].

Дело «о конспиративном собрании в Бауманском районе Москвы» рассматривалось 20 сентября 1920 г. на заседании Московского комитета РКП (б). Специально созданная по этому делу следственная комиссия пришла к выводу, что на заседании, кроме старых членов партии и активистов, присутствовало значительное количество рядовых рабочих с мест, среди которых немалым авторитетом пользовались Г.Н. Корзинов, И.И. Кутузов и некоторые другие профсоюзные лидеры, поддерживающие А.Г. Шляпникова.

Один из представителей конспиративного собрания П.Л. Панюшкин причину своего недовольства объяснял тем, что «МК оторвался от масс и стал походить на бюрократическое учреждение»[127]. Примечательно, что председатель конспиративного собрания Демидов заявил, что заседание не было тайным, поскольку «МК знал уже с февраля месяца, что в районе не благополучно». Другой участник Рыкунов объявил, что «подобные собрания проходят по всей республике и являются результатом болезни партии» [128].

Следственная комиссия обвиняла участников конспиративного собрания в «дискредитации пользующихся абсолютным доверием вождей мировой революции» и считала необходимым «сделать всем строгий выговор с предупреждением при повторении исключить из рядов партии». Демидова, П.Л. Панюшкина и Заколупина как организаторов совещания было предложено «исключить на 6 месяцев из членов РКП (б), предоставив им в течение этого срока возможность загладить свою вину перед партией и снова вступить в ее ряды» [129]. Однако, присутствующий от ЦК РКП (б) И.В. Сталин полагал, что «исключение не в интересах партии» и предложил воздержаться от этой меры. Он призвал с «формальной стороны» признать это собрание легальным, обвиняя инициаторов лишь в том, что «они в присутствии рядовых членов партии занялись критикой партийной работы» [130]. После выступления И.В. Сталина большинство присутствующих присоединилось к его мнению и отклонило предложение об исключении Демидова, П.Л. Панюшкина и Заколупина из партии. Было решено вынести им строгое порицание и лишить их права занимать ответственные посты сроком на 3 месяца [131]. В итоге, ни один из участников конспиративного собрания не был исключен из партии. Подобная мягкость наказания, на наш взгляд, объясняется нежеланием ЦК РКП (б) своим решением еще больше обострить существовавшее недовольство партийным руководством накануне предстоящей IX Всероссийской партийной конференции (22-25 сентября 1920 г.). В любом случае в тот момент партийные «верхи» еще вынуждены были прислушиваться к «низам». На это

обстоятельство также указывал Г.Л. Олех, отмечая, что «власть комитетов РКП (б) от губкомов до ЦК включительно не успела превратиться в начале 20-х гг. в абсолютную, но продолжала оставаться относительной. Партийные функционеры всех рангов должны были учитывать настроения «низов» в сложной и запутанной борьбе за укрепление своих позиций» [132].

Однако если партийное центральное руководство не боялось маневрировать, порой шло на уступки своим оппонентам и «обходило острые углы», то на местах методы борьбы с оппозицией нередко были бескомпромиссными, что объясняется почти полным отсутствием контроля за действиями местного руководства, крайне низким уровнем грамотности провинциальных коммунистов. Так, если в Москве за организацию фракционного собрания во время губернской конференции его участникам вынесли всего лишь порицание, то в местных организациях, как мы видим это на примере Тулы, Перми, Нижнего Новгорода, за критику руководства могли отозвать из парторганизации, исключить из комитета, распустить райком и пр. Здесь отношение региональных партийных «верхов» к оппозиции и, соответственно, методы борьбы с ней были жестче, чем в центре.

В то же время политика руководства оказывала определенное влияние на характер «рабочей оппозиции», который в разных районах страны несколько отличался между собой. На наш взгляд, московская «рабочая оппозиция» была хотя и самая многочисленная, но более умеренная, чем в Нижнем Новгороде, Самаре, на Урале и, особенно, в Туле.

Некоторые современные исследователи также подметили зависимость остроты выраженности оппозиционных настроений от действий местных властей. Так, О.Д. Чураков, исследуя рабочий протест в России, пришел к выводу, что «в каждом конкретном случае формы сопротивления со стороны социальной базы большевистского режима (т.е. рабочих – Т.С.) обусловливались не только состоянием самого гражданского общества,

зрелостью его институтов, но и зрелостью власти, ее готовностью или неготовностью прислушиваться к импульсам, идущим снизу»[133].

Аккумулировавшие протест рабочих-коммунистов против растущего бюрократизма, злоупотреблений и неравенства в партии, сторонники А.Г. Шляпникова выступили на IX Всероссийской конференции РКП (б), впервые декларировав существование группы «рабочей оппозиции» перед широкими партийными массами. Однако, сам термин «рабочая оппозиция» применительно к «шляпниковцам» появился несколько раньше, что, в частности, показывает замечание делегата данной конференции С.П. Медведева: «Товарищ Бубнов за последнее время, неоднократно подчеркивал наличие «рабочей оппозиции» [134].

На IX Всероссийской конференции РКП (б) А.М. Коллонтай, И.И. Кутузов, Ю.Х. Лутовинов, С.П. Медведев, Г.И. Мясников и некоторые другие сторонники А.Г. Шляпникова резко критиковали «назначенчество», затронули острые вопросы рабочей демократии, чистки партии, взаимоотношений советских и профессиональных учреждений с ЦК РКП (б). К тому времени признаки недовольства бюрократизмом, неравенством в партии достигли уровня, грозящего, по словам Ю.Х. Лутовинова, «третьей пролетарской революцией» [135]. «Мое выступление на Всероссийской конференции было не личным, а от имени группы товарищей не только москвичей, а целого ряда городов», – писал он своим единомышленникам, – и «носило предупредительный характер от неизбежности взрыва в широких рабочих массах, если не изменится нынешняя политика ЦК РКП» [136].

Существование проблемы внутрипартийных взаимоотношений стало очевидным и для руководящего большинства ЦК РКП (б). Так, Г.Е. Зиновьев, выступавший официальным докладчиком по вопросам партийного строительства на IX Всероссийской конференции партии, вынужден был признать, что из-за «недостаточной связи» руководящих «верхов» и «низов» в партии «довольно много трений и иногда острых конфликтов» и наступило

время «осмотреть свои постройки сверху донизу, попытаться нащупать пульс нашей организации и посмотреть где же находится источник того большого, хотя и разрозненного недовольства, которое у нас налицо» [137]. Г.Е. Зиновьевым были внесены предложения, внешне носившие радикальный характер и даже включавшие ряд положений, ранее выдвигавшиеся оппонентами ЦК. Среди них большая свобода критики внутри партии, недопустимость репрессий за критику, издание дискуссионного листка, проведение открытых заседаний губернских и местных комитетов, прикрепление ответственных работников к партийным ячейкам, создание специальных партийных комиссий для разбора жалоб членов партии и т.д.[138] Вместе с тем, ратуя за изменение внутрипартийных отношений, Г.Е. Зиновьев продолжал настаивать на сохранении жестко централизованной системы руководства партией.

В итоге, принятая конференцией резолюция «Об очередных задачах партийного строительства» имела противоречивый характер. С одной стороны, она включала решение о необходимости расширения внутрипартийной демократии, а с другой – сохраняла принцип «назначенчества» и централизации. В то же время декларация большей свободы дискуссий не изменила ситуации внутри партии. Так, в ноябре 1920 г. на общем собрании Сормовского затона член местного райкома Нижегородской партийной организации А.И. Красильников в докладе «О задачах профсоюзов и их значении» выступил с критикой политики ЦК РКП (б). По его мнению, «упразднение коллегиального управления» со стороны высшего партийного руководства «было большой ошибкой» [139]. После своего заявления А.И. Красильников был выведен из Берегового райкома, а так же лишен права выступать на собраниях коммунистов и беспартийных сроком на полгода [140].

Невыполнение решений IX партийной конференции вызвало протест сторонников «рабочей оппозиции». Так, в газете «Правда» публикуется статья Н.В. Копылова с критикой проявлений бюрократизма на местах, в которой констатировалось «отсутствие широкого массового участия членов партии в

советском строительстве и указывалось на необходимость расширения рабочей демократии, свободы обсуждения партийных вопросов» [141].

Аналогичные выступления были отмечены в Тульском губкоме РКП (б), где в ноябре 1920 г. разгорелся конфликт, обстоятельства которого связаны с борьбой между группами «децистов» и «рабочей оппозиции». Специальная комиссия ЦК РКП (б) во главе с Артемом (Ф.А. Сергеевым), назначенная для разбирательства, в своем отчете указывала: «Ни в одной из наших парторганизаций во всей стране не было таких длительных и глубоких конфликтов...» [142]. На V Тульской губернской партийной конференции (1-3 декабря 1920 г.) представители «рабочей оппозиции» обвиняли губернский комитет, большинство которого составляли «децисты», в невыполнении постановлений IX Всероссийской партийной конференции, бюрократизме, репрессиях против инакомыслящих. Так, А.Ф. Галкин (член «рабочей оппозиции») указывал на то, что в «нашей организации отрицалось существование «верхов» и «низов», ... ни на одном собрании не обсуждались вопросы внутрипартийной жизни» [143]. Результатом подобной политики руководства губкома, по мнению сторонников «рабочей оппозиции», стало сокращение в два раза численности тульской парторганизации с мая по ноябрь 1920 г., главным образом, за счет выхода рабочих [144]. «Уход тысяч и тысяч рабочих из рядов тульской организации нельзя объяснить тем, что ушли элементы случайные, – говорил А.Ф. Галкин, – В партийную неделю в наши ряды влились не худшие, а лучшие элементы пролетариата, ибо они пришли к нам в самое тяжелое время для Советской Республики, время, когда Деникин стоял под Тулой и для новых членов партии открывались перспективы не блестящей карьеры, а виселиц и расстрелов» [145]. В борьбе против сторонников А.Г. Шляпникова представители «децистов» в Туле проявили совершенно те же качества, за которые они критиковали центральную власть.

Таким образом, принятые положения IX Всероссийской конференции остались всего лишь лозунгом, продемонстрировавшим партийным массам

озабоченность руководства ЦК РКП (б) сложившимся положением дел, но не претворенным в действительность. «Сентябрьская конференция вместе с многообещающей речью Зиновьева, – писала А.М. Коллонтай, – ничего не изменила ни в партии, ни в жизни широких рабочих масс...» [146].

Пытаясь объяснить сложившуюся ситуацию, многие оппоненты ЦК связывали ее с сопротивлением партийных «верхов», не желавших демократизации внутрипартийной жизни. Однако, как показал В.М. Кружинов, точка зрения большевистского руководства разделялась и немалой частью партийных «низов», осознававших, что в условиях военного времени сохранение монополии на власть немыслимо без жесткой централизации [147]. В.П. Наумов объяснил существующее противоречие инерцией методов «военного коммунизма»: «Сознавая трудности и неурядицы в народном хозяйстве, многие коммунисты не считали их результатом несостоятельности, ошибочности политики, не видели необходимости ее коренного пересмотра. Поправить дело пытались устранением отдельных недочетов. Надежда, что политика «военного коммунизма» выведет к заданным целям, еще доминировала в руководящих кругах партии...» [148].

В итоге, стремясь демократизировать внутрипартийную жизнь, большевистское руководство, поддерживаемое значительной частью рядовых коммунистов, не пожелало или побоялось покуситься на принцип «назначенчества», являвшийся стержнем бюрократической централизации. «Отказаться от этого института, – говорил Г.Е. Зиновьев, – это значит отказаться от какого бы то ни было планомерного строительства. Мы не можем это сделать в нынешней стадии истории партии» [149]. Однако и методы военно-коммунистической практики уже не выполняли стоящих перед государством задач, о чем свидетельствовал растущий протест внутри партии.

Обострение недовольства в контексте проблем экономической и социально-политической жизни особенно ярко проявилось в столице накануне и непосредственно на V Московской губернской партийной конференции (20-

26 ноября 1920 г.). На делегатских собраниях районов и уездных партконференциях, проходивших 25 октября – 19 ноября 1920 г., произошла поляризация сил. В своих выступлениях коммунисты, говоря о работе, проделанной Московским комитетом РКП (б), акцентировали внимание на недостатках в его руководстве партийным, советским и профсоюзным строительством. В результате, резолюции недоверия Московскому комитету были приняты Московской уездной партийной конференцией [150], делегатскими собраниями партийных организаций Замоскворецкого [151], Бауманского [152], Городского [153] и Рогожско-Симоновского районов [154].

В свою очередь, Московский комитет РКП (б) остро критиковал Бауманскую районную организацию, в которой при выборах делегатов на предстоящую губернскую конференцию за список «рабочей оппозиции» было отдано 44 голоса, в то время как ленинцев поддержали 16 человек. Меньшинство собрания выразило недовольство и требовало пропорционального представительства на конференции, так как, по их мнению, «районным комитетом целиком были выставлены представители «рабочей оппозиции», несмотря на то, что в Бауманском районе имеется приблизительно одна треть товарищей, стоящих на другой точке зрения» [155].

При выборах делегатов от Замоскворецкой партийной организации были представлены два списка: от районного комитета, где преобладали сторонники «рабочей оппозиции», и от ячеек Кремлевского участка, поддерживавших ЦК. В результате 51 голосом против 48 был принят первый список [156]. Однако Московский комитет РКП (б) это решение отменил, мотивируя свой шаг тем, что в случае выборов делегатов только от «рабочей оппозиции» интересы значительной части Замоскворецкого района на конференции не будут представлены. Дело перенесли в Оргбюро ЦК, откуда пришло указание, чтобы делегаты на предстоящую конференцию избирались от большинства и от меньшинства согласно пропорциональному представительству (соответственно, 19 и 17 человек) [157]. Это вызвало возмущение сторонников районного комитета.

Было решено провести собрание вторично, на котором 68 делегатов против 14 высказались за список от «рабочей оппозиции» [158]. Конфликты в Бауманском и Замоскворецком районах так и не были локализованы и представители этих организаций даже апеллировали к V Московской губернской конференции РКП (б).

Подобные настроения активно проявлялись не только в центре. Так, А.С. Бубнов (представитель группы «демократического централизма», член Московской партийной организации) констатировал, что «те трения, конфликты..., которые имеют место сейчас в Московской организации, не являются результатом специфических московских условий..., и проявляются в целом ряде организаций нашей партии»[159].

V Московская губернская партийная конференция прошла в атмосфере острой борьбы. По оценке ЦК РКП (б), конференция «являлась наибольшим проявлением... внутрипартийных настроений. Партийная оппозиция на ней была очень значительная... и настроена чрезвычайно враждебно к общей партийной политической линии, к Московскому комитету и к ЦК» [160]. На V Московской губернской конференции «рабочую оппозицию» поддержали более 20 % делегатов [161]. Наиболее острый момент борьбы был связан с выдвижением кандидатур и выборами в состав Московского комитета партии. Для проведения как можно большего числа своих сторонников «рабочая оппозиция» объединила свои усилия с другими оппозиционными группами – игнатовцами и «децистами». По воспоминаниям Т.Ф. Людвинской, сторонники А.Г. Шляпникова на конференции организовали специальное совещание делегатов-рабочих, которых им удалось привлечь на свою сторону: «Это совещание происходило в Митрофаньевском зале Кремля, в то время как остальная часть конференции заседала в Свердловском зале»[162].

В итоге, при выборах в Московский комитет партии были выдвинуты два списка. За список, предложенный ЦК РКП (б), проголосовали 157 человек, за список, составленный оппозиционными группами – 122 при 2 воздержавшихся

[163]. Причем «рабочую оппозицию» в данном вопросе поддержали 61 человек, что составляло 21 % от всех участников конференции. Оказавшись в меньшинстве, оппозиция предлагала использовать принцип пропорционального представительства в МК, но это предложение было отклонено. В этой связи В.И. Ленин привел следующий аргумент: «Когда на выборах борются две группы, два течения, или фракции, то для того, чтобы собрать партийную конференцию как решающий орган, или партийных съезд, пропорциональное представительство необходимо. Но пропорциональное представительство для того, чтобы создать орган исполнительный, ведущий практическую работу, никогда не осуществлялось» [164]. Таким образом, в Московский комитет вошли только те лица, которых рекомендовал ЦК РКП (б).

Подобный результат ноябрьской конференции в Москве многими исследователями связывается с успешной деятельностью на ней В.И. Ленина [165]. В известной степени эта точка зрения не лишена оснований, поскольку В.И. Ленин заранее готовился и принял активное участие в конференции. До этого, 18 ноября 1920 г., он участвовал в заседании Политбюро ЦК РКП (б), на котором обсуждались вопросы о совещании членов ЦК с делегатами предстоящей губернской партийной конференции [166]. В тот же день В.И. Ленин присутствовал на партийном активе Бауманского района, известного своими оппозиционными настроениями, где выступил в прениях по докладам о деятельности райкома и положении дел в Московской организации. На следующий день В.И. Ленин участвовал в заседании Политбюро ЦК РКП (б), которое рассмотрело рекомендуемый список нового состава Московского комитета партии. После этого он выступил на закрытом совещании делегатов Московской губернской партконференции, на котором обсуждались кандидатуры в члены МК РКП (б). На самой конференции он сделал двухчасовой доклад, произнес речь в связи с выборами в МК. В.И. Ленин трижды выступал перед делегатами, и каждый раз подчеркивал

«необходимость абсолютно дружной работы коммунистов» и критиковал оппозиционеров [167].

После V Московской конференции РКП (б) стало ясно, что расстановка сил грозит если не расколом внутри партии, то, по крайней мере, может пошатнуть позиции ленинской фракции. С этого момента как сторонники В.И. Ленина так и «рабочая оппозиция» начинают активно готовиться к предстоящему партийному съезду, на котором одним из ключевых станет вопрос о профсоюзах.

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Формирование «рабочей оппозиции» было неразрывно связано с процессом трансформации большевистской партии, которая под давлением объективных условий постепенно отказывалась от некоторых наиболее утопических лозунгов предоктябрьской программы. Наметившаяся тенденция проявилась в усилении государственного регулирования и корректировке официального курса в рабочем и профсоюзном вопросе, что вызвало противодействие как рядовой массы большевиков, так и части руководящего звена РКП (б). «Рабочая оппозиция» аккумулировала и выразила протест рабочих и партийных «низов», выступавших против бюрократизма, неравенства и злоупотреблений в РКП (б), а также недовольство части профсоюзных лидеров вмешательством советских и партийных органов в организацию производства.

2. Начальный этап формирования «рабочей оппозиции» охватывает время с конца 1919 до осени 1920 гг., в рамках которого в процессе агрегирования протестных настроений и их артикуляции, формулируются отдельные элементы программы «рабочей оппозиции». По мере обсуждения данных предложений в партийных и профсоюзных структурах происходит консолидация сторонников «рабочей оппозиции», выделяются лидеры,

организационным центром группы становится возглавляемый А.Г. Шляпниковым ЦК ВСРМ.

3. На этом этапе основные требования «рабочей оппозиции» заключались в разграничении обязанностей Советов, РКП (б) и профобъединений, а также в реформировании социально-экономической и политической системы Советской России в сторону отказа от крайностей военного коммунизма. Предлагалось укрепить внутрипартийную демократию, ослабить командно-административные методы работы, организовать народное хозяйство на базе самоуправления рабочих под руководством профессиональных союзов.

1.2. «Рабочая оппозиция» в дискуссии о профсоюзах

Осенью 1920 г. обсуждение злободневных социально-экономических и политических проблем Советской России выливается за пределы узких руководящих групп и концентрируется вокруг вопроса о кризисе профессиональных союзов, их роли и задачах в условиях перехода от войны к миру. В это время продолжается оформление программы «рабочей оппозиции». Важную роль в этом процессе сыграли тезисы А.Г. Шляпникова «Организация народного хозяйства и задачи союзов». В них предлагалось сконцентрировать управление национализированным сектором экономики в «центральном органе, который избирается Всероссийским съездом производителей, объединенных в профессиональные и производственные союзы» [168]. Провозглашался принцип «выборности снизу до верху всех органов народного хозяйства и ответственности их перед трудящимися» [169], а в качестве «первичных ячеек» предлагавшейся системы назывались профсоюзные комитеты, взявшие на себя непосредственное управление фабриками и заводами. Рабочих и служащих этих предприятий А.Г. Шляпников рассматривал как распорядителей находящегося в их ведении имущества, отвечающих за его сохранность и рациональное использование.

Таким образом, к осени 1920 г. А.Г. Шляпников конкретизировал идею концентрации управления промышленностью в руках профсоюзов, высказанную им за год до этого. Причем если раньше положение о производственных союзах как единственных ответственных организаторах народного хозяйства лишь декларировалось, то теперь лидер «рабочей оппозиции» уточнил путь достижения поставленной цели. В то же время его тезисы содержали в себе определенное противоречие: с одной стороны, автор требовал сосредоточения управления хозяйством в «одном органе», с другой стороны – не отрицал, что государство в лице ВСНХ должно обладать частью управленческих функций.

Специальный раздел тезисов был посвящен положению рабочих. Предлагалось натурализовать зарплату, премии, отменить оплату пайков, обедов и предметов широкого потребления, а также квартир, проезда в городском транспорте и т.п. Некоторые исследователи видят в этих требованиях стремление сторонников «рабочей оппозиции» ужесточить военно-коммунистические методы управления [170]. Однако, на наш взгляд, данное утверждение следует признать поспешным. Напротив, А.Г. Шляпников критично оценивал командно-административные методы, составляющие сущность политики военного коммунизма. Стремясь к расширению прав и влияния органов рабочего самоуправления, А.Г. Шляпников опирался на опыт первых месяцев советской власти, когда рабочие самостоятельно решали производственные вопросы. Вместе с тем, как подметил В.М. Кружинов, лидер «рабочей оппозиции» не являлся сторонником возврата к самоуправлению рабочих на фабриках и заводах, хотя и апеллировал к этой идее [171]. Право решать вопросы, связанные с управлением предприятием, А.Г. Шляпников сохранял за профсоюзно-коммунистической верхушкой, под руководством и контролем которой должны находиться и формироваться рабочие комитеты [172].

Таким образом, А.Г. Шляпников пытался построить систему управления промышленностью, задействовав инициативу «сознательных» рабочих, а не бюрократические методы, распространившиеся в практике государственного управления. Однако нельзя не видеть, что переход управления народным хозяйством к профобъединениям в конечном итоге также привел бы к ликвидации профсоюзов как общественных организаций, поскольку они при этом теряли свои специфические признаки и превращались в одну из управленческих структур. Одновременно рабочие становились наемными служащими, а не полноправными хозяевами, как это декларировала «рабочая оппозиция».

Предложения А.Г. Шляпникова «Организация народного хозяйства и задачи союзов» были поддержаны в ряде районных отделений ВСРМ и

практически без изменений представлены как платформа «рабочей оппозиции» в конце 1920 года. Так, в ноябре 1920 г. Ижевский союз металлистов принял тезисы «О работе РКП (б) в профсоюзах», в которых говорилось, что «идейное руководство профсоюзами со стороны партии отнюдь не должно выражаться в мелком опекунстве и вмешательстве в организацию, производственную, тарифную и продовольственную работу профсоюзов». В пятом пункте этих тезисов декларировалось: «Каждый товарищ, избираемый на тот или иной пост, может быть отозван лишь ...через фракцию профсоюза» [173]. На заседании фракции РКП (б) Армавирского отделения ВСРМ в январе 1921 г. отмечалось, что «наше правление уже с ноября месяца подошло к вопросу об участии профсоюзов в производстве» [174]. Фракция РКП (б) Харьковского отделения ВСРМ характеризовала положение своего союза следующим образом: «До V конференции профсоюзов наша фракция, в силу целого рядя причин, как-то: частой смены членов правления союза, мобилизации и общего партийного застоя, работу вела довольно слабо. Когда же мы старались вовлечь металлистов-коммунистов в более активное участие в партийной жизни, на нас посыпались и от райкома и от губкома обвинения в синдикализме, несмотря на то, что мы желаем работать в полном контакте и под идейном руководством наших партийных органов. ...Наша фракция стоит на той точке зрения, что при настоящем положении дел ни у союза, ни у фракции нет и не может быть ни работы, ни содержания». Для выхода из сложившейся ситуации предлагалось «вовлечь широкие кадры пролетариата в государственное строительство» [175].

Вовлечение в дискуссию партийных и профсоюзных организаций центра и провинции не изменило жесткого характера полемики, свидетельствуя о чрезвычайной остроте накопившихся противоречий, причины которых по-разному оценивались как участниками разногласий, так и последующими исследователями. Причем некоторые из историков искусственно сужают круг вопросов, поднятых «рабочей оппозицией», утверждая, что «шляпниковцы» связывали кризис советской политической системы исключительно с

«кризисом» только союзов» [176]. Проделанный нами анализ показывает, что в действительности позиция сторонников А.Г. Шляпникова была иной. Она учитывала, что «кризис в профдвижении – частичка кризиса партийного и советского», выход из которого виделся не в косметическом ремонте и очередной компании «борьбы с бюрократизмом», а коренной перестройке управленческих структур, максимальном развитии самоуправления рабочих [177].

О кризисе, охватившем союзы, говорили не только профессионалисты, но и руководители большевистской партии. Так, в выступлении Л.Д. Троцкого на заседании коммунистической фракции V Всероссийской конференции профсоюзов 3 ноября 1920 г. причины этого кризиса связывались с «неопределенностью» положения профсоюзов после 1917 г., когда союзы должны были перейти от организации стачек к «овладению» производством [178]. Однако в отличие от А.Г. Шляпникова, акцентировавшего внимание на ограниченности военно-коммунистических подходов к управлению, Л.Д. Троцкий делал ставку на обеспечение более эффективного участия профсоюзного аппарата в сфере управления промышленностью путем его постепенного слияния с хозяйственными органами. При такой системе, как отмечает А.Ф. Киселев, массы по-прежнему оставались объектом управления, воспитания, материалом «для возведения здания нового общества» [179]. Для воплощения этих идей Л.Д. Троцкий предложил «перетряхнуть» состав руководящих работников профсоюзов, постепенно укрепив их кадрами опытных хозяйственников. Его предложения были поддержаны А.З. Гольцманом, В.В. Косиором и некоторыми другими участниками заседания. С резкой критикой речи Л.Д. Троцкого выступил председатель ВЦСПС М.П. Томский, который «центром тяжести» споров считал именно «перетряхивание» [180]. Его поддержало большинство профессионалистов и представители «рабочей оппозиции», которые увидели в идеях Л.Д. Троцкого призыв к превращению союзов в придаток государственного аппарата [181]. «В практике профсоюзов не имелось столь сильных врагов, как Троцкий, Гольцман и Косиор», – заявил А.Г.

Шляпников, рассматривающий «перетряхивание» профсоюзных кадров сквозь призму вырождения военно-коммунистической практики [182].

Возникшие разногласия было решено не выносить на заседание V Всероссийской конференции профсоюзов и перенести на пленум ЦК РКП (б) 8-9 ноября 1920 г., на котором была создана комиссия для выработки резолюции, выражающей линию ЦК по вопросу о роли и задачах профсоюзов [183]. Четверо из восьми членов комиссии (С.А. Лозовский, Я.Э. Рудзутак, М.П. Томский, Г.Е. Зиновьев) поддерживали позицию В.И. Ленина - М.П. Томского, двое (А.А. Андреев и Л.Д. Троцкий) являлись сторонниками сращивания профсоюзов и хозяйственных органов, и двое (А.Г. Шляпников и Ю.Х. Лутовинов) разделяли взгляды «рабочей оппозиции». Последние отказались участвовать в данной комиссии, поскольку было очевидно, что их голоса мало могли повлиять на ее работу. Из комиссии вышел и Л.Д. Троцкий, требовавший обсуждения вопроса в партийной печати. В итоге, разногласия, выявившиеся на V конференции профсоюзов, не удалось ослабить. На пленуме ЦК РКП (б) 8 декабря 1920 г. была предпринята еще одна попытка выработать общую линию, которая также не дала результата.

Таким образом, ЦК партии не выработал платформы, на основе которой можно было бы преодолеть обострившиеся разногласия в профсоюзах, и раскол в ЦК и в профдвижении становился реальностью. В сложившейся ситуации пленум ЦК 24 декабря 1920 г. принял решение об открытии широкой дискуссии по вопросам порядка дня приближающегося X съезда РКП (б) [184].

Вместе с тем активная подготовка к предстоящему съезду началась еще до официального открытия дискуссии о профсоюзах. Так, 16 декабря 1920 г. ЦК ВСРМ – организационный центр «рабочей оппозиции» издал циркуляр, адресованный «всем бюро фракций райкомов ВСРМ» [185]. В нем сообщалось: «В данный момент наши центры лихорадочно готовятся к съезду. Московская организация РКП (б) уже начала устраивать дискуссионные собрания по ряду пунктов» [186]. В циркуляре характеризовались три основные позиции по вопросу

о роли и задачах профсоюзов. Ленинская платформа оценивалась как не меняющая положения профсоюзов и не разрешающая существующих противоречий. «Вторая позиция (совнархозников и цектранистов), – говорилось в письме, – предлагает такие формы организации и приемы работ, которые на деле подчиняют наши союзы хозяйственным органам». Также сообщалось, что большинство президиума ВСРМ стоит на точке зрения, которая «выдвигает на первый план проведение в жизнь в отношении к профсоюзам нашей партийной программы, принятой VIII съездом РКП (б)» [187]. Далее в циркуляре предлагалось «проведение экономической политики через производственные объединения с целью уничтожения бюрократизма, оторванности рабочих от производства, устранения существующего двоевластия и паритетного союзного и совнархозного начала. По проведению в жизнь этого положения, – подчеркивалось в письме, – союзы становятся во главе органов СНХ и, таким образом, исчезает существующая теперь двойственность. Кроме того, создается практическая возможность вовлечения в экономическое строительство и управления промышленностью широких пролетарских масс» [188]. Бюро фракции ВСРМ, – отмечалось в циркуляре, – примет все меры к тому, чтобы доставить на места материалы, излагающие существующие взгляды по вопросу о профсоюзах. В документе предлагалось не ждать «до получения материалов, а немедленно обсудить эти вопросы», что «должно иметь и практическую цель: подготовку к X съезду РКП (б). На этот съезд, – сообщалось в заключение циркуляра, – мы должны послать как можно больше представителей стоящих на нашей точке зрения» [189].

Подготовка к предстоящему партийному съезду началась и в региональных организациях РКП (б). Так, на Урале вопрос о профсоюзах стал предметом обсуждения еще до официального открытия внутрипартийной дискуссии. Точку зрения огосударствления профессиональных объединений, близкую к позиции Л.Д. Троцкого, выразил член президиума Екатеринбургского губсовнархоза Б. Дидковский, который 9 декабря 1920 г.

опубликовал в газете «Уральский рабочий» тезисы «К вопросу о восстановлении промышленности» [190]. Выход из кризиса в профобъединениях автор видел в «организованном и массовом» слиянии хозяйственных и профсоюзных органов.

Иную позицию заняла группа профессиональных работников Екатеринбурга. 18 декабря 1920 г. один из руководителей Екатеринбургского районного отделения Всероссийского союза рабочих-металлистов И.Г. Юшков опубликовал тезисы «Участие союзов в разрешении производственных задач». По ряду положений они были созвучны с тезисами А.Г. Шляпникова «Организация народного хозяйства и задачи союзов». Основной ячейкой новой системы управления И.Г. Юшков, как и А.Г. Шляпников, считал «рабочие комитеты», которым следует передать управление предприятиями [191]. Они же должны стать распорядителями находящегося в их ведении имущества и отвечать за его сохранность и рациональное использование. Подвергался критике бюрократизм хозяйственного аппарата и его оторванность от рабочих масс, указывалось на необходимость полного подчинения хозяйственных органов профсоюзам. Однако были и отличия, главное из которых заключалось в поддержке И.Г. Юшковым курса на милитаризацию труда. Возможно, поэтому часть профессиональных работников Екатеринбурга была не удовлетворена его предложениями, и через некоторое время члену фракции ВСРМ К. Шуру было поручено разработать новые тезисы по вопросу о роли и задачах профсоюзов, в основу которых рекомендовалось положить предложения «рабочей оппозиции» [192].

В Пермской партийной организации идеи А.Г. Шляпникова активно поддерживал член губкома РКП (б) Г.И. Мясников. Он являлся противником отстранения рабочих от реального управления государством и отсутствия свободы слова. После IX Всероссийской конференции РКП (б), на которой Г.И. Мясников выступил с критикой Уралбюро ЦК как «излишней передаточной

инстанции», он был отозван из Перми и переведен «на исправление» (выражение Г.И. Мясникова) в Петроград [193].

Аналогичные настроения проявились и в Нижнем Новгороде, где еще до официального объявления дискуссии вопрос о профсоюзах стихийно ставился на собраниях коммунистов. Наиболее сильные позиции у сторонников А.Г. Шляпникова были в Городском, Береговом и Сормовском районах города. На общем собрании коммунистов Городского района 27 ноября 1920 г. точку зрения «рабочей оппозиции» защищал А.Г. Ищенко. На собрании Берегового района член бюро губкома Е.Н. Козин настаивал на том, «чтобы все руководящие посты в органах управления промышленностью и транспортом заняли представители профсоюзов и чтобы профсоюзы давали директивы, а совнархозы их выполняли...»[194]. По свидетельству А.И. Микояна, очевидца этих событий, больше других сторонников «рабочей оппозиции» было в Сормовском районе, где взгляды А.Г. Шляпникова разделял директор Сормовского завода Чернов–Грешнев и другие члены райкома [195].

Социально-экономические и политические проблемы еще более обострились в преддверии X съезда РКП (б). Ситуация осложнялась тем, что разногласия охватили Центральный Комитет правящей партии, и раскол между его членами стал реальностью. В этих условиях борьба по вопросу о профсоюзах перерастает в борьбу за лидерство в партии, в центре которой оказались группировки В.И. Ленина – М.П. Томского – Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого – Н.И. Бухарина. Победа или поражение любой из них могли существенно поколебать равновесие в ЦК РКП (б) и привести к новой расстановке сил в «верхах». Столкновение интересов заметно проявилось во время VIII Всероссийского съезда Советов (22-29 декабря 1920 г.).

Наиболее острую полемику на заседании фракции РКП (б) VIII съезда Советов вызвал вопрос о роли и задачах профсоюзов. От имени «рабочей оппозиции» на нем выступил А.Г. Шляпников. Он видел корень социально–экономических проблем советского государства в отстранении

рабочих от управления предприятиями, отсутствии с их стороны инициативы и заинтересованности в труде. Лидер «рабочей оппозиции» считал, что «нужно поставить дело так, чтобы действительно наши производители управляли производством, а не бюрократы скверно управляли этим делом за них» [196]. А.Г. Шляпников также подчеркнул, что идеи «рабочей оппозиции» были «приняты на целом ряде ответственейших собраний профессионалистов, заводских комитетов и конференций рабочих Владимирской, Нижегородской, Московской и других губерний»[197].

30 декабря 1920 г. объединенное заседание фракции РКП (б) VIII съезда Советов и фракций ВЦСПС и МГСПС заслушало доклад о роли и задачах профсоюзов в Советской России. Это было первое открытое обсуждение спорных проблем перед тысячами ответственных партийных работников страны. От имени «рабочей оппозиции» с тезисами «Организация народного хозяйства и задачи союзов» вновь выступил А.Г. Шляпников. «Сущность спора, – заявил он, – заключается в том, какими путями наша коммунистическая партия в переживаемый переходный период будет проводить свою хозяйственную политику: через организованные в союз рабочие массы или через их головы – бюрократическим путем, посредством канонизированных чиновников и спецов» [198]. Возражая своим оппонентам, А.Г. Шляпников утверждал, что их позиция игнорирует массовое участие рабочих в созидательной работе, консервирует бюрократию, отстраняет рабочих от организации управления хозяйством. «В настоящее время, – говорил он, – организация промышленности, вопросы о составе заводоуправления разрешаются помимо союзов и против них в оргбюро нашего Центрального Комитета партии. И если на то пошло, если хотите все «срастить», то передайте все прямо и непосредственно в оргбюро и тогда «сращивание» найдет синтез и воцарит благодать во всех отношениях»[199].

Вместе с тем при всем радикализме А.Г. Шляпникова он являлся сторонником огосударствления профсоюзов, в чем, как это ни парадоксально,

он смыкался с Л.Д. Троцким, с которым столь непримиримо спорил. Однако, если Л.Д. Троцкий предлагал провести огосударствление профсоюзов через слияние профсоюзного и хозяйственного аппаратов, то А.Г. Шляпников представлял себе огосударствление профсоюзов как процесс перехода к профобъединениям всего дела управления народным хозяйством. Причем в основе управления должны лежать не аппаратные методы работы, а «самоорганизация масс» [200].

Речь А.Г. Шляпникова вызвала протест со стороны Л.Д. Троцкого, убежденного, что среди рабочих нет необходимого количества людей, подготовленных к управлению [201] и обвинявшего «рабочую оппозицию» в синдикализме. Резко критиковал А.Г. Шляпникова В.И. Ленин. Он полагал, что в сложной обстановке того времени говорить о передаче управления экономикой профсоюзам – значит впадать в «синдикалистский уклон», который, по его мнению, следует решительно осудить как серьезную опасность гегемонии большевистской партии. Касаясь партийной программы, провозглашавшей, что профсоюзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством как единым целым, В.И. Ленин, не подвергая сомнению этот тезис в принципе, заявил, что в настоящий момент реализация данного требования преждевременна. По существу, как и Л.Д. Троцкий, он считал, что рабочий класс еще не созрел для выполнения сложных функций управления и эта подготовка займет долгие годы [202].

Свой взгляд на причины кризиса профессионального движения и пути его преодоления изложил на собрании 30 декабря Л.Д. Троцкий, предлагавший довести процесс огосударствления профсоюзов до логического завершения и слить союзные и хозяйственные органы в единое целое. Другие большевистские лидеры во главе с В.И. Лениным и Г.Е. Зиновьевым («платформа 10-ти») акцентировали внимание на специфике союзов как самодеятельных организаций рабочего класса, созданных для защиты его

интересов, и, не отрицая возможности слияния профсоюзных и хозяйственных органов в будущем, считали этот шаг пока преждевременным.

Со своими тезисами выступили также группа «демократического централизма», президиум ВСНХ и другие. Всего в первые недели дискуссии было выдвинуто семь коллективных и две индивидуальные платформы.

Начало широкому обсуждению вопроса о профсоюзах в региональных организациях РКП (б) положило «Обращение к партии», принятое 3 января 1921 г. на собрании партийного актива Петрограда. К 15 января 1921 г. из 10427 членов Петроградской организации РКП (б), принявших участие в обсуждении этого документа, лишь 228 человек (2,2 %) высказались против [203]. Такой результат во многом был определен влиянием в городской организации Г.Е. Зиновьева, ориентировавшегося на В.И. Ленина. Подготовленное им «Обращение» воспринималось подавляющим большинством членов Петроградской организации как отвечающее общепартийным интересам. Оно полностью поддерживало позицию ленинцев и осуждало точку зрения Л.Д. Троцкого, обвиняя его в попытках расколоть единство партии и профессионального движения, «уничтожить» профсоюзы. Одновременно предлагалось провести выборы делегатов на X съезд РКП (б) по платформам, т.е. пропорционально числу голосов, поданных в поддержку той или иной точки зрения по вопросу о роли и задачах профсоюзов [204].

Мы склонны рассматривать «Обращение» как политический ход, целью которого являлось навязывание мнения провинциальным партийным структурам, которые не могли не учитывать решение крупнейшей партийной организации страны. Кроме того, данный документ должен был объединить сторонников В.И. Ленина – Г.Е. Зиновьева, превратив Петроград в своеобразный центр по подготовке партийного съезда. В этой связи предлагалось направить на места агитаторов, обязанных оказывать пропагандистскую, а в случае необходимости и организационную помощь своим единомышленникам.

Выступление Петроградской организации вызвало протест сторонников Л.Д. Троцкого. 11 января 1921 г. на заседании Московского комитета РКП (б) они предложили резолюцию, направленную против «Обращения», в которой требовалось, «чтобы ЦК взял в свои руки подготовку съезда» [205]. В резолюции говорилось: «Поскольку ЦК не имеет в спорном вопросе (о профсоюзах, –Т.С.) единой позиции, обязанностью ЦК является представить своевременно всем партийным организациям все необходимые материалы и докладчиков, способных осветить все точки зрения. Только таким путем обращение Петроградской организации будет лишено тенденции превратиться в особый центр по подготовке партийного съезда» [206]. На этом же заседании близкий к «рабочей оппозиции» Е.Н. Игнатов предложил другой проект резолюции, защищающий право любой организации «высказывать свое мнение и предлагать те или другие методы ведения дискуссии по вопросу о профсоюзах» [207]. Присутствующие на заседании сторонники «рабочей оппозиции» поддержали Е.Н. Игнатова, объяснив свою позицию «быть последовательными в демократии и не разрушать решений IX Всероссийской конференции» [208]. Однако при голосовании большинством в один голос была принята резолюция Л.Д. Троцкого [209].

Во второй декаде января 1921 г. обсуждение дискуссионных платформ начинается в районных партийных организациях Москвы. 13 января 1921 г. на объединенном собрании делегатов и активных работников Бауманского района с докладами выступили Л.Д. Троцкий, а также С.П. Медведев, защищавший платформу «рабочей оппозиции» и входивший в ленинскую группу С.А. Лозовский. Анализ развернувшихся на собрании прений позволяет сделать вывод, что большинство его участников не имело четких представлений о предложенных платформах. Так, один из делегатов заявил: «Какую роль должны играть профсоюзы, ... это трудно понять» [210]. Другой участник обвинил С.А. Лозовского в том, что он защищает позицию меньшевиков. Присутствующий на заседании И.В. Сталин на это возразил: «Разногласия

наши с ЦК разделились таким образом, что т. Ленин защищает точку зрения т. Лозовского, а Троцкий – свою. Методы военные и методы убеждения, вот разногласие» [211]. С.П. Медведев с этим заявлением не согласился. Он считал, что различия в позициях фракций заключаются не только в предлагаемых методах управления, но «в том, как будет строиться наше хозяйство» [212].

В конечном итоге И.В. Сталин заключил, что «вопрос стоит в возрождении профсоюзов». Большинство делегатов согласилось с этим положением и постановило «принять доклады к сведению и перенести обсуждение вопроса в ячейки» [213].

15 января 1921 г. вопрос о роли и задачах профсоюзов обсуждался на заседании Бауманского районного комитета РКП (б). Принятая на нем резолюция была созвучна идеям «рабочей оппозиции». В ней говорилось, что «профессиональные союзы должны идти все больше и больше к скорейшему овладению производством»[214]. Одновременно подчеркивалось, что проведение выборов на X съезд РКП (б) по платформам, т.е. пропорционально числу сторонников той или иной группы в каждой партийной организации является единственно правильным. Так же указывалось на «вопиющее нарушение со стороны Московского комитета РКП (б), выразившееся в отношении письма Петроградской организации». Подобная же резолюция была принята Городским районным комитетом РКП (б) [215].

В начале января 1921 г. сторонники А.Г. Шляпникова имели сравнительно прочные позиции в ряде крупных районов Москвы – Бауманском, Городском, Замоскворецком, Сокольническом. Однако во второй половине января 1921 г. ситуация изменилась. Так, в Сокольническом районе, где на делегатском собрании и при выборах в районный комитет РКП (б) значительное количество голосов получила «рабочая оппозиция», на итоговом районном собрании, проходившем 18 января 1921 г., уверенную победу одержали сторонники группы В.И. Ленина – Г.Е. Зиновьева [216].

Значительную роль в переходе коммунистов на позиции ленинцев сыграла высокая организованность сторонников «платформы 10» и использование имевшихся в их распоряжении административных ресурсов. По воспоминаниям Т.Ф. Людвинской, работавшей в то время на руководящей партийной работе в Сокольнической организации РКП (б), В.И. Ленин, обеспокоенный ситуацией, выделил «для разъяснительной работы» только в этом районе Москвы 50 докладчиков, распорядился снабдить их литературой и дал машину, «так как обойти пешком обширный район, да еще в зимних условиях, было физически невозможно»[217]. Напротив, «рабочая оппозиция» не имела таких ресурсов. Среди других обстоятельств, оказавших заметное влияние на формирование партийного мнения в Москве, являлся авторитет В.И. Ленина, который лично встречался с наиболее оппозиционно настроенными рабочими[218].

Немалое влияние на формирование партийного мнения имел характер опубликованных в печати материалов. Так, в январе 1921 г. в газете «Правда» точка зрения А.Г. Шляпникова защищалась лишь в одной статье, тогда как позицию группы В.И. Ленина – Г.Е. Зиновьева отражали 4 публикации [219]. Не последнюю роль сыграл и тот факт, что тезисы А.Г. Шляпникова были опубликованы позже других, 25 января 1921 года. Но даже и после этого момента дискутирующие стороны продолжали оставаться в неравном положении, так как платформы В.И. Ленина или Л.Д. Троцкого издавались огромными тиражами как в центре, так и на местах, а о доводах «рабочей оппозиции» обычно судили только по докладам их сторонников на партийных собраниях и интерпретациям, которые давалась этим выступлениям их оппонентами.

Совокупность вышеизложенных факторов предопределила исход дискуссии на общегородском собрании представителей всех ячеек Москвы, состоявшемся 21 января 1921 года. Более 1600 (80 %) присутствующих коммунистов поддержали «платформу 10», остальные 400 (20 %) членов РКП

(б) высказались за Л.Д. Троцкого. «Рабочая оппозиция» не получила ни одного голоса [220].

В конце января 1921 г. обсуждение вопроса о профсоюзах переносится на участковые собрания ячеек, где сторонников А.Г. Шляпникова поддержали до 23 % участников собраний [221]. Подобный результат, на наш взгляд, связан с тем, что дискуссия в ячейках Москвы по времени совпала с растущей волной недовольства рабочих-металлистов. Известно, что на почве продовольственного кризиса данный протест в начале февраля вылился в стачки, не прекращавшиеся в течение трех недель [222]. Определенное влияние на позицию многих участников собрания оказали публикации в печати платформы «рабочей оппозиции» и выступлений ее сторонников, пришедшиеся на конец января – первую половину февраля 1921 года [223].

Параллельно происходит обсуждение дискуссионных платформ в профсоюзных структурах Москвы, где платформу А.Г. Шляпникова поддержало значительное количество рабочих-коммунистов. И это не случайно, поскольку она соответствовала интересам, прежде всего, профсоюзных руководителей и активистов. Известно, что большинство лиц, подписавших платформу «рабочей оппозиции», являлось лидерами крупнейших профобъединений (среди них председатели ЦК союзов горнорабочих – А. С. Киселев, текстильщиков – И.И. Кутузов) и руководителями важнейших предприятий крупнейших промышленных центров страны (центрального правления артиллерийских заводов – А. Толоконцев, государственного машиностроительного завода – А. Васильев, правления тяжелой индустрии – И. Котляков, объединения заводов среднего машиностроения – И. Барулин) [224] и другие.

В конце января 1921 г. вопрос о профсоюзах обсуждался II Всероссийским съездом горнорабочих. Поскольку около половины лиц, подписавших платформу «рабочей оппозиции» являлись членами данного профсоюза, то, по словам А.А. Андреева, «для борьбы с оппозицией» на этот

съезд была направлена «тяжелая артиллерия» в лице В.И. Ленина, который выступил с основным докладом. Однако, несмотря на это, одна треть собрания высказалась против его точки зрения [225]. В выступлении В.И. Ленина прозвучала жесткая критика его оппонентов – А.Г. Шляпникова и Л.Д. Троцкого. Он снова обвинил «рабочую оппозицию» в «синдикализме», неоднократно указывал на невыполнимость ее требований, призывал отталкиваться от практики, считая, что «революционная целесообразность» выше «формальной демократии». Речь А.Г. Шляпникова, по сути, сводилась к отрицанию резких замечаний В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Ссылаясь на программу партии, он заявил, что конкретные задачи профсоюзов заключаются «в вовлечении самых широких кругов рабочих масс в дело организации народного хозяйства», добавив при этом, что он «не говорит о беспартийных массах». Это высказывание не встретило сочувствия со стороны присутствующих беспартийных делегатов, позиция которых могла повлиять на итоги заседания, поскольку из них правом голоса обладали 66 (22 %) человек [226].

Заканчивая речь, А.Г. Шляпников заявил: «Мы хотим, чтобы все, что касается горного дела, проходило через это собрание или олицетворяющий его ЦК, а не строилось бы по принципу покровительства того или иного бюрократа» [227]. На следующий день обсуждение вопроса о профсоюзах было продолжено. Анализ выступлений показывает, что оппоненты «рабочей оппозиции» воспринимали требование передачи управления промышленностью профсоюзам как невыполнимое. Из 6 ораторов, выступивших с критикой предложений «рабочей оппозиции», 4 объяснили подобное обстоятельство «неготовностью» рабочего класса, 1 указывал на «неприспособленность» профсоюзов к данной функции. В свою очередь, многим участникам конференции импонировал тезис о возрождении защитной функции профсоюзов, высказанный в «платформе 10». Об этом свидетельствуют

результаты голосования: 137 (66,5 %) человек поддержали позицию В.И. Ленина, 61 (29,6 %) – А.Г. Шляпникова и 8 (3,88 %)– Л.Д. Троцкого [228].

Незначительным большинством программа «рабочей оппозиции» была принята ее организационным центром – ЦК Всероссийского союза рабочих металлистов, на пленуме которого А.Г. Шляпникова поддержали 11 человек, Л.Д. Троцкого – 7, «платформу 10» – 2 [229] и конференцией управляющих и заводских комитетов артиллерийских заводов республики, состоявшейся в начале февраля 1921 года [230], а также Московским, Нижегородским, Владимирским [231], Алтайским [232], Харьковским [233] и некоторыми другими региональными отделениями ВСРМ.

В то же время программа «рабочей оппозиции» не получила большинства даже в среде профсоюзных работников. Это говорит о том, что причины ее поражения лежали глубже организационных, административных и прочих моментов. На наш взгляд, наряду с уже перечисленными обстоятельствами, одна из главных причин поражения «рабочей оппозиции» состояла в том, что профессионалисты, которых платформа А.Г. Шляпникова могла заинтересовать в первую очередь, в основном, являлись беспартийными. Так, по данным А.Г. Шляпникова численность коммунистов среди рабочих–металлистов Петрограда составляла менее 2 %, в Москве – 4 процента [234]. В региональных организациях количество коммунистов среди профсоюзных работников не превышало 3 процентов. К примеру, среди рабочих отделения ВСРМ Пермской губернии в конце 1920 - начале 1921 г. было 724 (2,77 %) члена РКП (б) [235]. И это касается профсоюза, составляющего, по словам А.Ф. Киселева, «костяк профдвижения» [236]. Вместе с тем, при столь незначительном количестве коммунистов (т.е. «сознательных рабочих») среди профессионалистов и нехватке кадров, вставал вопрос о возможности реализации на практике программы «рабочей оппозиции». На наш взгляд, этот фактор стал решающим в поражении сторонников А.Г. Шляпникова. Позиция В.И. Ленина, напротив, воспринималась как наиболее реалистичная, учитывающая сложившиеся

обстоятельства и устраивающая государственных чиновников, работающих в области промышленности, из которых в августе 1920 г. коммунистами являлись 14 % [237], а доля большевиков в органах управления промышленности составляла 50 процентов [238]. Немалую роль сыграла идеологическая зашоренность сознания партийной массы, которая слепо следовала авторитетному мнению партийных вождей.

Все это предопределило итоги голосования в Московской губернской организации (впрочем, как и в целом по стране), где большинство поддержало группу В.И. Ленина – Г.Е. Зиновьева. Из 69 решений, принятых партийными организациями Московской губернии с 23 января до 18 февраля 1921 г., 64 одобрили «платформу 10», 4 – Л.Д. Троцкого и 1 – «рабочей оппозиции» [239]. На итоговой VI Московской губернской конференции РКП (б) (19-21 февраля 1921 г.) «рабочую оппозицию» поддержали 13,7 % от общего числа участников собрания [240], тогда как на предыдущей, состоявшейся в ноябре 1920 г. – 21 процент. В целом, в период дискуссии о профсоюзах численность сторонников «рабочей оппозиции» в Москве не только не увеличилась, но и значительно сократилась.

Аналогичным образом проходила дискуссия в региональных партийных организациях. Официальное обсуждение вопроса о профсоюзах в Нижегородской губернии началось в середине января 1921 года. На собрании крупнейшего в городе Сормовского рабочего района программу А.Г. Шляпникова излагал председатель завкома профсоюза Серов. Точку зрения В.И. Ленина – Г.Е. Зиновьева защищал А.И. Микоян. Собрание единогласно приняло резолюцию, в которой говорилось: «Линию поведения «рабочей оппозиции» считаем правильной и впредь будем ее поддерживать» [241]. Сильные позиции сторонников А.Г. Шляпникова были также в Береговом и Канавинском районах Нижнего Новгорода. Однако по итогам общих собраний, проходивших в середине февраля 1921 г., убедительную победу «рабочая

оппозиция» одержала только в Канавинской партийной организация, где за нее проголосовали 80 человек из 109 [242].

Причем бросается в глаза, что в большинстве случаев решение рабочих-коммунистов напрямую зависело от позиции местного партийного руководства. В итоге авторитет партийных лидеров, присланных из ЦК РКП (б), «для борьбы с оппозицией» оказался сильнее. По воспоминаниям А.И. Микояна, итоговое собрание в Сормове готовилось следующим образом: «секретарь Городского райкома Н.И. Иконников переехал на несколько дней в Сормово, где имел широкие связи с рабочими и, не обращая на себя внимания оппозиционно настроенного руководства, побывал на квартирах знакомых ему старых большевиков-рабочих. Он им разъяснил, что если победит платформа А.Г. Шляпникова или Л.Д. Троцкого, то будет нанесен непоправимый удар ленинскому руководству партии»[243]. Как информировал вскоре Н.И. Иконников, его беседы с рабочими давали весьма благоприятные результаты.

В итоге, на общем собрании Сормовской организации, проходившем 16 февраля 1921 г., за «рабочую оппозицию» проголосовали 31 человек, а за «платформу 10» – 144 [244]. Подобным образом проходила подготовка общего собрания коммунистов Берегового района Нижнего-Новгорода, где сторонников А.Г. Шляпникова поддержали 56 человек, «платформу 10» – 57, «троцкистов» – 19 [245]. С начала февраля обсуждение вопроса о профсоюзах началось в уездах губернии, из которых только 4 проголосовали за группу В.И. Ленина – Г.Е. Зиновьева [246].

Итоги дискуссии были подведены на XI Нижегородской губернской партийной конференции (19-23 февраля 1921 г.). Из 140 делегатов «платформу 10» поддержали 72 (51,4 %) человека, «рабочую оппозицию» – 22 (15,7 %), Л.Д. Троцкого – 7 (5 %). Причем из 39 (27,8 %) воздержавшихся, большинство стояло за «рабочую оппозицию» на предшествовавших губернской уездных конференциях. Однако их колебания предрешили вопрос о выборе делегатов на X съезд партии. 32 человека из этой группы к концу конференции перешли на

сторону ленинской группы [247]. В результате делегатами на X съезд РКП (б) конференция избрала 8 человек, из которых 6 являлись сторонниками «платформы 10», 1 – «рабочей оппозиции», 1 – Л.Д. Троцкого.

К точке зрения В.И. Ленина – Г.Е. Зиновьева присоединилось большинство партийных и профсоюзных организаций Сибири. Так, III Сибирская конференция РКП (б) (19-26 февраля 1921 г.) одобрила «платформу 10» 191 голосом против 11 [248]. На III Енисейской районной конференции рабочих водного транспорта (20-23 февраля 1921 г.) единогласно была принята резолюция, в которой отмечалось: «Признать выдвинутую тт. Лениным и Зиновьевым и др. платформу единственно приемлемым и правильным подходом к разрешению назревшего вопроса…» [249]. Расширенное заседание пленума Томского губкома РКП (б) (13 февраля 1921 г.) также единогласно поддержало позицию ленинцев по вопросу о профсоюзах [250]. Аналогичным образом завершились Алтайская, Красноярская [251], Иркутская [252], Омская [253] губернские конференции РКП (б).

Однако в некоторых партийных организаций Сибири имели место выступления сторонников А.Г. Шляпникова. К примеру, в статье «К кризису русского рабочего движения» представитель Черемховской партийной организации Л. Шифрес обвинил партийные «верхи» в отстранении рабочих от руководства промышленностью, государством и требовал передать управление народным хозяйством профессиональным союзам [254]. Положения, близкие к программным установкам «рабочей оппозиции» высказывались в статье К. Молотова «Надо оживить работу профсоюзов», опубликованной в томской газете «Знамя революции» [255]. Эти же настроения нашли отражение в резолюции общего собрания Мариинской городской организации РКП (б) Томской губернии, которая была принята 4 марта 1921 г. значительным большинством. В ней говорилось, что «для возрождения производства необходимо не механическое, а органическое слияние профсоюза с органами производства. Профессиональные союзы, став мощной силой не

постановлениями и резолюциями, а авторитетом и умелостью возьмут производство в свои руки»[256]. На этом собрании «платформу 10» поддержали лишь 3 делегата из 146[257].

30 января 1921 г. на объединенном собрании ответственных партийных и профсоюзных работников Омска и делегатов VII Омской горуездной конференции РКП (б) тезисы А.Г. Шляпникова от имени работников водного транспорта защищал Дьяков. Ему удалось собрать 4 голоса (0,6 %), в то время как за платформу «децистов» проголосовали 2 (0,3 %) человека, за тезисы Л.Д. Троцкого – 11 (1,8 %), все остальные участники собрания (около 600 человек) присоединились к точке зрения В.И. Ленина – Г.Е. Зиновьева[258].

Подобным образом дискуссия прошла и в других районах страны. За «рабочую оппозицию» высказались 65 (40 %) делегатов губернской конференции во Владимире[259], 30 (41,6 %) – в Краснодаре[260], 7 (5,9 %) – в Иваново-Вознесенске[261], 21 (3,8 %) – делегатов всех губернских конференций Урала[262].

Подавляющее большинство итоговых партийных собраний одобрило «платформу 10». Лишь на VIII Самарской городской конференции РКП (б) (9 февраля 1921 г.) 76 делегатов (55,5 %) высказались за «рабочую оппозицию»[263]. Однако после приезда в Самару делегации ЦК РКП (б) во главе с В.В. Куйбышевм (10 человек) ее результаты были пересмотрены. На этот раз за А.Г. Шляпникова проголосовал 41 (32,6 %) участник конференции[264].

Депутаты VI Тульской губернской конференции, протестуя против «того резко полемического характера, который приняла дискуссия», постановили «выборы на X съезд РКП (б) производить не по платформам», а поименно[265]. В результате, на съезд были отправлены 6 делегатов с решающим голосом, позиция которых могла меняться в зависимости от многих факторов.

Попытаемся определить численность сторонников «рабочей оппозиции» в дискуссии о профсоюзах. Как известно, в это время большевистская партия насчитывала 732 521 тыс. человек[266]. Выборы на X съезд РКП (б) проходили по

платформам (в отдельных партийных организациях это правило не соблюдалось: Самарская, Тульская, Тюменская и др.). Численность представителей «рабочей оппозиции» на съезде составила, по нашим расчетам, 6,2 % от общего количества делегатов. Есть основания предполагать, что эта цифра отражала степень влияния «рабочей оппозиции» в РКП (б) в то время. При этом, однако, следует обратить внимание на то, что в дискуссии участвовали не все коммунисты. Так, в Екатеринбургской губернии в дискуссионных собраниях приняли участие около трети большевиков [267]. По другим регионам данных нет, однако проделанный нами анализ позволяет утверждать, что в центре этот процент мог быть несколько выше, в Сибири – ниже. Таким образом, можно допустить, что накануне X съезда партии за платформу «рабочей оппозиции» проголосовали около 14 тыс. коммунистов или 2 % состава РКП (б).

Причины поражения платформы А.Г. Шляпникова в провинции были обусловлены в большинстве своем теми же обстоятельствами, что и в Московской губернии. Однако имелась и специфика. В Нижнем Новгороде оказалась не популярной программа Л.Д. Троцкого, чье отношение к политике в Цектране не могло встретить сочувствия со стороны значительного количества рабочих данной губернии, являющихся членами профсоюза железнодорожников. Еще одной отличительной чертой периода дискуссии о профсоюзах в региональных организациях стал авторитет местного партийного руководства, который в условиях удаленности от центра имел определяющее значение. Если в губернские и районные комитеты РКП (б) входили профессионалисты, поддерживающие точку зрения А.Г. Шляпникова, и их было большинство, то основная масса коммунистов данных партийных комитетов поддерживала «рабочую оппозицию». Так, Самарский и Владимирский губкомы РКП (б) состояли в основном из представителей «рабочей оппозиции». В райком Канавинской организации РКП (б) Нижегородской губернии входили такие сторонники А.Г. Шляпникова как

Григорьев, Е.Н. Козин, Смирнов, М.И. Челышев, Сормовской – Серов, Чернов, Егоров, в Бауманский райком РКП (б) Московской губернии – И.И. Кутузов, Б.Н. Корзинов, Демидов, в Городской райком – Е.Н. Игнатов, А.С. Киселев. В период дискуссии о профсоюзах происходил процесс «вымывания» сторонников «рабочей оппозиции» из губернских комитетов РКП (б). К примеру, если в октябре 1920 г. президиум губкома Нижегородской партийной организации, состоящий из пяти человек, включал трех представителей «рабочей оппозиции», то в феврале 1921 г. президиум был расширен до 9 человек, из которых ни один не являлся сторонником А.Г. Шляпникова. В Самарский губком РКП (б) в конце февраля 1921 г. были введены 11 сторонников В.И. Ленина. Таким образом, была создана коалиция, где 11 человек являлись ленинцами, 11 – «шляпниковцами», 3 – «троцкистами».

Изложенный материал позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Участие «рабочей оппозиции» в дискуссии о профсоюзах отразило «разброс мнений» как в руководстве большевистской партии, так и в ее «низах». За ним скрывались не только политические амбиции политических вождей, но и различные подходы к вопросу о методах связи правящей партии с массами, формах воздействия на них.

2. В период дискуссии о профсоюзах завершается оформление группы «рабочей оппозиции» и ее программы. Платформу «рабочей оппозиции» поддержали в основном профсоюзные руководители и активисты крупнейших профсоюзов советского государства, что свидетельствует об определенной независимости данных профобъединений в политических коллизиях. Одновременно дискуссия показала стремление партийно-государственных «верхов» ликвидировать остатки подобной самостоятельности.

3. В дискуссии о профсоюзах «рабочая оппозиция» потерпела поражение, сократилась ее численность, и это оказало значительное влияние на внутрипартийные процессы, связанные с подготовкой X съезда РКП (б). В период дискуссии происходило вытеснение сторонников А.Г. Шляпникова с

руководящей работы, особенно на региональном уровне. Главная причина неудачи «рабочей оппозиции» заключалась в том, что ее платформа, во многом, была лишена прагматизма, и, как следствие, не встретила поддержки основной массы рядовых членов большевистской партии. Профессионалисты, которых линия А.Г. Шляпникова могла заинтересовать в первую очередь, в основном, являлись беспартийными и остались за периметром дискуссии. В свою очередь, сторонники А.Г. Шляпникова не решились к ним апеллировать, опасаясь всплеска «мелкобуржуазной стихии». Определенное влияние на формирование партийного мнения оказало политическое давление со стороны ленинской фракции и использование имевшихся в ее распоряжении «административных ресурсов». Немалую роль сыграла зашоренность основной партийной массы, привыкшей следовать авторитетному мнению партийных вождей, не ориентируясь в тонкостях дискуссионных платформ.

***

Формирование «рабочей оппозиции» было связано с противодействием части большевиков корректировке официального курса в рабочем и профсоюзном вопросах и представляло собой длительный процесс, охвативший время с конца 1919 до марта 1921 года. Данный этап может быть разбит на два периода: конец 1919 – осень 1920 гг. и осень 1920 – март 1921 года.

В рамках первого периода происходило агрегирование протестных настроений рабочих и партийных «низов», с одной стороны, и артикуляция их требований – с другой. В результате формулировались элементы программы «рабочей оппозиции», выделялись лидеры и организационный центр группы.

Второй период хронологически совпадает с дискуссией о профсоюзах, развернувшейся в партии накануне X съезда РКП (б) и характеризуется завершением процесса формирования «рабочей оппозиции». На данной стадии наблюдается сокращение численности группы, многие из ее участников примыкают к ленинскому большинству.

Проделанный нами анализ показал, что процесс формирования «рабочей оппозиции» в общероссийском масштабе протекал неравномерно и, во многом, зависел от уровня развития профсоюзного строительства того или иного района советского государства. Наиболее интенсивно создание «рабочей оппозиции» шло в центре России, где степень организации профсоюзных структур была выше, чем в регионах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Рабочая оппозиция». Материалы и документы 1920-1926 гг. М.;Л.,1926. С.4.
[2] Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 ноября.
[3] Там же.
[4] Шелавин К.И. Рабочая оппозиция. М.,1930; Бронин Я. К характеристике «рабочей оппозиции» в профсоюзной дискуссии // Пролетарская революция. 1929. № 1. С. 35.
[5] Вассер М.М. Борьба Коммунистической партии за организационное укрепление своих рядов в первые годы нэпа. М.,1958.
[6] Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917-1920 гг.). М.,1991.
[7] Джанашия В.Г. Ленинская критика анархо-синдикалистской концепции управления производством: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С.12; Канев С.Н. Из истории борьбы В.И. Ленина против фракционных группировок (1920–1922 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1958. № 4. С.58
[8] Слепков А. Путь «рабочей оппозиции». М.,1926.
[9] См. например: Вассер М.М. Разгром анархо-синдикалистского уклона в партии // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3; Канев С.Н. Борьба партии против анархо-синдикалистского уклона. М., 1979; Петросян Ц.С. Идейный и организационный разгром «рабочей оппозиции» (1920-1922 гг.) // Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М., 1966; Шелавин К.И. Рабочая оппозиция. М., 1930.
[10] Ploss S. Conflict and Decision-Making in Soviet Russia. Princeton, 1965.
[11] См. например: Киселев А.Ф. Указ. соч.; Земцов Б.Н. Оппозиционные группировки 20-30-х годов (Саморазрушение революции). М.,1992; Наумов В.П. Александр Гаврилович Шляпников. (Страницы политической биографии). М.,1991.
[12] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С.205.
[13] Коллонтай А.М. Рабочая оппозиция. М.,1921. С.18
[14] Национализация промышленности в СССР. М., 1954. С.239.
[15] Социал-демократ. 1917. 3, 8 декабря.
[16] ГАРФ. Ф.382. Оп.6. Д.24. Л.18 об.
[17] Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М.,2004. С.64.
[18] Цит. по: Киселев. А.Ф. Указ соч. С.38.
[19] Социал-демократ. 1917. 3 декабря.
[20] Чураков Д.О. Указ соч. С.84.
[21] Киселев. А.Ф. Указ. соч. С.39.
[22] Там же.
[23] Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998. С.43.

[24] Киселев. А.Ф. Указ. соч. С.39.
[25] Там же. С.41.
[26] Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов. (2-7 ноября 1920 г.). Стен. отчет. М., 1921. С.71.
[27] Киселев. А.Ф. Указ. соч. С.7.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Там же. С.8.
[31] ГАОПОТО (Тула). Ф.7. Оп.1. Д.3. Л.89.
[32] Известия. 1918. 22 июня.
[33] Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М.,2004. С.82.
[34] Там же. С.84.
[35] Чураков Д.О. Рабочее государство и рабочее самоуправление: Вместе или порознь. Дискуссии 1917-1918 годов // http://www.alternativy.ru/magazine/htm/01_3/churako.htm. С.13.
[36] Там же.
[37] Киселев А.Ф. Указ соч. С. 36, 211-212; Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 205; Земцов Б.Н. Оппозиционные группировки 20-30-х годов (Саморазрушение революции). М., 1992. С. 53.
[38] Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда // Альтернативы. 1995. № 2. С.128-129; Чураков О.Д. Рабочее государство и рабочее самоуправление: Вместе или порознь дискуссии 1917-1918 годов // http://www.alternativy.ru/magazine/htm/01_3/churako.htm. С. 10.
[39] Там же. С.11.
[40] Там же.
[41] Земцов Б.Н. Указ. соч. С.36.
[42] Восьмой съезд РКП (б). Протоколы. С. 403.
[43] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.1. Д.101. Л.65.
[44] РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д. 423. Л.136, 138.
[45] Там же. Оп.4. Д.48. Л.180-181.
[46] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.1. Д.24. Л.2.
[47] Киселев. А.Ф. Указ. соч. С.124.
[48] Правда. 1919. 13 июня.
[49] Киселев. А.Ф. Указ. соч. С.125.
[50] ЦА ФСБ РФ. Р-33718. Т. 37. Л.207 об.
[51] Девятый съезд РКП (б). Протоколы. С.55.
[52] Там же. С.592.
[53] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С.213.
[54] КПСС в резолюциях и решениях...Т.2. С.255-256.
[55] ГАРФ. Ф.5451. Оп.42. Д.6. Л.20-21.

[56] ЦА ФСБ РФ. Р-33718. Т.37. Л.210-212.
[57] ГАРФ. Ф.5451. Оп.42. Д.6. Л.20 об.
[58] Там же.
[59] Там же.
[60] Там же. Л.20.
[61] Зиновьев Г. Партия и профсоюзы. Соч. Т.6. С.334.
[62] РГАСПИ. Ф.95. Оп.1. Д.8. Л.5.
[63] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.1. Д.156. Л.35 об.
[64] Там же.
[65] Там же. Л.37.
[66] Там же. Л.11.
[67] Там же. Ф.2. Оп.1. Д.83. Л.3.
[68] Коммунар (Тула) 1920. 11 февраля.
[69] ГАОПОТО (Тула). Ф.1. Оп.1. Д.282. Л.30-37.
[70] Там же. Л.38.
[71] Там же. Л.40.
[72] Там же. Л.41.
[73] Очерки истории Тульской организации КПСС. Тула, 1967. С. 269.
[74] ГАОПОТО (Тула). Ф.1. Оп.4. Д.17. Л.1-2.
[75] Там же. Д.73. Л.128.
[76] РГАСПИ. Ф.17. Оп.12. Д.656. Л.98.
[77] Коммунар. 1920. 3 июля.
[78] Очерки истории Тульской организации КПСС. С. 274.
[79] РГАСПИ. Ф.1. Оп.4. Д.10. Л.3.
[80] Коммунар. 1920. 25 июня. С.4.
[81] Очерки истории Тульской организации КПСС. С. 275.
[82] Там же. С.277.
[83] ГАОПОТО (Тула). Ф.1. Оп.1. Д.282. Л. 40.
[84] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Дисс. …докт. ист. наук. Тюмень, 2001. С. 232.
[85] Уральский рабочий.1920. 20 марта.
[86] КПСС в резолюциях и решениях…Т.2. М.,1983. С.84.
[87] Микоян А.И. В начале двадцатых…М., 1975. С.25.
[88] Нижегородская коммуна. 1920. 26 марта.
[89] ГОПАНО. Ф.1. Оп.1. Д.756. Л.3.
[90] Там же. Л.2 об.
[91] Микоян А.И. Указ. соч. С.25.
[92] Там же.
[93] ГОПАНО. Ф.1. Оп.1. Д.756. Л.30.
[94] Там же.
[95] Там же. Д.769. Л.3.
[96] Там же. Д.758. Л.38.
[97] Микоян А.И. Указ. соч. С.26.

[98] Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч.2.1918-1941. Горький,1966. С.83.
[99] Известия Самарского губкома РКП (б). 1922. №2. С.1.
[100] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2001. С.132.
[101] Девятый съезд РКП (б). Протоколы. С.81.
[102] Там же. С.212.
[103] Там же. С.47.
[104] Там же. С.88.
[105] Там же. С.86.
[106] Там же. С.70.
[107] Там же. С.55.
[108] Там же. С.242.
[109] Там же. С.240.
[110] Там же. С.61.
[111] Там же. С.25.
[112] Там же. С.219.
[113] Так же. С.217.
[114] Там же. С.229.
[115] Там же. С.418.
[116] Там же. С.236.
[117] Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003. С.136.
[118] Киселев А.Ф. Партийные дискуссии о профсоюзах (1917 г. - начало 1920 г.) // Дискуссии в РСДРП (б) – РКП (б) 1917-1920 гг. М.,1990. С.345.
[119] Девятый съезд РКП (б). Протоколы. С.60.
[120] Там же. С.24.
[121] Коллонтай А.М. Указ. соч. С.8.
[122] Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С.96.
[123] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.1-а. Д.6. Л.27.
[124] Там же.
[125] ГАОПОТО (Тула). Ф.1. Оп.1. Д.293. Л.14
[126] Коммунар. 1921. 11 февраля.
[127] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.1-а. Д.6. Л.28.
[128] Там же.
[129] Там же.
[130] Там же. Л.29.
[131] Там же.
[132] Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: Хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири. Вып. I. Ч. I. Новосибирск, 1994. С.120.
[133] Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М., 2004. С.352.

[134] Девятая конференция РКП (б). Сентябрь 1920 года. Протоколы. М., 1972. С.175.
[135] РГАСПИ. Ф.17. Оп.71. Д.79. Л.1.
[136] Там же.
[137] Девятая конференция РКП (б). Сентябрь 1920 года. Протоколы. С.139, 141.
[138] Там же. С.148-156.
[139] ГОПАНО. Ф.31. Оп.1. Д.96. Л.164.
[140] Там же. Л.166 об.
[141] Правда. 1920. 30 сентября.
[142] РГАСПИ. Ф.17. Оп.112. Д.93. Л.64.
[143] ГАОПОТО (Тула). Ф.1. Оп.1. Д.293. Л.2об.
[144] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия М., 1995. С.98.
[145] ГАОПОТО (Тула). Ф.1.Оп.1. Д.293. Л.14.
[146] Коллонтай А.М. Указ. соч. С.8.
[147] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С.100.
[148] Наумов В.П. Указ. соч. С.31.
[149] Девятая конференция РКП (б). Сентябрь 1920 года. Протоколы. С.110.
[150] ЦАОДМ. Ф.126. Оп.1. Д.9. Л.9.
[151] Там же. Ф.67. Оп.1. Д.32. Л.69.
[152] Там же. Ф.63. Оп.1. Д.7. Л.16.
[153] Там же. Ф.64. Оп.1. Д.49. Л.36.
[154] Там же. Ф.80. Оп.1. Д.20. Л.34 об.
[155] Там же. Л.5.
[156] Там же.
[157] Там же.
[158] Там же. Л.4а.
[159] Там же. Л.22.
[160] Десятый съезд РКП (б). Март 1921года: Стен. отчет. М.,1961. С.803.
[161] Исторический архив. 1960. № 2. С.161.
[162] Там же.
[163] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.1-а. Д.2. Л.103.
[164] Там же. Л.102.
[165] Тарусов В.Н. Борьба Московской партийной организации за идейно-политическое укрепление своих рядов (1918 г.-1920 г.) // Деятельность местных партийных организаций в условиях строительства социализма. М.,1972. С.48.
[166] Там же.
[167] Там же.
[168] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.2. Д.1. Л.15.
[169] Там же.

[170] Наумов В.П. Указ. соч. С.35.
[171] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С.102-103.
[172] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.2. Д.1. Л.15 об.
[173] ГАРФ. Ф. Р-5469. Оп. 17. Д.5. Л.6.
[174] Там же. Д.10. Л.7.
[175] Там же. Л.95.
[176] Шаповалова Л.Д. ВЦСПС и «дискуссия о профсоюзах» (1920-1921 гг.) // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы, факты, исследования. М., 1991. С.96.
[177] РГАСПИ. Ф.94. Оп.2. Д.20. Л.152.
[178] Десятый съезд РКП (б). Март 1921года: Стен. отчет. С.831.
[179] Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917-1920 гг.). М.,1991. С. 210.
[180] Горелов О.И. Цугцванг Михаила Томского. М., 2000. С.80.
[181] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С.105.
[182] РГАСПИ. Ф.95. Оп.1. Д.17. Л.186.
[183] Десятый съезд РКП (б). Март 1921года: Стен. отчет. С.831.
[184] Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов. Октябрь 1917-1937. М., 1976. С.99.
[185] ГАРФ. Ф. Р-5469. Оп.17. Д.6. Л.1.
[186] Там же. Л.2.
[187] Там же. Л.2-3.
[188] Там же.
[189] Там же.
[190] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Дисс. …докт. ист. наук. Тюмень, 2001. С. 248.
[191] Там же; ЦАОДМ. Ф.3. Оп.2. Д.1. Л.15 об.
[192] Кружинов В.М. Указ. соч. С.249.
[193] Там же. С.294.
[194] Микоян А.И. Указ. соч. С.58.
[195] Там же.
[196] РГАСПИ. Ф.94. Оп.2. Д.16. Л.262.
[197] Там же. Л.308.
[198] Там же.
[199] Там же. Л.151.
[200] Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917-1920 гг.). М.,1991. С. 211-212.
[201] РГАСПИ. Ф.94. Оп.2. Д.16. Л.151.
[202] Там же.
[203] Подсчитано по: Петроградская правда.1921. 4-15 января.
[204] Петроградская правда.1921. 6 января.

[205] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.2. Д.23. Л.12.
[206] Там же.
[207] Там же.
[208] Там же. Л.7.
[209] Там же. Л.13.
[210] Там же. Ф.63.Оп.1.Д.44.Л.4.
[211] Там же.
[212] Там же. Л.5.
[213] Там же.
[214] Там же. Д.4. Л.3.
[215] Там же. Д.74. Л.2.
[216] Людвинская Т.Ф. Из истории борьбы за единство партии в 1920-1921 гг. // Исторический архив.1960. № 2. С.166.
[217] Там же. С.163.
[218] Там же. С.164-165.
[219] Правда.1921.14-27 января.
[220] Известия.1921. 29 января
[221] Подсчитано по: Известия.1921. 29 января -13 февраля.
[222] Россия нэповская. М.,2002. С.18.
[223] Правда.1921. 25 января,15 февраля; Дискуссионный листок.1921. Б.М. №.1,2.
[224] Правда.1921. 25 января.
[225] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп.41. Д.21. Л.20.
[226] Бюллетень II Всероссийского съезда горнорабочих. 1921. Б.М. 25 января.
[227] Там же.
[228] Там же.
[229] Известия.1921. 29 января.
[230] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. С.366.
[231] РГАСПИ. Ф.94. Оп.2. Д.16. Л.308.
[232] ГАРФ. Ф. Р-5469. Оп.17. Д.10. Л.7.
[233] Там же. Л.95.
[234] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. С.74.
[235] ГАРФ. Ф. Р-5469. Оп.17. Д.10. Л. 56.
[236] Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917-1920 гг.). М.,1991. С. 13.
[237] Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством ноябрь 1917-1920 гг. М., 1982. С. 87.
[238] Он же. Советские управленцы 1917-1920 гг. М., 1998. С. 108.
[239] Примеров Е.В. Борьба партии за ленинское единство своих рядов 1921 –1924: на материалах крупнейших промышленных центров страны. Львов,1979. С.148.
[240] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.2. Д.1. Л.3.
[241] ГОПАНО. Ф.34. Оп.1. Д.237. Л.51.
[242] Там же. Ф.35. Оп.1. Д.169. Л.7.

[243] Микоян А.И. Указ. соч. С.60.
[244] ГОПАНО. Ф.31. Оп.1. Д.194. Л.39.
[245] Там же. Д.171. Л.10.
[246] Там же. Ф.35. Оп.1. Д.215. Л.5.
[247] Микоян А.И. Указ. соч. С.84.
[248] Демидов В.В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г. – декабрь 1929 г.): Дис. … докт. ист. наук. Новосибирск, 1997.С.183.
[249] Красноярский рабочий. 1921. 22 февраля.
[250] Знамя революции (Томск). 1921. 13 февраля.
[251] Советская Сибирь (Омск). 1921.17 февраля.
[252] ГАНО. Ф.159. Оп.2. Д.130. Л.72-73.
[253] Советская Сибирь. 1921. 19 февраля.
[254] Известия Сибирского бюро ЦК РКП (б). 1921. № 19.
[255] Знамя революции. 1921. 30 января.
[256] ГАОПОТО (Томск). Ф.1. Оп.1. Д.368. Л.12-13.
[257] Там же.
[258] Советская Сибирь. 1921. 3 февраля.
[259] Известия.1921. 4 марта.
[260] Правда.1921. 27 февраля.
[261] Известия Иваново-Вознесенского губкома РКП.1921. № 3-4. С.15.
[262] Кружинов В.М. Дискуссия о профсоюзах на Урале // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 1996. Вып.1. С.57.
[263] Правда.1921.12 февраля.
[264] РГАСПИ. Ф.17. Оп.13. Д.848. Л.10.
[265] ГАОПОТО (Тула). Ф.1. Оп.2. Д.7. Л.6 об.
[266] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. С.548.
[267] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). С.122.

Глава 2.
«Рабочая оппозиция» между X и XI съездами РКП (б)

2.1. «Рабочая оппозиция» на X съезде РКП (б)

X съезд РКП (б) (8-16 марта 1921 г.) проходил в обстановке тяжелейшего социально-экономического кризиса, обострения противоречий в правящей партии, восстания матросов Кронштадта, крестьянских и рабочих выступлений, угрожавших самому существованию советского политического режима. В то же время это был первый форум большевиков после разгрома последних крупных сил Белого движения – армии генерала П.Н. Врангеля в Крыму. Съезд объявил о замене продовольственной разверстки продналогом и стал этапным на пути перехода к новой экономической политике. Одновременно съезд принял ряд политических решений, направленных на ликвидацию внутрипартийной оппозиции.

Уже современники критически подходили к оценке политических решений X съезда РКП (б), считая их далеко недемократичными, хотя и оправданными объективными обстоятельствами. «Голосуя за резолюцию («О единстве партии». – Т.С.), – говорил, например К.Б. Радек, – я чувствовал, что она может обратиться и против нас, и, несмотря на это, я стою за резолюцию… В опасности Советская республика, в опасности Коммунистическая партия, и в этот момент нельзя считаться с тем, что ЦК имеет право поступить грубо с тем или иным товарищем» [1]. Как отступление от продекларированного съездом курса на расширение внутрипартийной демократии характеризовал «резолюцию Ленина о единстве партии» еще один участник съезда И.Я. Врачев[2].

Напротив, в работах историков советского периода решения X съезда по политическим вопросам, характеризовались как «важнейшая веха на пути построения социализма в нашей стране» [3] и «имеющие огромное значение для

дальнейшего идейного и организационного развития партии, для укрепления ее единства, очищения ее рядов от антипартийных элементов» [4].

В современной отечественной и зарубежной историографии наблюдается неоднозначность в оценке X съезда РКП (б). Большинство авторов считает это событие переломным в истории большевистской партии. Причем одни историки связывают этот перелом с тяжелыми политическими и экономическими условиями в стране (Б.Н. Земцов, Э. Карр, А.Ф. Киселев, В.М. Кружинов, О.Г. Назаров) [5], другие – с имманентной природой большевизма (С. Коэн, Ю.С. Новопашин, Г.Л. Олех, Р. Пайпс) [6].

Особое внимание современных исследователей привлекает резолюция X съезда РКП (б) «О единстве партии». А.Г. Авторханов, Г. Гилл, В.В. Демидов, В.М. Кружинов, О.Г. Назаров, В.З. Роговин солидарны с тем, что она имела далеко идущие последствия для будущего партии [7]. Вместе с тем, исследователи по-разному объясняют в чем эти последствия заключались. Так, если Г. Гилл полагает, что данная резолюция «послужила основной причиной преобразования (РКП (б). – Т.С.) в монолитную структуру» [8], то О.Г. Назаров считает, что резолюция привела к значительным перестановкам в высшем руководстве партии [9]. Напротив, в коллективной монографии «Власть и оппозиция» утверждается, что эта резолюция «не сыграла сколь-нибудь существенной роли в ликвидации фракционности и групповщины» и «не принесла заметных результатов в смысле укрепления власти партии в обществе» [10].

Некоторые исследователи, например, В.Г. Джанашия, полагают, что поражение «рабочей оппозиции» на X съезде РКП (б) было предопределено уже самим составом его делегатов» [11]. На первый взгляд, для такого заявления имеются веские основания. Согласно официальным сведениям, в работе съезда участвовали 717 делегатов с решающим и 418 с совещательным голосом [12]. Около 70 из них являлись «шляпниковцами» [13], представлявшими 25 партийных организаций, в том числе 20 губернских, три областных и две

военных [14]. В то же время часть из них вместе с группой других делегатов съезда была направлена на подавление восстания в Кронштадт, и не принимала участие в голосовании [15].

Кроме того, в связи с волнениями в Самарской и Саратовской губерниях, съезд принял постановление о немедленном откомандировании всех делегатов от этих организаций в распоряжение соответствующих губкомов, «за исключением 4 (по 2 на губернию)» [16]. Последнее обстоятельство имело для «рабочей оппозиции» особые последствия, так как в самарской делегации сторонников А.Г. Шляпникова было больше, чем в любой другой – 11 человек[17]. Следует также иметь в виду, что ряд сторонников «рабочей оппозиции» (А.М. Коллонтай, С.П. Медведев, И. Кутузов, Н. Кубяк, Н. Кузнецов и другие) присутствовали на съезде только с правом совещательного голоса и не принимали участие в голосовании. В результате «рабочая оппозиция» была значительно ослаблена, и из 70 ее сторонников участвовали в работе съезда около 40, т.е. чуть более половины. Однако даже 70 делегатских мандатов, которые первоначально имела группировка, составляли менее 7 % от их общей численности и мало могли повлиять на исход голосования. В этом отношении основные решения съезда были предопределены расстановкой сил, сложившейся еще во время предсъездовской дискуссии, в которой группа А.Г. Шляпникова потерпела поражение.

Правда, два представителя «рабочей оппозиции» были введены в состав президиума съезда – А.Г. Шляпников и И.Н. Перепечко. В то же время при формировании президиума была отклонена кандидатура члена группы «демократического централизма» Т.В. Сапронова, хотя тот как представитель оппозиционного течения входил в президиум VIII и IX съездов РКП (б) [18].

В работах советских историков попытка «децистов» выдвинуть одного из своих лидеров в состав съездовского президиума обычно трактовалась, как стремление оппозиции узаконить существование в рядах партии фракций и группировок [19]. Однако многие современники расценивали данную ситуацию

иначе. Так, Д.Б. Рязанов, имея в виду эпизод с Т.В. Сапроновым, утверждал, что «упорно борясь, иногда без всякого смысла с оппозициями», ЦК сам культивирует оппозиционные выступления [20]. Как «комбинацию» характеризовал состав президиума X съезда Н. Осинский: «Это своего рода запрос: «Что ты, «рабочая оппозиция», скажешь? Если ты выдержишь экзамен, то мы с тобою комбинацию продолжаем, если же нет, то союз разрывается, и мы будем тебя бить» [21].

В этой связи А.Г. Авторханов высказал предположение, что фракция В.И. Ленина допустила избрание А.Г. Шляпникова и И.Н. Перепечко в состав президиума съезда исходя из тактических соображений, в целях предупреждения совместного блока «шляпниковцев» и «децистов», а также учитывая влияние «рабочей оппозиции» в некоторых профсоюзах [22]. По его мнению, это стало очевидным после выступления И.Н. Перепечко, цитировавшего речь Н. Осинского на губернской партконференции в Туле, которая была направлена А.Г. Шляпникову из ЦК. В этой речи Н. Осинский якобы сказал: «И вот говорят о самодеятельности рабочих масс, когда интеллигенция с величайшей натугой тянет усталый, голодный рабочий класс. Она есть передовой авангард, который тянет всех, и в это время говорить о самодеятельности рабочих масс – это называется: на похоронах в дудочку играть» [23]. И хотя данное заявление было опровергнуто Н. Осинским («Ничего подобного! Это искаженная стенограмма!»), И.Н. Перепечко все же обвинил «децистов» в том, что они не имеют других задач, кроме желания выдвинуть Т.В. Сапронова и Н. Осинского в «авангард партии» [24].

«Обмен уколами» продолжался после того, как один из делегатов, «троцкист» Л.С. Сосновский, заявил, что «на электрической станции в Москве, где выступал т. Шляпников, была принята резолюция с требованием чистки партии от интеллигенции». В свою очередь И.Н. Перепечко, зачитав эту резолюцию, пытался доказать, что «никакого требования о чистке партии там нет» [25].

В результате, между основными оппонентами ленинцев – «рабочей оппозицией», «децистами» и отчасти «троцкистами» был «вбит клин» (выражение А.Г. Авторханова) и они действовали разрозненно. В то же время возможность создания блока между сторонниками А.Г. Шляпникова и Н. Осинского, на которую обратил внимание А.Г. Авторханов, действительно существовала. Известно, что, несмотря на противоречия между этими группировками, они сумели объединить свои силы на V Московской губернской конференции РКП (б) в ноябре 1920 года.

Вероятно, В.И. Ленин сделал из этого эпизода определенные выводы и готовился к партийному съезду, добившись даже перенесения срока его созыва на месяц с 6 февраля на 6 марта 1921 года. Заметим также, что кроме В.И. Ленина и его соратника Г.Е. Зиновьева, важная роль в подготовке ленинцев к «решающему сражению» принадлежала И.В. Сталину, к которому, по свидетельству Р.Б. Рафаила, поступала вся информация «с гражданского фронта» предсъездовской дискуссии [26].

Несмотря на предопределенность результатов X съезда РКП (б), он проходил в условиях острой борьбы. Уже в первый день съезда в докладе о политической работе ЦК В.И. Ленин назвал программу А.Г. Шляпникова воплощением «явно синдикалистского уклона», заявив, что: «это не мое личное мнение, а мнение громадного большинства присутствующих» [27]. Причем данное заявление прозвучало тогда, когда ни один делегат съезда еще не выступил с оценкой платформы «рабочей оппозиции». Во вступительной речи В.И. Ленин предупредил, «чтобы ни в коем случае» не осталось «ни малейших следов фракционности» и объяснил, почему вредны дискуссии и споры. Он утверждал, что враги большевиков думают так: «Если дискуссия – значит споры, если споры – значит раздоры, если раздоры – значит коммунисты ослабели: напирай, лови момент, пользуйся их ослаблением!» [28].

С критикой официальной линии ЦК на съезде выступил А.Г. Шляпников. Он констатировал, что «в партии нет органической связи между членами

партии и ее руководящими органами», что этот разрыв порождает внутрипартийную оппозицию. А.Г. Шляпников негативно оценил «усвоенные за время гражданской войны приемы работы», которые, как он полагал, «не только не позволяют нам осуществить программное требование о вовлечении в советское строительство широких групп пролетариата, но определенно отталкивают их от нас и нашей партии» [29]. Думается, это заявление достаточно убедительно показывает, что «рабочая оппозиция» не выступала за возврат к политике военного коммунизма, как иногда считают некоторые исследователи[30]. Сторонники А.Г. Шляпникова являлись противниками крайностей военно-коммунистических методов управления, проявившихся в злоупотреблении партийных «верхов» своим привилегированным положением, что, по мнению Е.Г. Гимпельсона, способствовало прогрессирующему разложению многих партийных организаций [31].

Отвечая на обвинения В.И. Ленина, А.Г. Шляпников говорил: «За время партийной предсъездовской дискуссии мы наслышались всего. И те ярлыки, экивоки, инсинуации, которые раздаются здесь по нашему адресу, нас не смущают. Мы знаем себя и хорошо знаем, с кем имеем дело,… клеймить нас бездоказательно синдикалистами, анархистами – недостойно! Связать же нас с теми или иными восстаниями или недовольством, которое сейчас журчит в рабочих кварталах, не только бессмысленно, но недобросовестно и демагогично» [32]. Полемизируя с В.И. Лениным, А.Г. Шляпников подчеркнул, что «если вы, Владимир Ильич, будете в вашем анализе явно смешивать и «рабочую оппозицию», и чистейший синдикализм, и анархизм и все это будете связывать с нами, то на этой почве… оттолкнете стоящих за нами на фабриках и заводах» [33]. Из этих рассуждений следовало, что именно «рабочая оппозиция», по мнению ее лидера, являлась подлинным выразителем интересов рабочего класса и обвинения ее в анархо-синдикализме надуманны и продиктованы исключительно политическими соображениями.

А.Г. Шляпников не согласился с ленинской оценкой событий в Кронштадте: «Не так, товарищи, обстоит дело, как рисует его т. Ленин... По мнению докладчика выходит, что мелкобуржуазная стихия оказывается в красе и гордости революции, в Кронштадте», что под влияние этой стихии попали рабочие Петрограда, «которые еще недавно служили рекламой как раз для т. Зиновьева и других, заявлявших, что питерский пролетариат свободен от «рабочей оппозиции» [34]. По мнению А.Г. Шляпникова, действительные причины недовольства, которое наблюдалось в начале 1921 г. в среде рабочих, «ведут к Кремлю».

Особую обеспокоенность вызывал у лидера «рабочей оппозиции» процесс «перерождения» партии. «Нет, кажется, ни одного городка, ни одной губернии, где не было бы массового выхода из партии рабочего элемента». В ответ на приведенные Н.Н. Крестинским сведения об увеличении численности членов партии, А.Г. Шляпников заметил, что «этот рост был ростом количества в ущерб качеству». С целью выхода из сложившейся ситуации А.Г. Шляпников предлагает «оздоровить ряды революционного авангарда», а также изменить методы партийной работы в сторону «привлечения «низов» и использования опыта мест», с одной стороны, и отказа от «назначенчества» и так называемых уполномоченных – с другой. В заключение своего выступления руководитель «рабочей оппозиции», предвидя результаты съезда, сказал: «Здесь вы, может быть, нас и подавите и разобьете, но от этого вы только проиграете» [35].

К оценке деятельности ЦК, данной А.Г. Шляпниковым, присоединился лидер самарской группы «рабочей оппозиции» Ю.К. Милонов. Он также отметил, что со стороны ЦК «наблюдается предпочтение методов авторитарного руководства». Причиной этой тенденции, по его мнению, «является не вина отдельных лиц, а объективная беда, которая поражает нашу партию» [36]. Возникновение внутрипартийных группировок Ю.К. Милонов объяснил процессами социальной дифференциации среди коммунистов [37].

В контексте этих построений он утверждал, что «до сих пор в партии боролись три фракции: группировка ЦК, которая представляет интересы партийного чиновничества, группа «демократического централизма», выражающая точку зрения «той части партии, которая объединяет работу на местах» и «рабочая оппозиция». Только последняя, по мнению Ю.К. Милонова, «социально близка к рабочим» и пользуется их доверием. Отсюда следовал и основной вывод Ю.К. Милонова: причины кризиса в отношениях между РКП (б) и пролетариатом заключались в том, что партия перестает быть рабочей. От группы А.Г. Шляпникова на съезде также выступали И.Н. Перепечко и А.М. Коллонтай, детализировавшие те или иные положения, высказанные их соратниками.

Заключительное слово В.И. Ленина практически полностью состояло из жесткой критики и обвинений в адрес сторонников А.Г. Шляпникова. Он еще раз связал идеологию «рабочей оппозиции» с требованиями восставшего Кронштадта: «Я утверждаю, что между идеями и лозунгами этой мелкобуржуазной, анархической контрреволюции и лозунгами «рабочей оппозиции» есть связь». Рассуждения А. М. Коллонтай о свободе слова и свободе критики, высказанные в ее брошюре «Рабочая оппозиция», В.И. Ленин оценил как «не имеющие особого смысла». Угрожая исключением из партии, он выразил намерение «дискутировать винтовками», если группа А.Г. Шляпникова не прекратит «играть в оппозицию» [38].

Некоторые исследователи связывают подобную резкость В.И. Ленина с существенной угрозой ослабления власти ЦК и упрочнением положения «рабочей оппозиции» [39]. Думается, однако, что такие утверждения ведут к преувеличению реальной роли сторонников А.Г. Шляпникова, их влияния на партию и общество. Хотя нельзя не вспомнить, что вслед за В.И. Лениным обвинения и угрозы в адрес «рабочей оппозиции» выдвигал и Н.И. Бухарин. Комментируя тезис «шляпниковцев» о «перерождении» партии он говорил: «Партия вела нерабочую политику, и в результате этого – отрыв массы. К чему

же годна такая партия?! Отсюда, по-моему, прямо должно вытекать положение, что эту партию нужно гнать и организовать такую, которая бы не имела этих недостатков» [40].

После заключительного слова В.И. Ленина Е.М. Ярославский внес проект резолюции, которая характеризовала внутреннюю и внешнюю политику ЦК как «в общем и целом правильную». Другую оценку деятельности ЦК предложил С.П. Медведев. Он отмечал, что ЦК «не проводил в жизнь решений VIII съезда РКП (б) о чистке партии,... принципов рабочей демократии и широкой гласности суждений по всем вопросам партийного и коммунистического строительства, ...не осуществлялось орабочивания советских руководящих органов и их ответственности перед низами партии». По мнению С.П. Медведева, «действительное единство партии» можно было обеспечить только путем «осуществления на деле органической связи партии через Советы и профсоюзы с широкими пролетарскими и полупролетарскими массами» [41]. Свой проект резолюции выдвинула также группа «демократического централизма».

Голосование по политическому отчету ЦК стало своего рода первой пробой сил, в которой победу одержали сторонники В.И. Ленина. Они получили 514 (84,8 %) голосов, в то время как «рабочую оппозицию» поддержали лишь 45 (7,4 %) делегатов, а «децистов» – 47 (7,8 %) человек [42].

Новый виток противостояния внутрипартийных группировок был связан с обсуждением доклада о партийном строительстве. В своем выступлении Н.И. Бухарин охарактеризовал «рабочую оппозицию» не как пролетарскую, но как крестьянскую группировку, программа которой будто бы отражает настроения рабочих, подвергшихся «процессу окрестьянивания» [43]. Он высказался против использовавшегося в документах «рабочей оппозиции» термина «производитель», объединявшего рабочих и служащих в одну социальную группу, объявив его «прудоновско-анархистским» и никогда не использовавшимся в марксистской литературе.

Полемизируя с Н.И. Бухариным, сторонники А.Г. Шляпникова указывали, что бюрократическим тенденциям в партии и государстве следует противопоставить «самоорганизацию», отказ от «назначенчества» и слияния функций партийных и советских органов. Одновременно были внесены новые моменты в тезис А.Г. Шляпникова о четком разграничении прав и обязанностей партии, Советов и профсоюзов, высказанный осенью 1919 года. Подчеркивалась необходимость расширения прав партийной ячейки в жизни предприятий посредством ее участия в выработке и проведении производственного плана и выдвижении кандидатов на выборные должности.

Большинство делегатов съезда высказалось против этих предложений. Примечательно в этой связи мнение Г.И. Машатова, который считался сторонником «рабочей оппозиции», но затем отошел от нее. Он, в частности, предложил не предоставлять партийным ячейкам административных полномочий, поскольку «это-то нас и губит, когда мы суемся туда, где мы мало понимаем»[44]. Против отказа от «назначенчества» выступил И.Т. Смилга, считавший такую меру преждевременной. Свою точку зрения он мотивировал объективными обстоятельствами и тем, что «вопрос идет о существовании всей Советской России». Вместе с тем И.Т. Смилга косвенно солидаризировался с «рабочей оппозицией» в вопросе о причинах внутрипартийного кризиса, заявив, что объяснять его только военными условиями едва ли целесообразно[45].

Резолюция о партийном строительстве, предложенная по докладу Н.И. Бухарина учитывала некоторые критические замечания делегатов съезда, в том числе и сторонников «рабочей оппозиции». В ней, в частности, подтверждалось постановление IX Всероссийской партийной конференции о расширении внутрипартийной демократии, привлечении к обсуждению важнейших вопросов жизни партии и государства всех членов РКП (б), свободе критики. Резолюция признавала необходимость борьбы с использованием служебного положения в корыстных целях, расслоением партии на «верхи» и «низы», высказывалась за ликвидацию «назначенчества» как системы, требовала

введения широкой выборности и подотчетности «всех учреждений снизу доверху», «очищение партии от некоммунистических элементов» и т.д. [46].

Н.И. Бухарин не скрывал, что отдельные положения резолюции были заимствованы из предложений «рабочей оппозиции», и лично он не считает «стыдным» признавать ее «правой в том, в чем она права» [47]. В известной мере это признание находилось в противоречии с той оценкой, которую давал группе А.Г. Шляпникова В.И. Ленин, да и сам Н.И. Бухарин. Возможные причины такой метаморфозы попытался объяснить близкий к «рабочей оппозиции» Е.Н. Игнатов. По его словам, В.И. Ленин (а также Н.И. Бухарин) был обеспокоен нарастанием в партии недовольства и исходил из того, что «если бы на сентябрьской партийной конференции мы не сделали этого поворота, то в ноябре, может быть, нас и не было бы» [48]. Однако из заявления Е.Н. Игнатова следует и другой вывод: внутрипартийная демократия могла декларироваться на словах, но на практике не осуществляться. Такой вариант развития событий не отрицала и резолюция по докладу Н.И. Бухарина, в которой методы партийной работы ставились в зависимость от объективных условий. Именно с этим тезисом резолюции в первую очередь не соглашались сторонники А.Г. Шляпникова. «Во все времена, а не только в момент передышки, необходима система широкого развертывания демократии, доверие к массам и обеспечение свободы мнений для товарищей не только на бумаге, но и фактически», – говорила А.М. Коллонтай [49]. В результате, «рабочая оппозиция» вынесла свой проект резолюции по вопросам партийного строительства, за который проголосовали 23 (5,7 %) делегата, тогда как за проект ЦК – 369 (92 %) и за «децистов» – 9 (2,2 %) человек [50].

Таким образом, численность делегатов, проголосовавших за «рабочую оппозицию», сократилась с 7,4 % при обсуждении политического отчета ЦК до 5,7 %, что определенно указывает на дальнейшее ослабление ее позиций.

X съезд РКП (б) подвел итоги дискуссии о профсоюзах. С докладами по вопросу о роли и задачах профсоюзов выступили Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий и

А.Г. Шляпников. Группа «демократического централизма» отказалась от содоклада, считая что «дискуссия есть попытка отвлечь партию от основного вопроса, именно от кризиса партии»[51] и разрешила своим сторонникам «голосовать за любую из тех точек зрения, которые излагались».

Как и в предсъездовский период, основная критика программы «рабочей оппозиции» связывалась с угрозой потери партией своей власти. Г.Е. Зиновьев, выступивший против положения о передаче управления производством Всероссийскому съезду производителей, аргументировал свою позицию тем, что в нынешний момент большинство в этом органе «будет беспартийных, добрая часть меньшевиков и черносотенцев» [52]. Об этом же говорил и Л.Д. Троцкий: «Если брать с формальной стороны, то ведь эта наиболее отчетливая линия рабочей демократии. Но мы выступаем против этого. Почему? Да по причинам удержания диктатуры партии»[53].

Разумеется «рабочая оппозиция» не ставила вопрос об отказе от большевистской гегемонии в Советской России и не предполагала передачу управления экономикой беспартийной массе, о чем говорили и ленинцы, и «троцкисты», а вслед за ними и некоторые современные исследователи, например, Н. Верт [54]. Об этом со всей очевидностью свидетельствует заявление А.Г. Шляпникова на X съезде РКП (б): «Мы расходимся с обеими платформами отнюдь не в плоскости нашего отношения к партии и не в плоскости партийности или беспартийности союзов. Эти вопросы мы считаем для нас уже разрешенными»[55].

Одна из главных причин, скрывавшаяся за всей этой полемикой, видится нам в том, что «рабочая оппозиция», ставя вопрос о передаче управления производством профсоюзами, могла вытеснить из этой сферы хозяйственные органы, которые, по замечанию Л.Д. Троцкого «сосредоточили опыт 3-летнего нашего строительства» [56]. Таким образом, речь шла не об утрате партийной власти, над экономикой в пользу «беспартийных и черносотенцев», а о возможной перегруппировке сил внутри самой партии: ослабление позиций

большевистских хозяйственников, выдвинутых ЦК РКП (б), и усиление влияния большевиков-профессионалистов, сохранявших известную самостоятельность.

Окончательные результаты обсуждения вопроса о профсоюзах на X съезде РКП (б) свидетельствуют о внушительной победе ленинской линии. «Платформу 10» поддержали 336 (82,7 %) делегатов, Л.Д. Троцкого – 50 (12,3 %), «рабочую оппозицию» – 18 (4,4 %) человек [57]. Причем некоторые делегаты, активно защищавшие взгляды «рабочей оппозиции» в предсъездовской дискуссии, теперь присоединились к ленинской линии (Г.И. Машатов, И.Г. Юшков) или воздерживались при голосовании (А.Д. Сиротин, Г.П. Заржевский и др.).

Основная критика в адрес принятой резолюции заключалась в том, что она осталась незавершенной и сохранила прежнее состояние профобъединений. Она отвергла требование «рабочей оппозиции» передать управление промышленностью профсоюзам. Отличительной чертой работы профсоюзов резолюция считала метод убеждения, который терял бы свой смысл в случае слияния союзов с государственными структурами. Однако, как замечают некоторые исследователи, такая констатация ничего не дала для решения основного вопроса: какие реальные функции возложить на профсоюзы, не превращая их в органы государства [58].

По предложению В.И. Ленина X съезд РКП (б) избрал в состав ЦК, расширенного до 25 членов, двух представителей «рабочей оппозиции» – А.Г. Шляпникова и И.И. Кутузова и кандидатами в члены ЦК – С.П. Медведева и А.С. Киселева. Когда же они, осознавая неизбежность проведения в жизнь принятых съездом решений, отказались от членства в ЦК, съезд в специальной резолюции «О членах распущенной группы «рабочей оппозиции» обязал всех членов этой группировки «оставаться на порученных местах и подчиниться партийной дисциплине» [59]. Таким образом, парализовывались возможные

протесты со стороны группы А.Г. Шляпникова не только в ЦК, Москве, но и на местах.

На X съезде РКП (б) были приняты две резолюции, направленные, по мнению их авторов, на укрепление партийного единства. В первой из них, которая называлась «О единстве партии», выражалось требование о немедленном роспуске всех внутрипартийных групп и «полного уничтожения всякой фракционности». Неисполнение этого постановления влекло за собой безусловное и немедленное исключение из партии. Вместе с тем предлагалось «бороться за расширение демократии», но не на почве отдельных платформ, а с участием всех членов партии.

В заключении съезд принял секретное дополнение к резолюции «О единстве партии», известное как «пункт 7». Он был сформулирован следующим образом: «Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает ЦК полномочия применять в случае (-ях) нарушения дисциплины или возрождения, или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии. Условием применения (к членам ЦК, кандидатам в ЦК и членам Контрольной комиссии) такой крайней меры должен быть созыв пленума ЦК с приглашением всех кандидатов ЦК и всех членов Контрольной комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществляема немедленно» [60].

Резолюция «О единстве партии» свидетельствовала о дальнейшем росте могущества партийного аппарата и имела решающее значение для будущего партии, в том числе и для «рабочей оппозиции». Если в период дискуссии о профсоюзах эта группа рассматривалась как одно из течений внутри большевизма, хотя и глубоко ошибочное, то после съезда А.Г. Шляпникова и

его сторонников можно было объявить фракционерами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вторая резолюция «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» была направлена исключительно против «рабочей оппозиции». Пропаганда идей данной группы «признавалась несовместимой с принадлежностью к Российской Коммунистической партии» [61]. Встает вопрос о том, чем вызвана необходимость принятия второй резолюции, если в первой уже говорится о роспуске всех имеющихся групп. На наш взгляд, резолюция «О единстве партии» имела более широкий смысл и содержала, в первую очередь, запрет на организацию и функционирование внутрипартийных группировок. Резолюция «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» осуждала сами идеи и принципы, на которых строилась программа «рабочей оппозиции». Однако на съезде присутствовали представители и других внутрипартийных групп, в частности сторонники Л.Д. Троцкого и «децисты», против которых не было принято специальных постановлений.

Данное обстоятельство, по нашему мнению, во многом обусловлено борьбой, происходившей на самом съезде. Известно, что группа «демократического централизма» сняла свою профсоюзную платформу с обсуждения и фактически самораспустилась. Л.Д. Троцкий и его единомышленники по ряду принципиальных вопросов солидаризировались с ленинцами. Так, при поименном голосовании они поддержали предложенные В.И. Лениным резолюции «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», не выставляли своего проекта резолюции по политическому отчету ЦК РКП (б), а в вопросе о профсоюзах пошли на значительные уступки В.И. Ленину. По воспоминаниям современников, фракция Л.Д. Троцкого на съезде вообще не оформлялась, и на протяжении всей его работы никаких указаний насчет голосования «троцкисты» не получали, собираясь отдельно лишь для обсуждения кандидатур в состав ЦК [62]. Исходя из этих фактов, отдельные зарубежные

исследователи даже высказали предположение, что призыв Л.Д. Троцкого форсировать дискуссию о профсоюзах представлял собой не просто политический маневр, а такой шаг, который инициировался В.И. Лениным, о чем его главный конкурент в ЦК РКП (б) мог и не подозревать [63].

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать следующие основные выводы:

1. X съезд РКП (б) подвел черту под предыдущим этапом внутрипартийной борьбы и стал ее логическим завершением. Решающее значение в поражении сторонников А.Г. Шляпникова на съезде сыграла неудачная для них предсъездовская дискуссия, из которой лидеры «рабочей оппозиции» не сумели сделать обоснованные выводы, продолжая отстаивать лишенную прагматизма платформу.

2. Как и предупреждала «рабочая оппозиция», политические решения съезда носили противоречивый характер. Провозглашение курса на демократизацию внутрипартийной жизни не соответствовало духу и букве резолюций по вопросам партийного единства, которые объективно вели к укреплению и дальнейшему росту «бюрократического централизма» в партии.

3. После принятия резолюций, осуждавших деятельность и идеологические принципы «рабочей оппозиции», ее дальнейшая борьба за свои взгляды могла проходить только вне большевистской партии.

2.2. Выступления сторонников «рабочей оппозиции» после X съезда РКП (б)

Политические решения X съезда РКП (б) придали новую тональность вопросу о единстве партии. Если накануне профсоюзной дискуссии наиболее острым аспектом внутрипартийных отношений считалась проблема «верхов» и «низов», то теперь на первый план был выдвинут тезис об угрозе фракционности. Такое смещение акцентов устраивало не только партийную элиту, которая, сохранив себя в качестве привилегированной касты, добивалась расширения возможностей дисциплинарного воздействия на рядовых коммунистов, но и основную массу простых членов РКП (б).

Курс на борьбу с фракционностью сопровождался важными перестановками в высших органах партии, где все ключевые посты оказались под контролем ленинской группы. «Троцкисты» Н.Н. Крестинский, Е.А. Преображенский и Л.П. Серебряков, не сумевшие повести борьбу с оппозицией, не были избраны в ЦК РКП (б) и отстранялись от руководства его Секретариатом. Кроме того, из ЦК были выведены А.А. Андреев и И.Н. Смирнов, поддержавшие в дискуссии о профсоюзах Л.Д. Троцкого. Зато в него впервые вошли К.Е. Ворошилов, В.М. Михайлов, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, И.Я. Тунтул, М.В. Фрунзе и Е.М. Ярославский, ориентировавшиеся на ленинское большинство. «Новая властная конфигурация, выстроенная на вершине партийной пирамиды, – как отмечают современные исследователи, – свидетельствовала о концентрации главных рычагов власти в руках ленинской группировки, которая, опираясь на резолюцию «О единстве партии», могла блокировать любые оппозиционные выступления и объективно перерастала в режим фракционной диктатуры» [64].

Хотя утверждение этого режима сопровождалось многочисленными перемещениями на всех уровнях власти, советские исследователи, как правило, обходили данный сюжет молчанием. Более того, некоторые из них утверждали,

что после Х съезда партия не проводила репрессий против сторонников «рабочей оппозиции», а их лидер А.Г. Шляпников был даже избран в состав ЦК РКП (б) [65]. Между тем, непредвзятый анализ исторической фактологии легко убеждает, что с принятием резолюции «О единстве партии» отстранение сторонников «рабочей оппозиции» от руководящей работы в партийных и профсоюзных органах приобретает массовый характер. Одна из первых таких акций была предпринята ленинским большинством ЦК РКП (б) уже на IV Всероссийском съезде профессиональных союзов (17-25 мая 1921 г.), к которому сторонники В.И. Ленина, опасаясь «неожиданностей», тщательно подготовились. Помимо обычных предсъездовских «манипуляций», ЦК РКП (б) создал специальную комиссию в составе Г.Е. Зиновьева, В.М. Михайлова, В.М. Молотова, И.В. Сталина, М.П. Томского, которая приняла подготовленный Г.Е. Зиновьевым проект резолюции по отчету ВЦСПС и от имени ЦК РКП (б) постановила провести его через большевистскую фракцию съезда. В проекте выдвигались требования, суть которых сводилась к окончательной ликвидации остатков самостоятельности профобъединений. В ответ на это, выступивший на заседании фракции Д.Б. Рязанов, обрушился с резкой критикой в адрес ЦК партии, отстаивая тезис о «независимости» профсоюзов [66]. Особое значение он придавал выборам руководителей профдвижения «самими организованными партийными массами» и прекращению «практики мелочной опеки, чрезмерного вмешательства партии в текущую работу ВЦСПС» [67]. Одновременно Д.Б. Рязанов внес предложение «о всеобщем переходе к натурализации заработной платы», остро волновавший делегатов съезда [68].

Предложения Д.Б. Рязанова были поддержаны сторонниками «рабочей оппозиции». В результате за его резолюцию проголосовали 1500 членов большевистской фракции при 30 против [69]. Вызванный на заседание И.В. Сталин попытался выправить положение. Однако, по воспоминаниям А.М. Дурмашкина, «выступление Сталина не содержало достаточной аргументации,

и было сделано в резких, раздражительных тонах, изобиловало грубыми личными выпадами в адрес Томского, Рязанова, да и самой фракции. Это вызвало в зале протесты, выкрики, нервозность» [70].

Положение, сложившееся на съезде профсоюзов, обсуждалось 18 мая 1921 г. на пленуме ЦК РКП (б) с участием членов ЦКК. Пленум отклонил принятую фракцией резолюцию и постановил вывести М.П. Томского из комиссии по руководству съездом, а также отстранить Д.Б. Рязанова от работы в профдвижении. А.Г. Шляпникову и И.И. Кутузову было вынесено порицание за то, что, «участвуя в заседании фракции съезда, они не приняли мер к отстаиванию партийных решений» [71]. Одновременно пленум освободил М.П. Томского от работы в ВЦСПС и назначил комиссию в составе Ф.Э. Дзержинского, А.С. Киселева, И.В. Сталина и М.В. Фрунзе, которой поручилось «рассмотреть факты» и определить меру его дисциплинарной ответственности [72], с просчетами которого и связывался инцидент.

По свидетельству А.М. Дурмашкина, В.И. Ленин рассматривал голосование большинства членов фракции за резолюцию Д.Б. Рязанова как противопоставление фракции Центральному Комитету, а профсоюзов – партии. В.И. Ленин также полагал, что коммунисты фракции попали в такое положение в результате неосведомленности о решении ЦК, и это могло произойти только потому, что имел место «чудовищный факт сокрытия резолюции ЦК» [73]. «Даже если нет фактов, – восклицал В.И. Ленин, – позволяющих думать о сознательном содействии со стороны М.П. Томского проведению ...резолюции Д.Б. Рязанова, налицо вопиющая безответственность, неслыханное нарушение партийной дисциплины» [74].

В итоге подавляющим большинством голосов фракция отклонила резолюцию Д.Б. Рязанова и приняла постановление комиссии ЦК [75]. В то же время реакция делегатов съезда на речь В.И. Ленина была не однозначной. По воспоминаниям Г.Е. Зиновьева, «фракция работала так, что заставила ЦК нашей партии сильно призадуматься над положением вещей в

профессиональном движении. Я как сейчас вижу т. Ленина, вернувшегося с этой фракции, который сказал мне буквально следующее: «Я первый раз испытываю чувство, что я говорил не перед партийными товарищами, а перед беспартийными» [76].

Создавшееся положение характеризовали делегаты съезда в своих письмах В.И. Ленину. Так, один из коммунистов отмечал: «На меня и, вероятно, на большинство коммунистов-середняков вся история эта производит гнетущее впечатление...»[77]. Медведков, делегат из Тамбова, возмущался тем, что, съехавшись для решения важных вопросов, участники съезда несколько дней «занимаются только грызней»[78]. В ряде записок В.И. Ленину указывалось, что X съезд РКП (б) не устранил разногласий зимы 1920-1921 гг., которые вновь обострились на съезде профсоюзов: «В низах и верхах вода кипит и бурлит, хотя закрыта как будто крышкой»[79]. Практически все делегаты выразили возмущение поведением И.В. Сталина на заседании фракции.

Примечательно, что сторонники «рабочей оппозиции» рассматривали конфликт на IV Всероссийском съезде профессиональных союзов как провокацию. Так, С.П. Медведев сделал заявление, в котором говорилось: «По моему внутреннему убеждению, не без ведома членов Политбюро ЦК, а Рязанов по уговору с Томским, вели провокационную травлю против части профработников и членов партии, разделявших во время предсъездовской дискуссии платформу рабочей оппозиции» [80]. А.Г. Шляпников также был убежден, что его сторонников «провоцировали на выступление, на группировку» [81].

События, связанные с проведением IV Всероссийского съезда профессиональных союзов, недостаточно освещены в современной историографии. Немногочисленные оценки сводятся к тому, что конфликт на этом съезде показал нежизнеспособность резолюции X съезда РКП (б) о профсоюзах [82] и ускорил выработку «нового курса» в профдвижении [83]. Действительно, часть профессионалистов, в основном профсоюзно-

коммунистическая верхушка, не одобрила принятую IV Всероссийским съездом профессиональных союзов резолюцию о профсоюзах. Вместе с тем, проанализировав письма делегатов указанного съезда профсоюзов, мы пришли к выводу, что партийные «низы» были недовольны в большей степени самим фактом разногласий, хотя и понимали, что вопрос о профсоюзах «жизненно остался неразрешенным»[84]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, говорит о том, что основная масса партийцев так и не осознала причин конфликта между представителями ЦК и руководителями комфракций профсоюзов. Этим же объясняется столь быстрая перемена мнения подавляющего большинства делегатов после выступления В.И. Ленина.

Отношения между «рабочей оппозицией» и представителями ЦК еще более обострились на IV Всероссийском съезде профсоюза металлистов (26-30 мая 1921 г.), ставшим одним из ярких примеров вытеснения сторонников «рабочей оппозиции» из профсоюзных органов. При обсуждении кандидатов в состав ЦК ВСРМ, было выдвинуто два списка: от Петроградской делегации, поддерживавшей ЦК РКП (б), и от Московской, Нижегородской, Уральской и других делегаций, в которых преобладали сторонники «рабочей оппозиции». В результате 150 голосами (77,3 %) против 42 (21,6 %) и двух воздержавшихся был принят второй список [85]. Однако ЦК РКП (б) вмешался в ход голосования и принял постановление, в котором предлагалось «взять за основу список, выдвигаемый Питерской делегацией…» [86]. Свое решение ЦК РКП (б) объяснил тем, что «такое учреждение, как ЦК металлистов не может быть составлено однородно в смысле оттенков соответствующих прежним фракциями ни с формально партийной, ни с общеполитической точки зрения» [87]. Для оформления состава ЦК ВСРМ была организована комиссия, трое из четырех членов которой (Н.А. Угланов, В.Я. Чубарь, В.В. Шмидт) поддерживали точку зрения ЦК РКП (б), взгляды «рабочей оппозиции» разделял в ней только А.Г. Шляпников. Последний, сомневаясь в продуктивности деятельности данной комиссии, хотел отказаться участвовать в ее работе. Однако Политбюро ЦК

РКП (б) приняло постановление: «Заявление... Шляпникова о сложении им с себя звания члена комиссии ЦК по проведению съезда металлистов и о не вхождении в список ЦК металлистов отклонить» [88]. Комиссия так и не решила поставленной перед ней задачи, и вопрос о составе ЦК ВСРМ был передан в ЦК РКП (б).

30 мая 1921 г. на фракции IV Всероссийского съезда профсоюза металлистов было принято постановление, в котором предлагалось принять «без обсуждения» список членов ЦК ВСРМ, предложенный ЦК РКП (б)[89]. Сторонники «рабочей оппозиции» посчитали данное заявление нарушением резолюций X съезда партии и высказали намерение апеллировать к XI съезду РКП (б). Тем не менее в новом составе ЦК союза металлистов из 24 человек 14 являлись ортодоксальными, стоящими на точке зрения ЦК и 10 – разделяющими взгляды «рабочей оппозиции» во время предсъездовской дискуссии [90]. Более того, 31 мая 1921 г. на пленуме ЦК ВСРМ В.М. Молотов зачитал «прямую директиву ЦК РКП (б)», касающуюся структуры и личного состава Президиума ЦК ВСРМ [91]. В ней предлагалось «утвердить Президиум ЦК металлистов в следующем составе: Федоров, Янсон, Гуревич, Сергеев, Буханов, Владимиров, Васильев. Кандидаты: Тарыгин, Лепсе и Розенталь» [92]. Вместо председателя ЦК профсоюза металлистов было решено образовать «секретариат в количестве 3-х членов» [93]. Подобная директива вызвала недовольство С.П. Медведева, А.Ф. Митина, М.П. Владимирова и других членов «рабочей оппозиции». В знак протеста А.Г. Шляпников отказался от участия в работе Секретариата ЦК ВСРМ.

Таким образом, вмешательством вышестоящих партийных органов в формирование руководящего состава ВСРМ ленинцы достигли значительного сужения влияния сторонников А.Г. Шляпникова в управлении одним из крупнейших профсоюзов республики.

Одним из методов, применявшихся при вытеснении «рабочей оппозиции» с руководящих должностей был вывод из состава партийных организаций лиц,

принимавших активное участие в групповой борьбе, и назначение новых работников. На практике сторонники А.Г. Шляпникова переводились в другие партийные организации либо направлялись на иные участки профсоюзной работы. В некоторых случаях члены «рабочей оппозиции» исключались из партии.

В Нижегородской губернии перестановки коснулись, прежде всего, губернского совета профсоюзов и местной фракции союза металлистов. Так, в апреле 1921 г. был смещен председатель союза металлистов Выксунского района Соловьев, разделявший взгляды «рабочей оппозиции» [94]. Данное решение вызвало протест местной фракции союза металлистов, потребовавшей расследовать данный инцидент с участием ЦК. В это же время разгорелся конфликт между представителями Нижегородского губкома РКП (б), поддерживающими позицию ЦК, и руководящими работниками губернского совета профсоюзов, большинство которых принадлежало к «рабочей оппозиции». Основные столкновения при выборах состава президиума губпрофсовета произошли на IV губернском съезде профсоюзов (май 1921 г.). Несмотря на то, что большинством голосов был принят список, предложенный сторонниками «рабочей оппозиции», губком РКП (б) отклонил это решение и выдвинул свой список кандидатов. В ответ на это группа делегатов съезда внесла резолюцию: «Ввиду необоснованности решения губкома и его полного игнорирования законного желания фракции съезда предлагаем фракции поддерживать свое прежнее решение... и просить ЦК РКП (б) выслать немедленно комиссию для разбора вопроса взаимоотношений губкома и губпрофсовета» [95].

Подобные конфликты происходили и в других местных партийных организациях, где сторонники «рабочей оппозиции» имели влияние в руководящих профсоюзных органах. Так, в Пермской партийной организации в апреле 1921 г. произошел конфликт между членами губкома РКП (б) и местным губпрофсоветом. Сторонники «рабочей оппозиции» образовали инициативное

бюро и приняли решение созвать чрезвычайную губконференцию РКП (б). После рассмотрения этого конфликта из Пермской партийной организации отозвали сторонника Г.И. Мясникова – П.Л. Борчанинова, а для усиления позиции ленинцев в Пермскую организацию были направлены И.Я. Тунтул, Г.Я. Беленький и другие авторитетные лица. Одновременно Уралбюро ЦК РКП (б) постановил: «Инициативное бюро распустить, вопрос о созыве чрезвычайной губконференции РКП предложить решить члену Уралбюро т. Тунтулу с Пермским губкомом на месте» [96]. По словам А.Г. Шляпникова, в результате подобных перестановок «уже через два месяца никого из тех, кто голосовал с нами (на X съезде РКП (б). – Т.С.) не осталось на своем месте» [97].

Сторонники А.Г. Шляпникова пытались разрешить подобные конфликты обращаясь в ЦК. Так, уже в апреле 1921 г. члены «рабочей оппозиции» подали заявление в Центральный комитет РКП (б) «о имевшихся на местах гонениях на них» [98]. По свидетельству А.И. Микояна, только в Нижний Новгород «менее чем за год по решениям ЦК и ЦКК пять раз приезжали из Москвы товарищи для разбора конфликтов» [99]. Однако, направленные для расследования обстоятельств представители ЦКК, как правило, фактов «несправедливого преследования» не подтверждали. Власть, организованная по такой схеме, оказывалась в противоречии с лозунгами внутрипартийной демократии, что особенно проявилось в сохранении и даже усилении приказных методов работы парторганов и, как следствие, дальнейшей бюрократизации партийного и профсоюзного аппаратов. В резолюции общего собрания членов РКП (б) Берегового райкома Нижегородской партийной организации (24 марта 1921 г.) констатировалось, что проблема бюрократизации госаппарата не решена и приводились многочисленные примеры злоупотреблений чиновников на местах[100]. На IV Всесибирской конференции РКП (б), проходившей в Новониколаевске 16 марта 1921 г. Рютиным – одним из сторонников «рабочей оппозиции» была внесена резолюция. В ней говорилось, что «курс, взятый X съездом на сплочение и укрепление единства партии в жизни практически

почти не проводится. Наоборот, в действительности Сиббюро допустило случаи противопоставления отдельных лиц, занимавшихся дискредитированием партийных организаций, целым организациям... и тем на деле поддерживало упадочные тенденции в партии» [101]. Резолюция Рютина получила поддержку 51 (28 %) делегата конференции [102].

Недовольство бюрократизмом, нарастанием централистских тенденций и нетерпимостью ЦК РКП (б) к членам «рабочей оппозиции» вызывали протест последних и подталкивали к активным действиям даже тех сторонников А.Г. Шляпникова, которые подчинились политическим решениям X съезда РКП (б) и не выступали с критикой партийного курса. Так, Н. Иванов (представитель Московской партийной организации) говорил: «Я не принадлежал к рабочей оппозиции на X съезде, но то, что творится в наших партийных организациях, невольно толкает на оппозицию центру. В Замоскворецкой организации, например, даже секретарь райкома назначен сверху, а не выбран. Ряд товарищей удалены за то, что были в оппозиции к райкому. Во время выборов нам указывали кого выбрать. Нам, членам партии не дают мыслить, рассуждать. Дальше так продолжаться не может...» [103].

В итоге, вскоре после IV Всероссийского съезда профсоюза металлистов среди сторонников «рабочей оппозиции» появляется идея возобновления активной деятельности группы. Так, один из ее московских сторонников написал письмо, адресованное своим единомышленникам, в котором он выразил недовольство «мероприятиями ЦК РКП по проведению «партийной» линии на профсоюзных съездах»: «Можно привести сотни фактов из разных мест России и из непосредственной деятельности ЦК, когда он до X съезда и особенно после него проводил вышибание рабочей оппозиции из всех мест, где они связаны с деятельностью рабочей массы» [104]. Сильное недовольство автора письма вызвала политика ленинцев на IV Всероссийском съезде металлистов: «ЦК РКП бесцеремонно, нагло, цинично выбросил рабочую оппозицию из ЦК металлистов. А его рьяные последователи заявили, что рабочую оппозицию

нужно вышибать теперь не только из райкомов, но даже из расценочных комиссий» [105]. С целью демократизации партии и профсоюзов предлагалось возродить группу «рабочей оппозиции».

В письме дается оценка новой экономической политике. По мнению автора, с одной стороны «новый курс правильный. Противодействовать ему в каких угодно формах – совершать дело черной реакции» [106]. Вместе с тем он считает, что из «нэпа вытекает намечающаяся мелкобуржуазная политика партии» и не допустить окончательной трансформации может только «рабочая оппозиция». Автор письма имеет в виду политику по отношению к рабочим и считает, что «новый курс, несмотря на его неизбежность и необходимость содействовать ему» не должен игнорировать и тем более усугублять тяжелое положение рабочих [107]. Он предлагает «понимать нэп по пролетарски», «осознать левый курс экономической политики и выявить отношение к нему рабочей части компартии» [108]. Именно с возможностью противодействия политике ЦК со стороны своих единомышленников автор связывает причины репрессий против них. Особое внимание в письме уделяется методам борьбы с оппонентами внутри большевистской партии. Автор негативно оценил тактику сторонников А.Г. Шляпникова на IV Всероссийском съезде профсоюза металлистов: «Наши товарищи выявили полное непонимание основных правил политики. ... С одной честностью и искренностью всегда останешься в дураках перед понимающим смысл в политике человеком» [109]. В письме содержался призыв к использованию тех же методов, которые применяли по отношению к «рабочей оппозиции» их оппоненты: «Против тебя идут наглостью – отвечай тем же, а если самооборона требует и наступление с примесью плохих методов, чего мы по своей классовой натуре делать не можем, то и это делай» [110]. Данное заявление свидетельствует о радикализации настроений среди части сторонников А.Г. Шляпникова.

Удержание позиций и усиление своего влияния в профсоюзных органах становится целью многих членов «рабочей оппозиции». Так, в письме к С.П.

Медведеву Ф.А. Митин пишет о том, что необходимо «укрепить завкомы своими ребятами, а через них завоевать заводские ячейки и повести по этой линии работу, т.е. через них до райкома и до конференции» [111]. Ф.А. Митин недоволен репрессивной политикой ЦК РКП (б) в отношении своих единомышленников. По свидетельству Ф.А. Митина, членов «рабочей оппозиции» незаконно исключают из партии и снимают с руководящих постов. К примеру, «райком Горловского завода, – пишет он, – взял на себя инициативу изгнать из управляющих нашего тов. Михайлова и председателя зав. комитета, как «бывших» (боятся тени) членов «рабочей оппозиции» и заменить их своими людьми» [112]. Ф.А. Митин также предлагает «восстановить теснейшую связь» между своими единомышленниками и пытается выяснить их отношение к новой экономической политике.

Несмотря на стремление некоторых сторонников «рабочей оппозиции» возобновить деятельность группы, методы политической борьбы, указанные в московском письме, привлекли не всех. Так, Ф.А. Митин считал, что «подобные весточки из центра могут вскружить ... провинциальную голову» и могут быть выгодны лишь противникам [113].

Вместе с тем неэффективность либеральной политики сторонников А.Г. Шляпникова, с одной стороны, и растущее недовольство внутрипартийным режимом – с другой, привело к формированию более радикальных групп, выражающих, по мнению их членов, истинные интересы пролетариата. Так, в апреле 1921 г. один из представителей московской группы «рабочей оппозиции» В.Л. Панюшкин неоднократно выступал с резкой критикой бюрократических методов руководства РКП (б). После предупреждений со стороны Московского партийного комитета и Московской контрольной комиссии, уже привлекавшийся осенью 1920 г. по делу «о конспиративном собрании Бауманского района Москвы» В.Л. Панюшкин был исключен из РКП (б) [114]. После этого он вместе с группой своих единомышленников образовал «Рабоче-крестьянскую социалистическую партию» (РКСП). К сожалению,

источники о деятельности данной организации почти не сохранилось, поскольку она была практически сразу после ее создания ликвидирована. К тому же, как отмечал представитель комиссии по «делу В.Л. Панюшкина»: «РКСП организационно ничего из себя не представляла» [115]. Скорее всего, это была немногочисленная конспиративная группа, члены которой выступали с критикой высшего партийного руководства, новой экономической политики и официальной линии РКП (б) в отношении рабочих и крестьян. Сторонники В.Л. Панюшкина считали, что политика РКП (б) ведет к утрате завоеваний революции, и выдвигали лозунг: «Вся власть Советам, а не партии» [116]. Одним из средств борьбы за «завоевания Октября 1917 г.» члены РКСП выдвигали методы террора [117].

23 и 29 мая 1921 г. на делегатских собраниях Городского района Москвы по заявлению следственной комиссии: «Панюшкин, Железняк, Бриллиантов и др. создатели «Рабоче-крестьянской партии» ругали не только советские порядки, но и вождей революции Ленина, Троцкого» [118]. В конце мая 1921 г. состоялся расширенный пленум МК РКП (б) на котором был заслушан доклад представителя Московской чрезвычайной комиссии о создании и деятельности РКСП. Согласно решению пленума в партийных ячейках Москвы «была проведена широкая компания по разоблачению группы Панюшкина» [119]. Итогом этой компании стала резолюция делегатского собрании Городского района Москвы, в которой действия В.Л. Панюшкина оценивались, как «предательство делу пролетарской революции» [120]. Примечательна реакция делегатов внеочередной Московской губернской партийной конференции (25-26 июня 1921 г.) во время информационного доклада «О деятельности РКСП». На фразу докладчика: «В.Л. Панюшкин был ликвидирован средствами ЧК» в зале раздались голоса: «Был расстрелян?» [121], свидетельствовавшие, что уже весной-летом 1921 г. использование подобных методов борьбы с оппозицией представлялось многим коммунистам вполне возможным. В целом открытые выступления сторонников «рабочей оппозиции» после X съезда РКП (б) играли

на руку ленинцам, позволяя им легально применять репрессивные меры против своих оппонентов.

Однако инициатор организации РКСП не пострадал. Он отказался от своей партии. Более того, «ввиду его письма в ЦК РКП (б) о полном раскаянии в своих поступках с признанием им самим вреда и недопустимости его шага», ЦК признал возможным «обратное принятие его в РКП (б) с прохождением нового 6-месячного кандидатского стажа» [122]. Столь мягкое наказание, возможно, объясняется тем, что группа В.Л. Панюшкина «не имела никакого успеха ни в рядах рабочего класса, ни в других социальных группах» [123]. Его методы террора и жесткая критика авторитетных вождей партии были не популярны и среди «шляпниковцев». Так, Ф.А. Митин, в письме к С.П. Медведеву, критикуя неприемлемые, с его точки зрения, политические методы борьбы одного из членов «рабочей оппозиции» – И.Н. Перепечко, отзывался о нем: «вроде нашего В.Л. Панюшкина» [124].

Если введение новой экономической политики вызывало резкое неприятие у сторонников В.Л. Панюшкина, то представители «Рабочей правды» (еще одной нелегальной группы возникшей весной 1921 г.) считали нэп нормальными экономическими отношениями [125]. Как и сторонники «рабочей оппозиции» члены «Рабочей правды» отмечали, что «коммунистическая партия все бесповоротнее теряет связь и общность с пролетариатом». Это происходит, по их мнению, вследствие того, что «бюрократия находится в материальных условиях резко отличных от условий существования рабочего класса. И этот факт нельзя затушевать никакими резолюциями и постановлениями»[126]. Представители «Рабочей правды» полагали, что в результате этого разрыва РКП (б) перестала выражать интересы рабочих, хотя и продолжала оставаться «единственно способной руководить советской республикой». В итоге, свою основную задачу они видели в защите интересов российского пролетариата в сложных условиях того времени. Высказывались требования расширения внутрипартийной демократии, свободы

печати и коалиций, улучшения экономического положения рабочих, которые выдвигались и сторонниками А.Г. Шляпникова.

«Рабочая правда», по информационным сводкам ГПУ, «явно тяготела к меньшевизму», поскольку ее члены считали, что в результате Октябрьской революции «перед Россией открылись широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма». Отсюда и их активная поддержка новой экономической политики. Члены «Рабочей правды» призывали к установлению «более тесной связи российской республики со странами передового капитала». Свое требование они объясняли тем, что «разрыв мировых связей чрезвычайно болезненно отразился на крупной промышленности России, теснейшим образом связанной с промышленностью Запада» [127].

В отличие от А.Г. Шляпникова, сторонники «Рабочей правды» считали, что пролетариат еще не готов управлять экономикой и «обществом на новых началах» [128]. Поэтому, по их мнению, в задачи профсоюзов должны входить не управление промышленностью, а защита экономических, политических прав рабочих и «фактическое осуществление кодекса закона о труде» [129].

В целом, требования «рабочеправдинцев» были умереннее программы «рабочей оппозиции». Думается, существенным фактором, повлиявшим на это обстоятельство, стало различие социального статуса и уровня образования участников групп. Если сторонниками А.Г. Шляпникова являлись в основном работники профобъединений, имевшие в лучшем случае среднее образование, то наиболее активными членами «Рабочей правды» были студенты, преподаватели и представители других групп интеллигенции. Так, руководителями «Рабочей правды» являлись: научная сотрудница Свердловского университета Ф. Шуцкевер, «бывший слушатель курсов при Социалистической академии» Е.Р. Шульман, корреспондент газеты «Труд» и «Рабочая правда» Хайкевич [130]. Также в группу входили учащиеся рабочих

факультетов П.И. Ласс-Козлова, Я.Г. Будницкий, О.П. Вихман, Н.Г. Крым, К.Ф. Рябцева и др.

Социальный состав группы объясняет и некоторое недоверие к ней отдельных членов «рабочей оппозиции», наиболее ярко проявившееся в деятельности «рабочей группы», программа которой начала оформляться в работах Г.И. Мясникова. Его выступления стали наиболее заметным сопротивлением бюрократическим методам руководства РКП (б) весной-летом 1921 года. В это время Г.И Мясников подготовил и направил в ЦК РКП (б) «Докладную записку» (датирована 2 мая 1921 года), в которой поднял ряд важных политических вопросов. Некоторые исследователи связывают формирование «рабочей группы» Г.И Мясникова именно с появлением «Докладной записки», поскольку высказанные в ней идеи позже лягут в основу «Манифеста» – программного документа «рабочей группы» [131]. В «Докладной записке» Г.И. Мясников подчеркивал усиливающийся разрыв между партией и рабочим классом вследствие отсутствия внутрипартийной демократии. С целью борьбы с бюрократизмом и повышения авторитета компартии среди рабочих и крестьян он считал необходимым «после того, как мы подавили сопротивление эксплуататоров и конституировались как единственная власть в стране, мы должны ... отменить смертную казнь, провозгласить свободу слова, которую в мире не видел еще никто от монархистов до анархистов включительно. Этой мерой мы закрепили бы за нами влияние в массах города и деревни, а равно и во всем мировом масштабе» [132]. Помимо требования значительного расширения внутрипартийной демократии, Г.И. Мясников предлагал восстановить Советы рабочих депутатов на предприятиях, которые потеряли первоначальное значение выразителей интересов рабочего класса и из производственной, руководящей организации превратились в территориальную. По мысли Г.И. Мясникова Советы рабочих депутатов, кроме чисто производственных задач – составление программ и руководство по их выполнению, могли бы взять на себя заботу о снабжении рабочих. «Советы управляют, союзы контролируют:

вот сущность взаимоотношений между завкомом и советом, между ВЦСПС и ВСНХ, между ВЦСПС и ВЦИК и Совнаркомом» [133]. Кроме того, полагал Г.И. Мясников, необходимо создать крестьянский союз, направляющий жизнь в деревне помимо «коммунистического начальства»[134].

В целом, предложения Г.И. Мясникова были радикальнее положений программы «рабочей оппозиции», хотя и не настолько как у В.Л. Панюшкина. В частности, требование свободы печати сторонники А.Г. Шляпникова ограничивали внутрипартийными рамками, а идею передачи управления промышленностью профсоюзам, они хотя и поддерживали в период дискуссии о профсоюзах, но после X съезда РКП (б) открыто с ней не выступали.

«Докладная записка» Г.И. Мясникова вызвала негативную реакцию высшего партийного руководства, и ее автор из Петрограда, где он находился «на исправлении» (термин Г.И. Мясникова) был возвращен в Пермь. Здесь он попытался изложить свои взгляды на собрании Мотовилихинской районной организации РКП (б), однако Президиум Пермского губкома запретил его выступление [135]. В ответ на это решение общее собрание Мотовилихинской парторганизации, состоявшееся 5 июля 1921 г. большинством в 75 голосов против 35 постановило «просить разрешения губкома дать сделать доклад т. Мясникову» [136]. Сложившееся положение обсуждалось на общем партийном собрании Мотовилихинского района 15 июля 1921 года. После жарких дебатов 109 голосами против 26 было решено послать в ЦК резолюцию, расценивающую действия Пермского губкома, как нарушение постановлений X съезда РКП (б) о развитии внутрипартийной демократии [137].

27 июля 1921 г., находясь в Москве, Г.И. Мясников передал Н.И. Бухарину для публикации в «Правде» статью «Больные вопросы». В ней он развивал идеи, высказанные в «Докладной записке», настаивая на том, что переход к нэпу требует изменения политических отношений. Особый акцент он делал на восстановление свободы слова и печати. По его мнению: «Кто хочет, чтобы при тяжелых условиях, в которых находится наша страна, измученный

рабочий шел за нами, кто хочет, чтобы мощь и влияние наше в пролетарских массах и крестьянстве усилилось, тот должен сказать, что кроме свободы слова и печати нет возможности достичь этого» [138].

Через Н.И. Бухарина со статьей «Больные вопросы» ознакомился В.И. Ленин и составил подробный ответ. 1 и 5 августа 1921 г. В.И. Ленин написал Г.И. Мясникову два письма, в которых категорически отверг главный его тезис о свободе печати «от монархистов до анархистов». «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров. Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас во много раз. Дать ей еще такое оружие, значит облегчить дело врагу, помогать классовому врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем» [139]. Однако мнение даже такого партийного авторитета, как В.И. Ленин, не изменило убеждений Г.И. Мясникова. В ответных письмах он не согласился с утверждением, что «буржуазия сильнее»: «Она сильнее у себя дома в своих государствах, а у нас не сильнее». Одновременно он уточнил, что свобода слова должна распространятся только на рабочих и крестьянство, среди которых существуют взгляды «от монархистов до анархистов». Что же касается других социальных групп, то «никаких рассуждений с кадетом-буржуа, адвокатом, доктором, профессором, – здесь одно лекарство – мордобитие» [140].

11 августа на общем собрании Мотовилихинской организации Г.И. Мясников в очередной раз попросил представителя губкома М.П. Туркина разрешить изложить свою позицию и зачитать адресованные ему письма В.И. Ленина. Однако разрешения дано не было, а сам Г.И. Мясников был лишен мандата на городскую партийную конференцию, которую он получил от коммунистов Мотовилихи [141]. В ответ на этот шаг 18 августа 1921 г., в день открытия конференции, группа делегатов, поддерживающая Г.И. Мясникова, в знак протеста покинула заседание. Кроме того, ими было написано заявление, в котором местный губком обвинялся «в умертвлении всякой инициативы

...зажимании рта тов. Г.И. Мясникову» и содержался призыв к остальным участникам конференции выступить против «опеки адвокатов, студентов и всей этой швали, которые норовят командовать, норовят зажимать рот всем и каждому» [142].

Следствием этих событий стали новые репрессивные меры против Г.И. Мясникова и его сторонников. 22 августа 1921 г. состоялось заседание Оргбюро ЦК РКП (б), которое признало протест мотовилихинцев демагогическим, а «Докладную записку» и «Больные вопросы» Г.И. Мясникова «несовместимыми с интересами партии» и запретило «выступать с ними на партсобрании» [143]. В ответ на решение Оргбюро ЦК последовал ряд протестов со стороны членов Пермской партийной организации. Так, 5 сентября 1921 г. на собрании коммунистов второго Висимского района единогласна была принята резолюция, в которой указывалось, что признание тезисов Мясникова «несовместимыми с интересами партии» есть «результат несерьезного отношения к делу Оргбюро ЦК», и что «все репрессии применяемые к т. Мясникову, считаем репрессиями против нас» [144]. Аналогичная резолюция была принята на собрании членов РКП (б) Мотовилихинского района 3 октября 1921 года [145].

Одновременно с выступлением радикального крыла «рабочей оппозиции» бюрократическим методам управления сопротивляются и относительно умерено настроенные ее члены. В значительной степени это касается московской группы «рабочей оппозиции», ядро которой составляли А.С. Киселев, А.М. Коллонтай, И.И. Кутузов, С.П. Медведев. 5 июля 1921 г. на III конгрессе Коминтерна А.М. Коллонтай заявила, что «новая экономическая политика дает возможность капитализму снова стать на ноги и возродиться в России» [146]. Некоторые исследователи трактуют данное утверждение как неприятие нэпа соратниками А.Г. Шляпникова [147]. Вместе с тем сторонники «рабочей оппозиции», за исключением представителей крайне радикального крыла, напротив, поддерживали новый экономический курс, поскольку он, по

их мнению, должен был поднять производительные силы страны и, в конечном счете, укрепить промышленность республики [148]. Их критика была направлена против отдельных противоречий нэпа, связанные с ущемлением интересов рабочего класса. Так, с возобновлением денежного обращения были отменены пайки, выдаваемые рабочим натуральными продуктами. «Государство никому ничего не дает даром. Все снабжение рабочего входит в его заработную плату», – говорилось в постановлении ВСНХ от 11 июля 1921 г. «О новых методах хозяйствования»[149]. Однако зарплата не могла обеспечить прожиточного минимума рабочего. К примеру, московский рабочий зарабатывал весной в месяц 30 000 рублей, на которые он мог купить всего 3 фунта [150] хлеба [151]. К тому же большая часть зарплаты уходила на погашение введенных платежей за коммунальные услуги, транспорт и пр. Ситуация усугублялось постоянно растущей инфляцией. Таким образом, требование сторонников «рабочей оппозиции» натурализации заработной платы было связано не со склонностью к методам военного коммунизма и неприятием нэпа, а с резким падением покупательной способности бумажных денег.

Тем же постановлением ВСНХ от 11 июля 1921 г. вводился принцип хозяйственного расчета, согласно которому государственные заводы и фабрики снабжаются материальными средствами лишь при обещании их руководства выполнить государственный заказ, в противном случае администрация предприятия наказывалась в судебном порядке. Однако в условиях слабого обеспечение материальными ресурсами, реализация принципа хозрасчета на государственных предприятиях была невыполнимой. Как показала практика, переведенные на хозрасчет фабрики и заводы в реальной жизни продолжали оставаться на госснабжении и сметном финансировании, поскольку недостаток сырья и топлива на рынке возмещался государством [152].

Подобные противоречия нэпа были очевидны для всех коммунистов. Выход из сложившейся ситуации большевики видели в усилении вмешательства государства в процесс перераспределения материальных

ресурсов. Однако взгляды расходились в масштабах этого вмешательства. Так, если Н.И. Бухарин и его сторонники оценивали «складывающийся механизм хозяйствования как, в значительной мере, саморегулирующийся» [153], не требующий специального государственного контроля, то «рабочая оппозиция» настаивала на более активном вмешательстве государства в деятельность промышленных предприятий.

Летом 1921 г. С.П. Медведев и А.Г. Шляпников направили в ЦК РКП (б) «Соображение лидеров рабочей оппозиции по существу «Постановления Президиума ВСНХ от 11 июля 1921 г.», в котором основные положения этого постановления характеризовались как «антипролетарские» [154]. Авторы считали, что в условиях отказа от натурализации заработной платы рабочим «вновь угрожает прямое вымирание от голода» [155]. В данном положении поспешность передачи предприятий в аренду вызывала особое недовольство лидеров «рабочей оппозиции», поскольку, по их мнению, права рабочих на таких предприятиях будут еще больше ущемлены. Исходя из этого, авторы письма задавали вопрос о роли «пролетариата во всей этой трагедии» [156].

Идеи, близкие к «рабочей оппозиции», имели широкое распространение среди рабочих-коммунистов. Так, секретарь МК П. Заславский информировал в июле 1921 г. В.М. Молотова о том, что «члены партии из среды массовиков, середняков и очень часто даже ответственных работников берут совершенно недопустимый тон по отношению к декретам нэпа. На рабочих собраниях, – писал П. Заславский, – крепнет настроение оппозиционности. Оно сходно с настроением «рабочей оппозиции», но опасней, ибо прет из низов. Здесь дипломатии нет…»[157].

Летом 1921 г. под руководством сторонников А.Г. Шляпникова членами профсоюза металлистов были разработаны тезисы «Организационные задачи союза металлистов в области организации производства в связи с новой экономической политикой» [158]. В октябре 1921 г. они были приняты фракцией РКП (б) пленума ЦК ВСРМ. Авторы документа наряду с одобрением новых

форм экономических отношений, считали, что в условиях нэпа повышается эксплуатация рабочего класса. В ограничении данного процесса сторонники «рабочей оппозиции» и видели основную роль профсоюзов в новых условиях[159]. На государственных предприятиях предлагалось «усилить влияние профобъединений». В задачи профсоюзов включалось участие в рассмотрении и утверждении производственных программ, в частности, «определение общего масштаба и основных форм производства. Все же остальное, касающееся технического использования материальных ресурсов, должно быть предоставлено хозяйственными органами, при обязательном выполнении норм, установленных с участием профсоюзов» [160]. Формирование органов управления государственных предприятий предлагалось по-прежнему производить по соглашению между профсоюзами и хозяйственными органами, на основе кандидатур, выдвигаемых профобъединениями. С целью более тщательного подбора руководящих лиц предлагалось «установить срок сменяемости руководителей, необходимый для определения производственного результата и их хозяйственных способностей» [161]. Особо подчеркивалось, что «осуществляя контроль и руководство промышленностью, профсоюзы должны со всей решительностью не допускать непосредственного вмешательства в административно-хозяйственную и техническую деятельность предприятия, как центральных, так и местных органов, не имеющих прямого отношения к производству» [162]. На предприятиях, переданных в аренду, по мнению авторов тезисов, функции профсоюзов должны ограничиваться контролем над выполнением договорных обязательств в области заработной платы, охраны труда, приема и увольнения рабочих и служащих и пр.

29 июля 1921 г. А.Г. Шляпников выступил на делегатском собрании коммунистов Бауманского района. В его докладе о новой экономической политике, прежде всего, говорилось о тяжелом положении рабочего класса, характеризовались причины кризиса. Главную из них докладчик видел «в неправильном использовании экспроприированного блага». С целью выхода из

сложившейся ситуации А.Г. Шляпников предложил ряд мер, связанных с расширением государственного вмешательства в деятельность предприятий и усилением руководящей роли профсоюзов в производстве. Коммунисты Бауманского района поддержали доклад А.Г. Шляпникова. В резолюции принятой 20 голосами против 10, при 5 воздержавшихся говорилось: «Делегатское собрание признает положения тов. Шляпникова, объясняющие причины чрезвычайно тяжелого экономического состояния Республики правильными в том, что мы за все время существования Советской власти не сумели использовать экспроприированных благ буржуазии для улучшения положения рабочего класса» [163]. Одновременно в резолюции одобрялся тезис «о предоставлении рабочим объединениям на договорных началах ведения производства, при непосредственном участии профсоюзов» [164].

На следующий день А.Г. Шляпников выступил на собрании партийной ячейки РКП (б) Московской электростанции, где выразил недовольство ситуацией, при которой рабочие, «ничего не получая от хозяйственных органов, вынуждены идти на воровство». Заканчивая речь, А.Г. Шляпников заявил, что постановление ВСНХ «О новых методах хозяйствования» «отдает антирабочим духом, рабочие должны насторожиться»[165]. Получив эту информацию, В.И. Ленин потребовал вывести А.Г. Шляпникова из состава ЦК и исключить его из партии. По предложению В.И. Ленина ЦК 8 августа 1921 г. принял решение: «Считать необходимым организованное вмешательство Центрального комитета. Созвать завтра, 9 августа, в 11 ч. утра, предусмотренную постановлением X партсъезда о единстве партии коллегию из всех наличных в Москве членов ЦК РКП, кандидатов и членов ЦКК» [166]. 9 августа 1921 г. состоялся объединенный Пленум ЦК и ЦКК, на котором В.И. Ленин настаивал на исключении А.Г. Шляпникова из партии и мотивировал это тем, что ЦК РКП (б) не может допустить, чтобы кто-либо из его членов занимался срывом политики Центрального комитета партии. За это предложение высказалось больше половины участников заседания, и только

одного голоса не хватило до двух третей, необходимых для того, чтобы на основании пункта 7 резолюции X съезда РКП (б) «О единстве партии» исключить А.Г. Шляпникова из партии. На заседании ЦК и ЦКК было принято решение: «Ввиду неоднократных нарушений партийной дисциплины Шляпниковым собрание констатирует, что дальнейшее выступление Шляпникова за пределами ЦК с речами, заявлениями, критикой, направленной против политики ЦК и противодействующими решениям, действительно выражающим мнения партийного съезда, являются совершенно недопустимыми и ставят ребром вопрос о возможности работы Шляпникова в ЦК… В случае, если Шляпников в дальнейшем не изменит своего поведения, ЦК поручается созвать такое же собрание для вторичного рассмотрения вопроса» [167].

Таким образом, несмотря на убеждения В.И. Ленина на X съезде РКП (б) о том, что к пункту 7 резолюции «О единстве партии» никогда не придется обращаться, к лидеру «рабочей оппозиции» эту крайнюю меру попытались применить уже через 5 месяцев после ее введения. Данный инцидент свидетельствовал не столько о нарастании напряженности между ленинцами и сторонниками А.Г. Шляпникова, сколько об общем усилении антидемократических тенденций в партии и слабости реформаторского крыла, скованного общепартийной дисциплиной. Вместе с тем, в условиях угрозы исключения из партии только за критику правительственных постановлений вся дальнейшая деятельность «рабочей оппозиции» в партии была обречена на поражение.

После попытки исключения А.Г. Шляпникова из РКП (б) репрессии против его сторонников не прекратились. Напротив, ленинским руководством был взят курс на ликвидацию любой оппозиционности, способной помешать становлению режима фракционной диктатуры. Вскоре, после того как коммунисты Бауманского райкома партии вынесли резолюцию, одобряющую предложения А.Г. Шляпникова, возникло «дело Бауманского района» [168].

Начало этому политическому процессу положило заявление, рассмотренное 22 августа 1921 г. на расширенном заседании пленума Московского комитета РКП (б). В заявлении утверждалось, что «аппарат Бауманского района находится в руках «рабочей оппозиции», члены которой «не имея возможности вести открытую работу, организовали фракцию в подполье» [169]. Авторами данного документа являлись участковые организаторы Бауманского района Алиханов, Востоков, Аматуни, Ямпольская, Котлик, Ванников, поддерживающие ленинское большинство. Они считали, что «вопрос о «рабочей оппозиции» имеет политическое значение в общероссийском масштабе» и призывали «к серьезным и решительным мероприятиям по ликвидации группы А.Г. Шляпникова [170].

С целью расследования обстоятельств в Бауманском районе Московским комитетом партии была создана комиссия. Однако в нее вошли заинтересованные лица, поскольку члены МК РКП (б) поддерживали ленинское руководство и были в напряженных отношениях с «бауманцами». Несмотря на отсутствие единодушия членов комиссии по вопросу о виновности «рабочей оппозиции» в Бауманском районе, пленум МК РКП (б) 13 голосами при 9 против признал обвинения, выдвинутые против «рабочей оппозиции» обоснованными [171]. В ответ на это решение коммунисты Бауманского райкома вынесли протест и приняли резолюцию, в которой все обвинения против большинства райкома в создании особой группировки, признавались неосновательными. Они также заявили, что «МК РКП (б) искусственно создавал процесс района» и выдвинули требование перенести дело на предстоящую губернскую партийную конференцию [172].

Несмотря на протест, в районном совете и комитете партии стали происходить кадровые перестановки. Президиум райкома был расформирован, заведующие отделами – высланы из Москвы. «Рассчитываются даже технические работники и мобилизуются товарищи из ячеек. Заявления товарищей направить их на фабрики и заводы по специальности категорически

отклоняются», – отмечали члены райкома[173]. Особое недовольство вызывали методы политического давления сторонников Московского комитета партии, которые, по свидетельству «бауманцев», «употребляли всевозможные способы, вплоть до спекуляции именем т. Ленина. Они говорили, что т. Ленин ставил вопрос об исключении т. Шляпникова, как главаря «рабочей оппозиции», а в районе находятся «шляпниковцы» [174].

На VII Московской губернской конференции (29-31 октября 1921 г.) с критикой действий МК РКП (б) выступил сторонник «рабочей оппозиции» Советов [175]. От имени 11 членов Бауманского районного комитета, ревизионной комиссии и 33 делегатов одной и ячеек района он предложил резолюцию, осуждающую деятельность Московского комитета партии. Однако конференция ее отклонила и одобрила деятельность МК РКП (б). После этого Советов потребовал пересмотра «дела Бауманского района» в ЦК РКП (б).

Подобный шаг вызвал неоднозначную реакцию делегатов конференции. Большинство из них расценило действия Советова как отказ подчиниться решениям конференции и высказалось за его исключение из РКП (б). Один из присутствующих коммунистов попытался поддержать «бауманцев», сказав, что «каждый член партии имеет право апеллировать к высшему органу, которым является ЦК, а над ЦК наш партийный съезд и дальше исполком Коминтерна…» [176]. В итоге 110 голосами против 100 делегаты конференции проголосовали за перенесение вопроса о Бауманском районе в ЦК партии. Таким образом, после попытки исключения из партии А.Г. Шляпникова, в Москве произошла новая волна репрессий против его сторонников.

Эта же тенденция наблюдалась и в регионах. Так, несмотря на констатацию единства и сплоченности, не прекращалось вытеснение сторонников «рабочей оппозиции» из партийных и профсоюзных органов Нижегородской губернии. В связи с этим один из делегатов XII Нижегородской губернской конференции (19-21 августа 1921г.) заявил, что в организации «вместо демократизма введена диктатура и репрессии» [177]. Об этом же

свидетельствовали многочисленные жалобы в ЦК, в которых указывалось, что происходит «механическое исключение из партии всех тех, кто прежде принадлежал к «рабочей оппозиции», допускаются и групповые исключения»[178]. С целью выяснения обстоятельств Центральный Комитет РКП (б) дважды (в августе и в ноябре 1921 г.) посылал в Нижний Новгород члена ЦКК А.А. Сольца. Однако тот, как и следовало ожидать, одобрил деятельность Нижегородского губкома и Нижегородской комиссии по проверке и чистке организации [179].

В Самарской губернии сторонники А.Г. Шляпникова открыто не выступали с критикой политического курса. Однако, ленинское руководство, помня об активной поддержке самарцами «рабочей оппозиции» в дискуссии о профсоюзах, решило сменить местную верхушку партийных и советских работников. С этой целью в августе 1921 г. по просьбе Центрального Комитета РКП (б) в Самару выехала комиссия ЦКК во главе с З.Я. Литвиным (Седым). В результате деятельности этой комиссии были отозваны сторонники «рабочей оппозиции» Ю.К. Милонов, В.Д. Сокольский, А.А. Казаков и др. В то же время в парторганизацию вошли противники «шляпниковцев» В.А. Антонов-Овсеенко, И.И. Минков, И.Т. Морозов [180].

Таким образом, в августе-октябре 1921 г. наблюдается активное наступление на «рабочую оппозицию» со стороны большинства ЦК. Некоторые авторы видят причину данного обстоятельства в потенциальной угрозе сопротивления сторонников А.Г. Шляпникова новому экономическому курсу. Так, Ю.М. Голанд считает, что «осенью 1921 г. наступил качественно новый этап развития нэпа, связанный с выводом Ленина о необходимости строить социализм на основе активного использования рыночного механизма и возникновении острой потребности в квалифицированных экономистах для работы в правительственных органах» [181]. Однако, поскольку далеко не все разделяли ленинскую точку зрения, то для дальнейшего проведения реформ необходимо было расправиться с оппозицией, которая потенциально могла

оказать сопротивление. Определенное влияние на ужесточение репрессий против «рабочей оппозиции» осенью 1921 г. оказало усиление роли И.В. Сталина в Секретариате ЦК. Именно со второй половины 1921 г. Политбюро поручает И.В. Сталину вести организационную работу в Центральном комитете[182]. Ему вменялся подбор кадров, подготовка пленумов ЦК, сессий ЦИК, конференций и прочее, то есть по существу он исполнял обязанности секретаря ЦК.

Вместе с тем, большинство ЦК под предлогом борьбы с «рабочей оппозицией» зачастую расправлялись с неугодными членами партии, не имеющим отношение к этой группе. Так, в сентябре 1921 г. Г.Е. Зиновьев, с целью укрепления своих позиций в Петроградской организации, обвинил часть партийного актива, выражающую недовольство бюрократическими методами его руководства в рецидиве «анархо-синдикалистских» настроений. 16 сентября 1921 г. на заседании Петроградского комитета РКП (б) Г.Е. Зиновьев квалифицировал своих противников как представителей «рабочей оппозиции». Выступление Г.Е. Зиновьева получило немедленный ответ, в частности, со стороны члена ЦК РКП (б) Н.П. Комарова и кандидата в члены ЦК РКП (б) секретаря губкома Н.А. Угланова. 20 сентября 1921 г. Г.Е. Зиновьев сообщил в Политбюро о своих разногласиях с Н.П. Комаровым и обратился с просьбой вызвать в Москву их обоих для выяснения отношений [183]. 21 сентября 1921 г. по предложению В.И. Ленина была создана комиссия Политбюро ЦК РКП (б), в которую, кроме него, вошли И.В. Сталин и В.М. Молотов. Проанализировав сложившуюся ситуацию, комиссия решила, что утверждения Г.Е. Зиновьева о наличии в Петроградской организации «рабочей оппозиции» лишены оснований [184]. На наш взгляд, решающую роль в этом вопросе сыграла позиция В.И. Ленина. В данном случае он встал на сторону оппонентов Г.Е. Зиновьева, мотивируя это своей уверенностью в надежности Н.П. Комарова и Н.А. Угланова. Так, в письме к Г.Е. Зиновьеву от 29 сентября 1921 г. В.И. Ленин сообщал: «В Питере нет никаких принципиальных разногласий, нет даже

уклона к уклону. Нет этого ни у Комарова, ни у Угланова, кои на X съезде РКП (б) были надежнейшими...»[185]. Одновременно он рекомендовал Г.Е. Зиновьеву помочь группе его сторонников «переместиться в другой город и освежиться»[186].

Нарастание централистских тенденций в жизни партийных организаций особенно ярко проявилось накануне XI съезда РКП (б). Это свидетельствовало о стремлении удержать власть большинством ЦК, с одной стороны, и о недовольстве оппозиционных сил дальнейшим ужесточением политического режима – с другой. 13 ноября 1921 г. на заседании Уралбюро ЦК было принято решение удалить Г.И. Мясникова из Мотовилихи и поставлен вопрос о его исключении из РКП (б). Пермскую организацию предлагалось укрепить «проверенными» коммунистами, отозвав при этом некоторых ответственных работников [187]. В свою очередь Г.И. Мясников в письме от 25 ноября 1921 г. просил своего сторонника в Петрограде Б.А. Кружнера «завоевать, по крайней мере, два района города» и «все недовольные элементы в партии собрать под одно знамя» [188]. После того, как ВЧК передало в Политбюро копию этого письма, ленинское руководство усилило наблюдение за Г.И. Мясниковым. Так, В.И. Ленин в записке В.М. Молотову и другим членам Политбюро от 5 декабря 1921 г. требовал «усилить внимание к агитации Г.И. Мясникова» и «2 раза в месяц докладывать о нем и о ней в Политбюро» [189]. Вскоре после этого была создана комиссия в составе А.А. Сольца, В.М. Михайлова и В.М. Молотова, которая, рассмотрев «дело» Г.И. Мясникова, предложила исключить его из РКП (б) и 20 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) утвердило это решение [190]. Та же участь постигла и семерых наиболее активных сторонников Г.И. Мясникова.

Еще одним проявлением борьбы между «рабочей оппозицией» и ленинским руководством стали события, связанные с работой III Уральской областной конференции Всероссийского союза рабочих-металлистов (16-20 декабря 1921 г.). На заседании коммунистической фракции конференции

сторонники А.Г. Шляпникова выразили недовольство тем, что ЦК РКП (б) назначил руководящий орган ВСРМ, вопреки мнению его членов. Фракция приняла резолюцию, предложенную представителем «рабочей оппозиции» А.М. Ташкиным. В ней говорилось, что «в результате назначенчества на IV съезде и нежелания ЦК прислушаться к настроениям коммунистических «низов» союз металлистов потерял свой авторитет» и его работа «ослабела сверху донизу»[191]. Предлагалось переизбрать ЦК ВСРМ на экстренном съезде металлистов [192]. Однако ЦК РКП (б), как и следовало ожидать, запретил проведение экстренного заседания [193].

Усиление репрессий против сторонников А.Г. Шляпникова сопровождалось нарастанием недовольства рядовых коммунистов внутрипартийным режимом. В «низах» партии раздавались голоса, что в губкомах «с нашим братом не разговаривают» (Екатеринбургская губерния), что «совершенно обезличиваются местные организации» (Пермская губерния), роль которых «сводится к механическому подниманию рук» (Челябинская губерния) [194]. Эти настроения, по мнению отдельных исследователей, чутко уловили некоторые представители райкомов Омской организации РКП (б) [195]. Наиболее активную роль в этой группе играли члены губкома РКП (б). И.Е. Потемкин, Н.А. Максимов, Ф.М. Шемис [196]. 2 декабря 1921 г. на общем собрании коммунистов третьего района Омска они выступили с критикой деятельности председателя губернского комитета РКП (б) К.К. Саулита и членов губкома. В вину им вменялись слабое руководство районными организациями, отрыв от рядовой партийной массы и отказ от «переброски обюрократившихся ответработников к станку». Особой резкостью отличались критические выступления заведующего орготделом третьего райкома РКП (б) Н.А. Максимова и одного из лидеров профсоюза железнодорожников Комарова. В итоге, работа губернского комитета партии была признана неудовлетворительной. Это решение утвердила X Омская городская уездная партконференция, проходившая в середине декабря 1921 года [197]. Действия

сторонников И.Е. Потемкина были оценены Сибирским бюро ЦК РКП (б) как «уклон в сторону рабочей оппозиции» [198].

Губернский комитет партии, теряя в районах почву под ногами, попытался опереться на руководящие кадры. Заручившись их поддержкой, президиум Омского губкома перешел к решительным мерам. На своем закрытом заседании 21 декабря 1921 г. он наметил к срочной переброске – непременно до открытия губпартконференции – тех, вокруг которых создалась группировка. В ответ на это первый и второй райкомы городской организации РКП (б) выразили несогласие с намерением президиума губернского комитета «убрать» неугодных ему товарищей и обратились с жалобой в Сибирское бюро ЦК РКП (б). Так, Ф.М. Шемис, по сообщению корреспондента Омской газеты «Рабочий путь», обвиняя губком «во всех смертных грехах бюрократизма и отрыве от масс», ссылался «на факты преследования за внутрипартийную критику, ставя и свою переброску в другую организацию как меру карательного свойства» [199]. Примечательно, что Сиббюро ЦК РКП (б) заняло компромиссную позицию в отношении борющихся сторон и приняло решение: «указанных товарищей из Омска отозвать, но только после окончания губпартконференции». Это привело к тому, что на IV Омской губернской партийной конференции (22-28 января 1922 г.) был избран новый губком, в состав которого вошли коммунисты, симпатизирующие взглядам «рабочей оппозиции» [200].

Произошедшее на IV Омской губпартконференции встревожило партийные «верхи», поскольку в корне подрывался фактически действующий принцип «назначенчества». В результате Сиббюро решило отозвать из Омска главных виновников случившегося. Однако в силу того, что события в омской организации совпали с конфликтом в центре [201], поступило распоряжение секретаря ЦК В.М. Молотова не предпринимать окончательных шагов без дозволения свыше и намеченные меры провести не удалось.

Вместе с тем, уже среди современников не было единого мнения о причастности группы И.Е. Потемкина к «рабочей оппозиции». Так, в сентябре 1922 г. член губернской контрольной комиссии М.А. Винчинский настаивал на том, что «оппозиции в Омске не было и нет... Товарищи зарвались, правда, но это не оппозиция, ее нет и не было в Омске» [202]. Большинство ораторов не согласились с такой характеристикой. Один из них подчеркнул, что «рабочей оппозиции» у нас «не было, так сказать, официально, но не нужно закрывать глаза и говорить, что ее не было. Она была, примеров много... В отдельных группах, кружках она была, а с уклоном некоторых ответственных работников в левую сторону она и вылилась в рабочую оппозицию» [203].

Напротив, советские историки рассматривали группу И.Е. Потемкина исключительно как представителей сторонников А.Г. Шляпникова [204]. В работах современных исследователей наблюдается неоднозначность оценок по этому вопросу. Так, Г.Л. Олех пришел к выводу, что «фронда» Омского губкома не была связана с действиями провинциальной агентуры «рабочей оппозиции» и представляла собой «образец стихийного «перераспределения» власти, происходившего повсеместно в правящей партийно-государственной верхушке страны» [205]. На наш взгляд, данное утверждение не объясняет идейные устремления «команды» И.Е. Потемкина, поскольку любая политическая жизнь неразрывно связана с конфликтами вокруг властных полномочий. Еще одним доказательством непричастности «потемкинцев» к сторонникам А.Г. Шляпникова, по мнению Г.Л. Олеха, является тот факт, что «оппозиционерам не предъявляли обвинений во фракционности, они понесли наказание за недисциплинированность» [206]. Однако на многих членов «рабочей оппозиции» налагались партийные взыскания именно с такой формулировкой. Так, Н.В. Кузнецов, активный сторонник А.Г. Шляпникова, а затем «рабочей группы», был исключен из РКП (б) не за фракционность, а «как чуждый элемент, скрывший от партии свое непролетарское прошлое» [207]. Известно, что

и лидера «рабочей оппозиции», пытаясь исключить из партии в августе 1921 г., обвиняли в «неоднократных нарушениях партийной дисциплины» [208].

Поддержка «потемкинцами» платформы А.Г. Шляпникова в период дискуссии о профсоюзах, скорее говорила об их симпатии идеям «рабочей оппозиции». Кроме того, известно, что позже сторонники И.Е. Потемкина отказались осудить обращение в Коминтерн, подписанное единомышленниками А.Г. Шляпникова накануне XI съезда РКП (б) [209].

Изложенный материал позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Под давлением политических решений X съезда РКП (б) значительная часть сторонников А.Г. Шляпникова отказалась от открытых выступлений и даже примкнула к ленинскому большинству. В то же время некоторые участники «рабочей оппозиции» продолжали отстаивать свои взгляды, хотя и в их среде нарастало идейное и организационное размежевание. Так появились «Рабоче-крестьянская социалистическая партия» В.Л. Панюшкина, группа Г.И. Мясникова, представлявшие левый фланг «шляпниковцев», и «Рабочая правда», являвшаяся правым крылом «рабочей оппозиции».

2. После X съезда РКП (б) происходит ужесточение репрессий против сторонников «рабочей оппозиции», что указывает на усиление антидемократических тенденций в партии большевиков в целом. Наиболее жесткие методы борьбы ленинцы применили к руководству ВСРМ, которое наиболее активно и последовательно поддерживало А.Г. Шляпникова и сохраняло определенную самостоятельность.

***

В период с марта 1921 г. по февраль 1922 г. «рабочая оппозиция» находилась в состоянии кризиса, являвшегося частью общего кризиса советской политической системы, не соответствующей провозглашенному курсу на демократизацию внутрипартийных отношений и, напротив, ведущей к

дальнейшему ужесточению командно-директивного режима в партии и государстве.

На данном этапе наблюдается процесс эволюции «рабочей оппозиции». Образуется умеренный фланг группы, представители которого, пытаясь найти компромисс с большинством ЦК, отказываются от ряда своих требований и стремятся отстаивать свои взгляды, не нарушая партийных постановлений. В то же время на противоположном фланге «рабочей оппозиции» формируются более радикальные группы, выражавшие, по их мнению, подлинные интересы пролетариата.

Проделанный нами анализ показал, что на данном этапе трансформационные процессы затронули и руководящее ядро большевистской партии. Особенно заметно эта тенденция проявилась в изменении характера взаимоотношений власти и оппозиции. Так, если до X съезда РКП (б) внутрипартийные дискуссии не являлись нарушением партийных норм, то после принятия резолюции «О единстве партии» любого коммуниста могли исключить из рядов РКП (б) за малейшее оппозиционное выступление. Таким образом, большинство ЦК РКП (б) ужесточает методы по локализации и подавлению фракционности и пытается окончательно ликвидировать «рабочую оппозицию».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. М., 1963. С.534.

[2] Врачев И.Я. X съезд РКП (б) // Некоторые вопросы социальной истории СССР. М., 1991. С. 145.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898-1986). Т.2. 1917-1922. М., 1983. С. 320.

[4] Вассер М.М. Разгром анархо-синдикалистского уклона в партии // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 68.

[5] Земцов Б.Н. Оппозиционные группировки 20-30-х годов (Саморазрушение революции). М.,1992; Карр Э. История Советской России. Кн.1. Т.1-2. М., 1990; Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917 – 1920 гг.). М., 1991; Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала): Дис. ... докт. ист. наук. Тюмень, 2001; Назаров О.Г. Борьба за лидерство в РКП (б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы: Дис. ... докт. ист. наук. М., 2001.

[6] Коэн С. Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. 1989. № 7. С.46-72; Новопашин Ю.С. XIV съезд РКП (б): современный взгляд // Вопросы истории. 2003. № 7. С.39-53; Олех Г.Л. Олигархическая и демократическая тенденции в РКП (б) в начале 20-х гг. (На материалах Сибири): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1996; Пайпс Р. Создание однопартийного государства в Советской России // Полис. 1991 № 1. С. 215-223.

[7] Авторханов А. X съезд и осадное положение в партии // Новый мир. 1990. №3. С.205; Гилл Г. Гражданская война и истоки сталинизма // Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994. С.304; Демидов В.В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь1919 г. – декабрь 1929 г.): Дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1997. С.184; Кружинов В.М. Указ. соч. С. 282-283; Назаров О.Г. Указ. соч. С.80; Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд сквозь годы. М., 1992. С.17.

[8] Гилл Г. Указ. соч. С.304.

[9] Назаров О.Г. Указ. соч. С.79-80.

[10] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия М., 1995. С.108.

[11] Джанашия В.Г. Ленинская критика анархо-синдикалистской концепции управления производством: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 17.

[12] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. С.XVII. По воспоминаниям И.Я. Врачева в работе X съезда РКП (б) участвовали 694 делегата с решающим и 296 человек с совещательным голосом (И.Я. Врачев указ. соч. С. 121). Такие же цифры приводит А.Г. Авторханов (Указ. соч. С.193).

[13] ЦАОДМ. Ф.67. Оп.1. Д.171. Л.15.
[14] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. С.763-764.
[15] ЦАОДМ. Ф.67. Оп.1. Д.171. Л.15.
[16] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. С.335.
[17] Рубцова В.А., Рыбкин А.Н. Внутрипартийная дискуссия и ее результаты в Самарской губернии до и после X съезда РКП (б) с позиции современности // С позиции нового мышления: Материалы областной научно-практической конференции. Куйбышев, 1990. С.146.
[18] Десятый съезд РКП (б). Март 1921года: Стен. отчет. С.77-78.
[19] Там же. C.VIII.
[20] Там же. С.85-86.
[21] Там же. С.78.
[22] Авторханов А. Указ. соч. С.195.
[23] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. С.91.
[24] Там же.
[25] Там же. С.90.
[26] Там же. С.98.
[27] Там же. С.27.
[28] Там же. С.2.
[29] Там же. С.71.
[30] Наумов В.П. Александр Гаврилович Шляпников. (Страницы политической биографии). М.,1991. С.35.
[31] Гимпельсон Е.Г. Путь к однопартийной диктатуре // Отечественная история. 1994. № 4-5. С.105.
[32] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. С.72-73.
[33] Там же. С.72.
[34] Там же. С.72.
[35] Там же. С.76.
[36] Там же. С.83.
[37] В последствии эта версия истоков фракционности в РКП (б) получила развитие в зарубежной социологии, в частности, в работах американского советолога С. Плосса. (Ploss S. Conflict and Decision-Making in Soviet Russia. Princeton, 1965).
[38] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. С.118-119.
[39] Авторханов А. Указ. соч. С.198.
[40] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. С. 324. В свете подобных высказываний становится понятным заявление представителя группы «демократического централизма» И.М. Варейкиса о том, что «московские «верхи» трясутся как осиновый лист, перед «рабочей оппозицией» (Десятый съезд РКП (б). Март 1921года: Стен. отчет. С. 286).
[41] Там же. С.136.
[42] Там же. С.137.
[43] Там же. С.225.

[44] Там же. С.301.
[45] Там же. С.260.
[46] Там же. С.644-656.
[47] Там же. С.329.
[48] Там же. С.318.
[49] Там же. С.298.
[50] Там же. С.334.
[51] Там же. С.368.
[52] Там же. С.347.
[53] Там же. С.351.
[54] Верт Н. История Советского государства. 1900 –1991: Пер. с фр. 2-е изд. М., 1999. С.155.
[55] Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. С.359.
[56] Там же. С.358.
[57] Там же. С.399.
[58] Кружинов В.М. Указ. соч. С. 281.
[59] КПСС в резолюциях ...Т. 2. С.340.
[60] Там же. С.334-337.
[61] Там же. С.337-340.
[62] Врачев И.Я. Указ. соч. С. 137.
[63] Schapiro L. The origin of the Communist Autocracy. Political opposition in Soviet State: first phase, 1917-1922. New York – Washcington, 1965. P. 277.
[64] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С.128.
[65] Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов (Октябрь 1917-1937). М., 1976. С.145.
[66] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 гг. М., 1963. С. 529.
[67] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. М., 1961. С.263.
[68] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 гг. Там же.
[69] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.262.
[70] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 гг. С. 530.
[71] Известия ЦК РКП (б). 1921. № 32. С.2.
[72] Там же. С.1-2.
[73] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 гг. С. 531.
[74] Там же.
[75] Известия ЦК РКП (б). 1921. № 32. С.2.
[76] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.281.
[77] РГАСПИ. Ф.5. Оп.2. Д.346. Л.23.
[78] Там же. Л.18-18 об.
[79] Там же. Л.32.
[80] Там же. Л.13.
[81] ЦАОДМ. Ф.67. Оп.1. Д.171. Л. 15.

[82] Ходаков Г.В. Дискуссия в РКП (б) о профсоюзах (1920-1923 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1992. С.16.
[83] Чечевишников А.Л. Партия и профсоюзы: кризис отношений // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5. С.175.
[84] РГАСПИ. Ф.5. Оп.2. Д.346. Л.32.
[85] Там же. Ф.99. Оп.1. Д.7. Л.12.
[86] Там же. Л.13.
[87] Там же.
[88] Там же.
[89] Там же. Л.16.
[90] Там же. Л.14.
[91] Там же. Л.17.
[92] Там же.
[93] Там же.
[94] Микоян А.И. В начале двадцатых... М., 1975. С. 121.
[95] ГОПАНО. Ф.1. Оп.5. Д.2097. Л.10.
[96] ЦДООСО. Ф.1494. Оп.1. Д.26. Л.7-7об.
[97] ЦАОДМ. Ф.67. Оп.1. Д.171. Л.15.
[98] Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов (Октябрь 1917-1937). М., 1976. С.145.
[99] Микоян А.И. Указ. соч. С. 119.
[100] ГОПАНО. Ф.31. Оп.1. Д.216. Л.31.
[101] Бюллетень 4-й Всесибирской конференции РКП (б). Новониколаевск, 1921. № 1. С. 6.
[102] Там же. С. 7.
[103] ЦАОДМ. Ф.67. Оп.1. Д.171. Л.16.
[104] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 71. Д.77. Л.1.
[105] Там же.
[106] Там же. Л.3
[107] Там же.
[108] Там же.
[109] Там же. Л.2.
[110] Там же.
[111] Там же. С.12.
[112] Там же. С.11.
[113] Отчет комиссии XI съезда РКП (б). Материалы по вопросу о группе «рабочей оппозиции» на XI съезде РКП (б). М., 1922. С.10.
[114] Дмитренко С.Л. Указ. соч. С.146.
[115] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.2. Д.9. Л.81.
[116] Там же. Ф.64. Оп.1. Д.78. Л.14.
[117] Там же. Ф.3. Оп.2. Д.9. Л.81.
[118] Там же. Ф.64. Оп.1. Д.78. Л.14
[119] Дмитренко С.Л. Там же.

[120] Правда. 1921. 1 июня.
[121] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.2. Д.9. Л.81.
[122] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.646.
[123] Там же.
[124] Отчет комиссии XI съезда РКП (б). Материалы по вопросу о группе «рабочей оппозиции» на XI съезде РКП (б). С.10.
[125] РГАСПИ. Ф. 17. Оп.71. Д.81. («Программа Центральной группы «Рабочая правда»)
[126] Там же. Л.9.
[127] Там же.
[128] Там же.
[129] Там же. Л.10 об.
[130] Ярославский Ем. «Рабочая оппозиция», «Рабочая группа», «Рабочая правда». М.; Л., 1927. С.63.
[131] Суслов А.Б. Борьба уральских организаций РКП (б) с мелкобуржуазными группами и течениями в 1919 –1927 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Пермь, 1989. С. 119.
[132] РГАСПИ. Ф.2. Оп.2. Д.826. («Докладная записка»)
[133] Дискуссионный материал. М.,1921. С.10.
[134] Там же. С.9-10.
[135] Кружинов В.М. «Дело» Г.И. Мясникова // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Вып. I. Тюмень, 1998. С.91.
[136] ГАНИОПДПО. Ф.620. Оп.1. Д.186. Л.6-7.
[137] Там же. Л.31-33; Д.5. Л.24-27.
[138] Дискуссионный материал. С.22.
[139] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С.79.
[140] Дискуссионный материал. С.32.
[141] ГАНИОПДПО. Ф. 620. Оп.2. Д.3. Л.34.
[142] ЦДООСО. Ф.41. Оп.1. Д.1143. Л.21-22.
[143] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С. 748-749.
[144] ГАНИОПДПО. Ф. 620. Оп.1. Д.194. Л.10.
[145] РГАСПИ. Ф.17. Оп.13. Д.749. Л.11-11об.
[146] Цит по: Дмитренко С.Л. Указ соч. С.147.
[147] Дмитренко С.Л. Указ соч. С.147.
[148] ГАРФ. Ф. 5469. Оп.17.Д.9. Л.1.
[149] Хрестоматия по истории СССР. 1917 –1945гг./ Под. ред. Э.М. Щагина. М., 1991. С.170.
[150] около 1,5 кг
[151] Россия нэповская. М., 2002. С. 25.
[152] Там же.
[153] Неретина Л.А. Организация государственной промышленности в 1921-1925 гг.: Принципы и тенденции развития // НЭП: приобретения и потери. М.,

1994. С.79.
[154] ГАРФ.Ф.5451. Оп.42. Д.29. Л. 1.
[155] Там же. Л.2.
[156] Там же.
[157] Цит по: Россия нэповская. С. 26.
[158] ГАРФ. Ф.5469. Оп.17. Д.9 Л.1.
[159] Там же. Д.3. Л.1-5.
[160] Там же. Д.9. Л.1.
[161] Там же.
[162] Там же.
[163] ЦАОДМ. Ф.63. Оп.1. Д.44. Л. 28-29.
[164] Там же. Л.28.
[165] Рабочая оппозиция. Материалы и документы. 1920-1926 гг. М., 1926. С. 91.
[166] Там же. С.49.
[167] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.748.
[168] ЦАОДМ. Ф.3. Оп.2. Д.11. Л.5.
[169] Там же. 5 об.
[170] Там же.
[171] Там же. Л.6.
[172] Там же. Л.6 об.
[173] Там же. Л.6.
[174] Там же. Д.13. Л.144.
[175] Там же. Л.143.
[176] Там же. Л.151.
[177] ГОПАНО. Ф.1. Оп.1. Д.1814. Л.2.
[178] Микоян А.И. Указ. соч. С. 134.
[179] Там же.
[180] Прохоренко И.А. Указ. соч. Л.96.
[181] Голанд Ю.М. // Знамя. 1990. №.3.
[182] См., например: Зевелев А.И. Истоки сталинизма. М.,1990; Историки отвечают на вопросы. Под ред. Н.Н. Маслова. М.,1988; Назаров О.Г. Борьба за лидерство в РКП (б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы: Дис. … докт. ист. наук. М., 2001; Наумов В.П. Ленинское завещание // Правда.1988. 26 февраля.
[183] Васецкий Н.А. Из истории внутрипартийной борьбы. Политический аспект. 1922-1925 гг. М., 1997. С.179.
[184] Там же.
[185] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.53. С.223.
[186] Там же. С.224.
[187] Суслов А.Б. Указ. соч. С.123.
[188] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.748-749.

[189] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.54. С.59.
[190] ЦДООСО.Ф.1494. Оп.1. Д.118. Л.87.
[191] Там же. Ф.1058. Оп.1. Д.1. Л.31.
[192] Там же. Л.32,34.
[193] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С. 155.
[194] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С.131.
[195] Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири. Вып. I. Ч. I. Новосибирск, 1994. С. 102.
[196] Рабочий путь (Омск). 1922. 7 февраля.
[197] Олех Г.Л. Указ. соч. С.101.
[198] Там же. С.102.
[199] Рабочий путь. 1922. 28 января.
[200] Там же. 7 февраля.
[201] Конфликт связан с обращением в Коминтерн 22-х коммунистов, многие из которых поддержали программу «рабочей оппозиции» в период дискуссии о профсоюзах.
[202] Цит по: Демидов В.В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г. – декабрь 1929 г.): Дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1997. С.208.
[203] Там же.
[204] См., например: Мельников В.П. Областные бюро ЦК РКП (б): Из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920-1925). М., 1981; Очерки истории Омской областной организации КПСС. Омск, 1987.
[205] Олех Г.Л. Указ. соч. С.120.
[206] Там же.
[207] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С. 829.
[208] Там же. С. 748.
[209] Демидов В.В. Указ. соч. С.200.

Глава 3.
Поражение «рабочей оппозиции»

В историографии можно выделить несколько точек зрения по вопросу о времени прекращения существования «рабочей оппозиции». Е.Г. Гимпельсон [1], В.Г. Джанашия [2] связывают это событие с X съездом РКП (б), Ц.С. Петросян [3], С.Н. Канев [4] – с XI партийным съездом. М.С. Зоркий [5], К.И. Шелавин [6] доводят историю «рабочей оппозиции» до 1926 г., в то время как М.М. Вассер [7] - до момента исключения А.Г. Шляпникова и С.П. Медведева из партии в 1933 году.

Столь широкий разброс мнений связан как с политической конъюнктурой, требовавшей от историков удлинить, или, наоборот, сузить историю существования группировки, так и с тем, что процесс ее распада происходил постепенно. Так, с принятием резолюции «О единстве партии» большая часть «шляпниковцев» отказалась от некоторых основных положений своей платформы, в частности, от требования передать управление промышленностью Всероссийскому съезду производителей. Следующий шаг на пути ликвидации группы связан с IV Всероссийским съездом союза рабочих-металлистов, повлекшим за собой значительное ослабление организационного центра «рабочей оппозиции» и последующему разрыву связей с местами. Таким образом, к XI съезду РКП (б) группа А.Г. Шляпникова представляла собой скорее узкую группу единомышленников, чем внутрипартийную фракцию.

На наш взгляд, окончательное поражение «рабочей оппозиции» тесно связано с событиями XI съезда РКП (б) и конфликтом, произошедшим накануне. Речь идет о заявлении 22-х коммунистов в Коминтерн, подписанном сторонниками А.Г. Шляпникова, к которому позже присоединились А.М. Коллонтай и З. Шадурская. Следует отметить, что эпизод с «заявлением 22-х», ставший кульминационным моментом в истории «рабочей оппозиции» после X

съезда РКП (б), слабо освещен в отечественной историографии. Вопросы, связанные с причинами и историей появления этого документа, советскими исследователями практически не разрабатывались и рассматриваются автором данной работы впервые.

Собрание, на котором в конце февраля 1922 г. было составлено обращение в Коминтерн, представляло собой совещание с целью обсуждения вопросов предстоящего V Всероссийского съезда профсоюза рабочих-металлистов [8]. Это обстоятельство объясняет присутствие на нем региональных представителей ВСРМ, а также то, что более половины коммунистов, подписавших «заявление 22-х» [9], являлись членами этого профсоюза. По сведениям Г. Бруно, одного из подписавших обращение в Коминтерн, собрание проходило на Государственном машиностроительном заводе (ГОМЗ), где обсуждался «целый ряд вопросов хозяйственного, союзного и финансового характера, которые перед съездом нужно было рассмотреть, и обменяться мнениями» [10]. Затем «пришел Лобанов и другие работники профсоюза металлистов. Многих я не знал, – вспоминал Г. Бруно. Сначала мы разбирали вопросы профессиональные, но одновременно всплыл вопрос партийный. Приводились факты разгона, ссылки целого ряда работников» [11]. В тот момент, когда, по словам А. Толоконцева, началась «критика руководящих органов и губкомов», А.Г. Шляпников предложил написать заявление [12].

Составленный документ содержал резкую критику внутрипартийного режима. В нем «объединенные силы партийной и профессиональной бюрократии» обвинялись в том, что их «опека и давление доходит до того, что членам партии предписывается под угрозой исключения и других репрессивных мер избирать не тех, кого хотят сами коммунисты, а тех, кого хотят игнорирующие верхушки». «Руководящие центры, – отмечалось в обращении, – ведут непримиримую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры. Стремление приблизить

пролетарские массы к государству объявляется «анархо-синдикализмом», а сторонники его подвергаются преследованиям и дискредитированию» [13].

Решение обратиться в Коминтерн одни сторонники А.Г. Шляпникова связывали с тем, что «вопрос глубоко партийный и его нужно поставить так, чтобы он не перешел в массы» [14]. Другие объясняли это иначе: «Еще на IV съезде металлистов был поставлен вопрос о подаче жалобы в Коминтерн. Он поднимался Медведевым. Тогда нашли это сумасбродством. А теперь как раз намечался съезд Коминтерна, где русская партия должна была сделать доклад и указать на ненормальности в нашей организации. Было написано коротенькое заявление и подписано присутствующими» [15]. Члены собрания единогласно поддержали составленное заявление. Однако подписали его не все. К примеру, Колесников отказался поставить свою подпись, ссылаясь на то, что он является молодым коммунистом и интеллигентом, а не рабочим. Вместе с тем, хотя подписавшие «заявление 22-х» и являлись по своему социальному происхождению рабочими, фактически относились уже к «непролетарской» социальной категории, преимущественно к управленцам крупнейших предприятий Республики [16]. Так, среди них были представители Центрального правления артиллерийских заводов, Главного правления объединения заводов среднего машиностроения, руководители Главметалла и Государственного машиностроительного завода.

26 февраля 1922 г. А.Г. Шляпников, С.П. Медведев, А.М. Коллонтай и другие авторы заявления обратились с ним в президиум исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ), который создал специальную комиссию в составе К. Цеткин (Германия), М. Кашена (Франция), Я. Фриса (Норвегия), В. Коларова (Болгария), К. Крейбиха (Чехословакия), У. Террачини (Италия), А. Мак-Мануса (Англия) для рассмотрения обвинений, выдвинутых против руководства РКП (б) [17]. Однако в свою очередь Политбюро ЦК РКП (б) поручило Г.Е. Зиновьеву и Л.Д. Троцкому разъяснить комиссии ИККИ «истинный характер этого заявления и допущенные в нем искажения

действительности», а также ознакомить ее с документами X съезда большевиков, запрещавшими «взгляды и фракционную работу тех товарищей, часть которых подписала ныне заявление» [18].

В русле этих «разъяснений» комиссия ИККИ допросила А.Г. Шляпникова и А.М. Коллонтай и констатировала нарушение ими партийной дисциплины. О характере допроса можно судить по тому, что его протокол не велся и составлялся позднее «по памяти», причем с использованием сведений, полученных неофициальным путем [19]. В связи с этим А.М. Коллонтай выразила протест против методов работы комиссии, которую она обвинила в «извращении наших слов, направленных против нас» [20]. А.М. Коллонтай, в частности, отвергла приписанные ей слова, что «когда рабочие бастуют, красноармейцы выполняют роль штрейкбрехеров» [21], заявив, что эта запись в протоколе допроса не соответствовала её действительным оценкам, данным комиссии.

Как и следовало ожидать, комиссия признала «жалобы 22 русских товарищей» необоснованными. В принятой резолюции, подтвержденной расширенным заседанием ИККИ, подчеркивалось, что выступление группы А.Г. Шляпникова с особым обращением противоречит постановлениям X съезда РКП (б) «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии». «Исполком серьезно предостерегает этих товарищей и ставит им на вид, что продолжение начатой борьбы должно будет привести к противоречию с РКП (б), ее задачами и интересами российского пролетариата»[22].

Выступая с «заявлением 22-х», его инициаторы рассчитывали «заставить ЦК проводить решения X съезда», «нажать на ЦК, через высший орган» [23]. Однако после осуждения их шага Коминтерном эта цель не была достигнута. Определенную роль в данной ситуации сыграли изменения, произошедшие в партии после X съезда РКП (б) и отказ значительной части сторонников «рабочей оппозиции» от своих взглядов или открытых выступлений.

Показательно, что под «заявлением 22-х» поставили подписи лишь 9 из 38 коммунистов, подписавшихся под платформой А.Г. Шляпникова в период дискуссии о профсоюзах. Как подметил в этой связи В.М. Молотов, «внутри прежней основной фракции нет не только ни складу, ни ладу, но нет и твердой уверенности в действиях и в том, чего они хотят» [24].

Действительно, нужно констатировать, что, приступая к новому раунду борьбы, «шляпниковцы» не сумели сплотить вокруг себя даже остатки своих былых сторонников: команду И.Е. Потемкина, «Рабочую правду»; к ним присоединились лишь единомышленники Г.И. Мясникова – Н.В. Кузнецов, А.И. Медведев, Г.К. Шоханов. Однако и между ними, как уже упоминалось, имелись серьезные разногласия.

Напротив, ленинское большинство сумело скоординировать свои действия с целью окончательной ликвидации «рабочей оппозиции». Так, несмотря на то, что по «делу 22-х» уже имелось решение Коминтерна – формально высшего коммунистического органа, Центральная контрольная комиссия приступила к собственному расследованию обстоятельств «выступления 22-х», мотивируя этот шаг стремлением выяснить «какие основания были у товарищей предъявить обвинения» [25]. Большинство лиц, подписавших «заявление 22-х», отвечая на вопросы ЦКК, утверждали, что среди причин, толкнувших их к обращению в Коминтерн, стали репрессии против «рабочей оппозиции»: «разгон за инакомыслие работников Нижегородской губернии», «дело» Бауманского района, «дело» Мясникова и др. Особое возмущение допрашиваемых вызывала позиция ЦК РКП (б) во время IV Всероссийского съезда профсоюзов [26]. Причем член ЦКК А.А. Сольц, отвечая на подобные обвинения, заявил: «Когда большинство съезда металлистов хотело составить список ЦК (ВСРМ. – Т.С.) из «рабочей оппозиции», ЦК (РКП (б). – Т.С.) обязан был сказать свое решающее слово. Ему это приказал съезд партии» [27]. Неопровержимым доказательством виновности «шляпниковцев», по мнению ЦКК, являлась их связь с

«контрреволюционными элементами», под которыми имелся в виду подписавший «заявление 22-х» Г.И. Мясников, за несколько дней до обращения в Коминтерн исключенный из партии. «Мы знали, – объяснял А.Г. Шляпников, – что дело (Г.И. Мясникова. – Т.С.) разбирается, но не знали еще о том, что уже состоялось решение об исключении, и у него этого решения не было. Иначе он, конечно, не попал бы в эти подписи. Это так элементарно, что вряд ли нужно над этим задумываться» [28]. В то же время лидер «рабочей оппозиции» не согласился с решением Политбюро об исключении Г.И. Мясникова из РКП (б): «Мясников – пролетарий, каких у нас очень много, но надо с ними как-то иначе обращаться, а не выбрасывать за борт. Мы теперь потеряли влияние на него» [29].

Непредвзятый анализ материалов «расследования» ЦКК свидетельствует, что «заявление 22-х» не являлось результатом деятельности внутрипартийной подпольной организации. Большинство коммунистов, обратившихся в Коминтерн, были старыми большевиками и лично знали друг друга еще по дореволюционному подполью. Тем не менее, ЦКК констатировала, что «заявление 22-х» подготавливалось «заранее» и «в строгой тайне» [30], а коммунисты, подписавшие его, представляли собой организованную группу, имеющую руководящее ядро и «подчиненных». В этой связи А.А. Сольц утверждал, что «все подписавшиеся могут быть разделены на три группы»: организаторы (А.Г. Шляпников, А.М. Коллонтай, С.П. Медведев), «неустойчивые, чуждые партии» (Ф.А. Митин, Н.В. Кузнецов) и «все остальные товарищи, ...которые не противопоставляют себя партии, как это делает т. Медведев». Лиц, входивших в первую и вторую группы, он предлагал исключить из РКП (б) [31]. В ответ на призывы А.А. Сольца А.Г. Шляпников заявил: «Нужно ли говорить о том, что одиозный характер, который придали этому делу, не соответствует ни нашим намерениям, ни фактическому положению дел! Я самым решительным образом опротестовываю заявление т. Сольца и в свою очередь заявляю, что его обвинения ни на чем не основаны. Я думаю, что мне удастся доказать это... Никакой фракционности, никакой

специальной подготовки к этому так называемому «выступлению» не было» [32]. Лидер «рабочей оппозиции» также указывал, что «дело 22-х уже решено Коминтерном и разбору низших инстанций не подлежит» [33]. С.П. Медведев прямо заявил, что «он не может относиться с полным доверием к ЦКК, так как хотя она и выбрана съездом, но он, Медведев, ее не выбирал»[34].

Ряд сторонников «рабочей оппозиции», узнав о постановлении ЦКК, подали заявления солидарности со своими товарищами, указывая, что если съезд исключит их из партии, то «просим считать исключенными и нас», поскольку они «не видят ошибки в совершенном ими факте» и «не могут примириться, что в отношении одних подписавшихся вместе с ними предлагается одна мера наказания, а в отношении других – совершенно другая» [35]. Подобные заявления поступили от В. Бекренева, П. Борисова, Г. Бруно, И. Иванова, Полосатова, М.И. Челышева и Г.К. Шоханова [36]. Однако эти документы не дали ожидаемого результата и были использованы ЦКК в качестве доказательства существования фракции [37].

Таким образом, решение Коминтерна по «делу 22-х», по сути, санкционировало открытые репрессии против сторонников А.Г. Шляпникова. Наиболее жесткие меры были приняты по отношению к «бунтовщикам» из ВСРМ. Возможно, глубже других причину этого объяснили авторы «Социалистического вестника», утверждавшие, что «фактически под «заявлением 22-х подписалось свыше 400 человек, преимущественно металлистов» [38]. Действительно мысли, высказанные сторонниками А.Г. Шляпникова в Коминтерне, находили поддержку среди членов профсоюза металлистов. Так, в марте 1922 г. в «Известиях Сиббюро ЦК РКП (б)» была опубликована статья А.Л. Шифреса, в которой утверждалось, что «партия не в должной мере укрепляет связи с пролетарскими массами, ведет дискуссию о подъеме промышленности только с точки зрения барыша, увеличиваются при нэпе извращения в «верхах» и т.д.»[39].

Для давления на колеблющихся работников ВСРМ коммунистическая фракция V Всероссийского съезда союза принимает в начале марта 1922 г. резолюцию, осуждавшую выступление 22-х [40]. В свою очередь последовательные сторонники «рабочей оппозиции» выдвинули на съезде проект тезисов «Организационные задачи союза металлистов в области организации производства в связи с новой экономической политикой» [41]. Разъясняя их основное содержание, С.П. Медведев говорил: «Для того чтобы оградить прямые интересы рабочих на государственных предприятиях нужно усилить роль и влияние нашего союза металлопромышленности и союзов вообще» [42].

Мы уже отмечали, что еще осенью 1921 г., эти тезисы были приняты коммунистической фракцией ВСРМ. Однако на этот раз ленинцы подвергли их жесткой критике, а один из них, Гуревич, даже обвинил С.П. Медведева в том, что тот выступает за сохранение старых форм профессиональной работы, в то время как введение новой экономической политики предполагает изменение роли профсоюзов в управлении производством [43]. Позиция ЦК РКП (б) по вопросу о формах и методах работы профсоюзов в новых условиях была изложена И.И. Лепсе, который подчеркивал, что «ни в коем случае союзы не могут вмешиваться в дело управления» [44]. На предварительном обсуждении тезисов И.И. Лепсе в ЦК ВСРМ они получили 12 голосов, в то время как тезисы «рабочей оппозиции» – 10 [45], что со всей определенностью говорит о неустойчивости позиций как сторонников А.Г. Шляпникова, так и их оппонентов в руководстве профсоюза металлистов. Вместе с тем V Всероссийский съезд ВСРМ после бурных дебатов большинством в 149 голосов против 99 принял тезисы ЦК РКП (б) [46]. Ситуация особенно накалилась при выборах нового состава ЦК ВСРМ, когда с небольшим перевесом (99 голосов против 84) прошел список Центрального комитета партии [47], а предложение А.Г. Шляпникова сформировать ЦК металлистов на пропорциональной основе было отклонено. Примечательно в связи с этим заявление М.П. Томского: «ЦК

ВСРМ должен быть единообразным,... т. Шляпников знает, он старый большевик. Точно так же, когда мы были вместе с меньшевиками, и когда на съездах меньшевики предлагали пропорциональность, мы говорили, что мы против этого, мы стоим за то, кто кого побьет» [48]. Вот как данную ситуацию комментировал корреспондент «Социалистического вестника»: «Большинство на съезде получилось лишь благодаря различным махинациям. Так, например, Донецкий район послал большинство делегатов из оппозиции, тогда губком союза металлистов аннулировал выборы и сам назначил делегатов. Тоже произошло по Московской губернии и области» [49].

В результате господствующая в партии фракция вытеснила сторонников А.Г. Шляпникова из руководящего органа профсоюза металлистов и добилась осуждения V Всероссийским съездом ВСРМ «заявления 22-х», сыграв определенную роль в формировании партийного мнения.

Еще одним обстоятельством, оказавшим значительное влияние на отношение рядовых партийцев к обращению в Коминтерн, стала публикация 7 марта 1922 г. резолюции Пленума ИККИ и информации о «заявлении 22-х» в центральной печати [50]. Одновременно Центральный комитет РКП (б) поручил Секретариату «сообщить всем губкомам текст обращения 22 товарищей к Коминтерну и постановление Политбюро ЦК» [51]. В результате обращение в Коминтерн получило широкую огласку, в том числе среди беспартийных. Хотя сторонники А.Г. Шляпникова всячески пытались избежать подобного развития событий. «Обращаясь к вам с волнующими нас вопросами, мы хотим избежать дискуссии и связанных с ней последствий, могущих ослабить в современной обстановке нашу партию, а также обвинение в создании предсъездовской «платформы», фракционности и т.д.», – так А.Г. Шляпников объяснял мотивы, которыми руководствовались составители «заявления 22-х», направляя этот документ в Коминтерн [52]. Напротив, ленинское руководство в сложившейся ситуации стремилось привлечь внимание партийных «низов», которые не могли не учитывать решение формально высшего коммунистического органа.

В связи с распространением в печати сведений о выступлении 22-х, А.Г. Шляпников обратился с заявлением в ЦК РКП (б). В нем отмечалось: «В виду того, что обращение в Коминтерн по вопросам наших внутрипартийных ненормальностей приняло характер «процесса рабочей оппозиции», довожу до сведения всех членов ЦК, что обращение не имеет под собой организационной фракции». В заявлении также категорически опровергался «тот характер, который придан некоторым моим ответам на вопросы комиссии»[53]. Одновременно появляются статьи в защиту сторонников А.Г. Шляпникова. Так, Н.В. Копылов, выступив в «Дискуссионном листке» к газете «Правда», расценил публикацию текста «заявления 22-х» и резолюции Коминтерна как «подталкивание к уходу из партии...» [54]. Он также заявил, что «достойны сурового осуждения товарищи, умышленно пытающиеся подменить борьбу с теми, кто марает славное революционное знамя РКП борьбой с самой РКП» [55]. В статье «К чему мы идем?» С. Коршунова, в том же «Дискуссионном листке», указывалось, что создавшаяся ситуация может привести «к узкой диктатуре, диктатуре одного лица» [56].

Несмотря на эти и другие протесты, «заявление 22-х» с сопровождающими его негативными комментариями вслед за центральной печатью стала публиковать местная пресса, причем, как правило, в измененной редакции. Так, 9 марта 1922 г. «Советская Сибирь» поместила информацию о выступлении 22-х и статью Е.М. Ярославского «За единство», в которой утверждалось, что «ЦК после X съезда РКП (б) решительно боролся против фракционности в партии, но лидеры «рабочей оппозиции» не смирились с поражением в профдискуссии и продолжали беспринципные атаки на линию партии». Их апелляцию Е.М. Ярославский квалифицировал как «новую попытку внести разложение и раскол в РКП (б)», подчеркнув, что каждая партийная организация обязана дать «должную оценку этому дезорганизаторскому шагу» [57]. «Мы ни на минуту не сомневаемся, – утверждалось 23 марта 1922 г. в газете «Красный Алтай», что от 22

неустойчивых, шатающихся товарищей отмахнется каждый рядовой рабочий-коммунист» [58]. Работник одной из районных организаций Омска сообщал: «По поводу 22-х «шляпниковцев» единодушное партийное негодование. Все делегаты настроены так, что если вопрос об исключении некоторых зарвавшихся генералов из числа 22-х не будет поставлен на съезде, то делегаты с мест, вероятно, потребуют поставить этот вопрос в повестку дня» [59].

В результате, «заявление 22-х» осудило подавляющее большинство организаций РКП (б) [60]. Однако, несмотря на активное давление партийных «верхов», отдельные группы коммунистов как в центре, так и в провинции высказались в защиту авторов обращения в Коминтерн. К примеру, на собрании ячейки металлистов Замоскворецкого района Москвы «заявление 22-х» поддержали 40 человек при 56 против [61]. Отказались осудить выступление 22-х 9 из 126 участников заседания секретарей ячеек Городского района столицы (6 марта 1922 г.) [62].

В Нижегородской партийной организации на собрании членов РКП (б) железнодорожного участка, состоявшемся 13 марта 1922 г., 54 голосами против 8 была принята резолюция за присоединение к «заявлению 22-х» [63]. В ней утверждалось, что «все болезненные явления в нашей партии, изложенные в письме 22-х товарищей, действительно существуют». «Сам ЦК, – отмечалось далее, – своим постановлением и бестактной передовицей в газете «Правда» от 7 марта 1922 г., не разбирая письма по существу, обзывает подписавшихся анархо-синдикалистами и рабочей оппозицией, подтверждает заявление авторов письма» [64]. Характерно, что заседание проходило в резко полемической атмосфере и закончилось в 3 часа утра пением Интернационала.

XIII Нижегородская губернская конференция (19-21 марта 1922 г.) осудила обращение в Коминтерн [65]. Однако состоявшееся после этого повторное собрание коммунистов железнодорожного участка (22 марта 1922 г.) подтвердило свое первоначальное решение, одобрявшее обращение в Коминтерн. М.П. Томский сделавший на этом собрании доклад «о заявлении

22-х», пытался доказать коммунистам, что они «неправильно присоединились к группе 22-х товарищей, не разобравшись в столь важном вопросе, который может принести величайший вред всему рабочему движению». Он предложил «пересмотреть данный вопрос и вынести соответствующее решение» [66]. Несмотря на призывы М.П. Томского, 43 коммуниста высказались за подтверждение принятого ранее постановления и только 27 проголосовали против. В резолюции собрания говорилось: «Заявление 22-х» считаем правильным и своевременным» [67]. Возможно, этот эпизод стал решающим в принятии Центральным комитетом партии постановления в отношении председателя Нижегородского губкома А.И. Микояна, который был отозван в распоряжение ЦК РКП (б) и затем направлен на Северный Кавказ, где стал работать секретарем Северокавказского крайкома партии [68].

На Урале «письмо 22-х» активно поддержала часть коммунистов Пермской губернии. Так, Мотовилихинская парторганизация, в марте 1922 г. насчитывающая 375 человек [69], приняла резолюцию, одобрявшую «заявление 22-х» [70] и рекомендовавшую направить на предстоящий XI партийный съезд старого большевика Корякина, который, не скрывая своих убеждений, заявлял, что «он присоединился бы к подписавшимся 22, если бы был в Москве» [71].

В Сибири аналогичную позицию занял ряд членов Омской организации РКП (б). По информации Сиббюро, сторонники «рабочей оппозиции» в городе угрожали, что «в случае осуждения XI съездом «заявления 22-х» они вместе с большинством рабочих выйдут из партии» [72]. Сиббюро также сообщило в ЦК, что «деятельность руководящих работников Омского губкома в марте 1922 г. выразилась, главным образом, в выступлениях на районных партийных собраниях с пропагандой «идей своеобразной демократии. В этих выступлениях «рабочая оппозиция рекламировалась как революционное левое крыло РКП (б), а ленинский Центральный комитет и сплоченная вокруг него партия представлялись в качестве правого крыла, которое начинает разлагаться… » [73].

Выступления в защиту «заявления 22-х» имели место и в других партийных организаций Сибири. Так, на собрании ячеек Свердловского района Иркутска 19 апреля 1922 г. в поддержку манифеста группы А.Г. Шляпникова высказалось 5 членов партии, оценивших обращение к Коминтерну как «фактический протест массы с мест» [74]. Большевик Пророков на заседании политруков ячеек Иркутского горуездкома РКП (б) назвал заявление 22-х здоровым явлением. В этой связи президиум Иркутского губкома принял решение «поставить Пророкову на вид за марксистски невыдержанную речь» [75]. Томский губком РКП (б) в информационном отчете за апрель 1922 г. сообщал, что в губернской организации наблюдались случаи воздержания от голосования резолюций, выражающих одобрение линии ЦК, что мотивировалось согласием с точкой зрения оппозиции. В Вокзальном районе Новониколаевска один член РКП (б) подал заявление о выходе из партии, солидаризируясь с группой А.Г. Шляпникова [76]. Всего «заявление 22-х» поддержали, по нашим расчетам, около 600 партийцев, что составило 0,1 % от общего количества коммунистов.

В работах историков советского периода «заявление 22-х» оценивалось односторонне и крайне негативно. Оно называлось «лживым документом» [77] и «клеветой на партию»[78]. Современные исследователи во многом отказались от подобных крайностей. Так, В.В. Демидов считает, что обратившиеся в Коминтерн стремились заручиться поддержкой зарубежных коммунистов накануне XI съезда РКП (б). В.П. Наумов полагает, что «отсутствие В.И. Ленина с декабря 1921 г. в Политбюро, Центральном комитете заметно повлияло на стиль работы этих органов, на отношение к членам ЦК, к коммунистам» [79]. Это обстоятельство, по его мнению, явилось одной из причин выступления 22-х в феврале 1922 года. Действительно, «заявление 22-х» во многом было вызвано ужесточающимися репрессиями против сторонников «рабочей оппозиции» после X съезда РКП (б). Однако, на наш взгляд, не вполне справедливо связывать усиление репрессивной тенденции во внутренней жизни партии исключительно с болезнью В.И. Ленина и

упрочнением позиций И.В. Сталина в ЦК РКП (б). Достаточно сказать, что впервые вопрос об исключении А.Г. Шляпникова из партии был поставлен В.И. Лениным еще в августе 1921 года.

Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что «между «делом 22-х» и последующим избранием на пост генсека связь весьма тесная» [80]. По их мнению, назначение И.В. Сталина на пост генерального секретаря в значительной степени зависело от его позиции в отношении конфликта, связанного с «заявлением 22-х», предшествовавшего выборам нового состава ЦК. «Для борьбы с подобного рода явлениями, – считает О.Г. Назаров, – партийной верхушке требовался боец с железной волей, ясным умом и мертвой хваткой» [81]. С точки зрения А.Б.Улама, «все члены правящей олигархии, не исключая Троцкого, с бьющимся сердцем думали о том, что в Политбюро и ЦК их могут сменить шляпниковы, осинские, сапроновы и другие – недавние защитники тех неуправляемых демократических течений, которые начали распространятся в партии после гражданской войны. Им казалось, что только Сталин стоит между ними и этой олигархической толпой» [82].

На наш взгляд, обращение сторонников А.Г. Шляпникова в Коминтерн являло собой одну из попыток сопротивления бюрократическим методам руководства в РКП (б). Вместе с тем, подписавшие «заявление 22-х» стремились отстоять интересы определенной группы коммунистов, не нарушая при этом партийных норм. Однако подобная позиция заранее была обречена на поражение, поскольку резолюция X съезда РКП (б) «О единстве партии» была направлена как раз на то, чтобы блокировать подобные явления. Неудивительно, что обращение в Коминтерн не только не привело к расширению внутрипартийной демократии, как того хотели сторонники А.Г. Шляпникова, но подтолкнуло высшее партийное руководство сделать окончательный выбор в пользу дальнейшего укрепления командно-директивного режима в партии и государстве.

В то же время выступления в поддержку «рабочей оппозиции» отдельных групп коммунистов в центре и на местах оставляли ей надежду, пусть и минимальную, что XI партийный съезд переломит неблагоприятную для них ситуацию. Так, 40 коммунистов-металлистов Замоскворецкого района Москвы внесли на собрание своей организации резолюцию, в которой говорилось: «XI съезд нашей партии должен поставить во всей широте вопросы партийного строительства, привлечения рабочих масс в нашу партию, осуществления рабочей демократии внутрипартийной жизни» [83]. Один из представителей Черемховской организации (Сибирь) отмечал: «Верю в Ильича, знаю, что XI съезд скажет свое веское слово, партийная мысль с новой силой забьется» [84]. На фоне этих настроений осуждение «заявления 22-х» не воспринималось «шляпниковцами» как окончательное поражение. Напротив, сложившаяся ситуация трактовалась ими как «обвинение за правду». К примеру, А.М. Коллонтай была уверена, что «если кто-либо пострадает за это заявление, масса примет это так, что пострадали за честное отношение к интересам партии» [85]. Однако в действительности события, связанные с выступлением 22-х, скорее говорили о том, что итоги предстоящего съезда в значительной степени предопределены.

На XI форуме большевиков представители «рабочей оппозиции» резко критиковали политику ЦК РКП (б) по вопросам внутрипартийной демократии. Так, А.Г. Шляпников возмущался тем, что «партия в целом как живой организм в политической жизни не участвует» [86], С.П. Медведев отмечал, что «уходят рабочие, годами работающие в рядах нашей партии, приносившие ей громадные услуги, жертвовавшие всем ради нее» [87], причем подобные настроения он объяснял следующим образом: «Лучшие партийные работники, подавая заявления в коммунистические ячейки о выходе, заявляют, что они чувствуют себя в нашей партии на положении голосующей куклы» [88]. Об этом же говорил Г.Н. Корзинов, считавший, что «члены партии и даже беспартийные сочувствующие заявляют, что нам важно быть членами партии не на бумаге, не

голосующими и не вьючными животными, а важно коллективно вырабатывать линию, которую наши партийные организации проводили бы в жизнь» [89].

Касаясь экономических вопросов, представители «рабочей оппозиции» выражали недоверие политике ЦК в отношении государственных предприятий и заграничных заказов. Так, А.Г. Шляпников утверждал, что крупная государственная промышленность в силу своей убыточности нуждается в более ощутимой поддержке со стороны властных структур. «Дело в том, – говорил он, – что конъюнктура рынка такова, что она бьет нас, мы не можем выдержать» [90]. Одновременно некоторые руководящие работники профсоюзов, проанализировав договоры на поставку промышленного оборудования из-за границы, пришли к выводу, что эти заказы крайне не выгодны Советской республике, поскольку «было переплачено более 122 тысяч рублей золотом» [91]. В результате, говорил А.Г. Шляпников, «при предоставлении Главметаллу в соответствующие сроки тех сумм, которые были выплачены за границей, наши заводы могли бы развернуть производство и выполнить огромное большинство заграничных заказов» [92].

В контексте таких заявлений «рабочая оппозиция» предложила на XI съезде собственный проект резолюции по докладу Центрального комитета партии, в котором указывалось, что «ЦК в своих взаимоотношениях с выборными центральными органами профдвижения неоднократно нарушал постановления X съезда» [93]. Для преодоления подобных фактов предлагалось «обеспечить безраздельное и глубокое влияние пролетарского авангарда – РКП (б) – на широкие рабочие массы и окончательно изжить внутреннюю разобщенность ЦК со всеми местными парторганами и с партией в целом» [94]. Одновременно сторонники А.Г. Шляпникова утверждали, что «в политике ЦК за протекший период не было уделено достаточно действительных забот, энергических мер, коммунистических сил и материальных средств для поднятия крупной государственной промышленности» [95]. Однако этот проект резолюции не получил ни одного голоса. И.И. Кутузов по этому поводу

недоумевал: «Почему, товарищи, вы, здесь сидящие, не говорите всю ту правду, что делается у вас? Почему не говорите? Когда вы ходите по кулуарам, вы все выкладываете сверху донизу, а здесь вы действуете по-военному, с указанием: «все обстоит благополучно» [96]. Возмущаясь тем, что члены партии «начинают друг друга бояться, начинают говорить шепотом, чтобы кто-нибудь не услыхал», И.И. Кутузов обратил внимание на факты давления руководящих «верхов» на партийную массу и считал, что результаты голосования не отражают реальных настроений делегатов съезда.

В свою очередь, руководство ЦК подвергло жесткой критике деятельность «рабочей оппозиции». В.И. Ленин оценил ее действия как «громадную опасность» и подчеркнул, что она «сеяла панику, мешала тому, чтобы отступление произвести дисциплинированно». «Если люди, – говорил он, – вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями – в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины» [97]. В ответ на эти обвинения А.Г. Шляпников заявил: «Если имеется в виду обращение 22-х в Коминтерн, то мы обратились не к армии маневрирующей (рядовым членам партии. – С.Т.), а в Коминтерн. Армия маневрирующая могла знать только через «Правду», а «Правду» редактируют назначенные от ЦК. И если этим они создали панику, то правильно: паникеров надо судить» [98]. Однако в данном случае В.И. Ленин был непоколебим. «В регулярной армии, – говорил он, – в таких случаях применяют пулеметы. Когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «Стреляй!» [99]. Все это свидетельствовало о том, что любые надежды на разумный компромисс большинства и оппозиции становились беспочвенными [100].

Правда, не все делегаты съезда являлись сторонниками жестких методов борьбы с оппозицией. Так, Н. Осинский утверждал, что в партии «установилась преувеличенная дисциплина», что «т. Ленин взял неверный тон», призывая «бить, расстреливать, подтягивать и т.д.» [101]. Такая «дисциплина», продолжал он, «дает возможность нашим центрам поступать слишком самовольно, и не

дает возможности самодеятельности членам партии. Надо перейти от чиновничьих методов, милитарной дисциплины на путь общественной деятельности для того, чтобы мобилизовать массу изнутри, сплотить, разбудить инициативу» [102].

Выступление Н. Осинского поддержал Д.Б. Рязанов, предложивший упразднить ЦКК, действия которой он считал явным нарушением принципов внутрипартийной демократии. «Для ее существования, – говорил Д.Б. Рязанов,– нет никакого основания. Она зародилась в минуту жизни трудную, и теперь, когда легче, можно ее отклонить» [103]. В.В. Косиор также утверждал, что резолюции X съезда Центральным комитетом в жизнь не проводились: «Система управления партией осталась той же бюрократической, той же приказной и до известной степени военной, какой она была во времена гражданской войны» [104]. В результате, по его мнению, сложилась ситуация, когда «установленный режим «ежовых рукавиц», ничего общего не имеет с действительной партийной дисциплиной и который у нас культивируется» [105].

Правильность линии ЦК была подвергнута сомнению и другими участниками съезда. Так, Стуков отмечал, что «своевременные указания на все наши дефекты, своевременная деловая критика – это отнюдь не паника», а «святая обязанность каждого члена партии, будь он рядовой коммунист или член ЦК. У нас создалась какая-то своеобразная привилегия, при которой т. Ленин может говорить даже на беспартийных съездах то, чего он не говорил перед ответственными работниками партии. Надо дать право и другим товарищам возможность свободно говорить внутри партии, не грозить этим людям каким-то проклятием…» [106].

Но эти и немногие другие критические высказывания буквально потонули в хоре голосов в поддержку ЦК, и сам В.И. Ленин, отвечая подавленным, но не сломленным оппонентам даже воскликнул: «Улучшение системы управления»?! Мы системы не имеем?! Пять лет лучшие силы уходили на то, чтобы создать эту систему! Эта система есть величайший шаг вперед» [107].

Его позиция указывала, что партийное руководство не только не собирается идти на какие-либо компромиссы, но и стремится, во что бы то ни стало окончательно ликвидировать «рабочую оппозицию». Так, хотя по «делу 22-х» уже имелось постановление ИККИ, большинство членов ЦК РКП (б) солидаризировалось с жесткими предложениями ЦКК об исключении из партии большой группы «шляпниковцев». С другой стороны ряд делегатов не разделял такую позицию. В итоге, 28 марта 1922 г. XI съезд РКП (б) создал комиссию из 19 человек, основной целью которой, по словам ее организаторов, являлось «более точное и объективное обследование «дела 22-х» [108]. Вместе с тем уже состав этой комиссии свидетельствовал об истинных ее задачах. Непосредственное участие в работе комиссии принимали И.В. Сталин, Ф.Э. Дзержинский, Г.Е. Зиновьев, Л.М. Каганович, С.М. Киров, А.А. Сольц, Е.М. Ярославский и другие последовательные противники «рабочей оппозиции». Анализ материалов допросов коммунистов, подписавших «заявление 22-х», позволяет утверждать, что главную свою задачу члены комиссии видели в том, чтобы доказать фракционный характер «заявления 22-х» и исключить оппозиционеров из РКП (б).

Уже на следующий день, 29 марта 1922 г., комиссия объявила, что «фракционность «рабочей оппозиции» доказана» [109], после чего 10 наиболее активных коммунистов, подписавших «заявление 22-х», подверглись новым безапелляционным и предвзятым допросам. К примеру, А.Г. Шляпникову был задан вопрос: «Несмотря на ваши категорические заявления, что у вас не было никакой специальной подготовки по собиранию подписей, можете ли вы и теперь (после того как ваше преступление доказано. – Т.С.) подтвердить то же самое» [110]. Ни один из допрошенных не признал своей вины и нарушения партийной дисциплины. Так, С.П. Медведев заявил: «У меня нет никаких оснований считать нашу линию анархо-синдикалистским уклоном и ошибкой»[111]. Несмотря на это, комиссия пришла к выводу, что «имеет дело не со случайно составленной группировкой, а с довольно фракционной

организацией»[112] и единогласно высказалась за исключение А.М. Коллонтай, Ф.А. Митина, С.П. Медведева, Н.В. Кузнецова и А.Г. Шляпникова[113] из партии. Данное решение рассматривалось как проект постановления XI съезда РКП (б)[114], указывая на то, что члены комиссии не сомневались в поддержке делегатов съезда.

Однако закрытое заседание XI съезда РКП (б), специально посвященное «делу 22-х», приняло несколько иное постановление[115]. С сообщением о работе комиссии выступил Д.З. Лебедь. Он заявил, что наиболее активная группа оппозиционеров состояла из 12 человек, связанных между собой «по старой революционной подпольной работе. …Что касается остальных десяти человек, то с ними они тесной связи не имели и пригласили их зная, что они примыкают к определенной группировке. Самый характер созыва совещания таков: во-первых, рассылка телефонограммами и личные приглашения и это еще больше подтверждает, что несомненно совещание было организованное…»[116]. Затем Д.З. Лебедь попытался доказать, что лица, подписавшиеся под «заявлением 22-х», систематически вели организационную фракционную работу и пытались установить связи с местами. Отвечая на эти обвинения, А.М. Коллонтай заявила: «Дело в том, что когда собираются близкие товарищи, то и то говорят между собой с опаской… Я нахожу, что страшного не было бы, если бы в партии была большая возможность обмена мнений»[117]. Для этого, считала А.М. Коллонтай, «прежде всего, необходимо оздоровить режим партии. Это главное и основное для того, чтобы исчезла маленькая группировка небольших верхов, которая по существу решает… Мы указывали, что резолюции X съезда о рабочей демократии необходимо проводить в жизнь»[118].

Обвинения во фракционности и тайной деятельности группы отрицал и А.Г. Шляпников: «Не было подпольной организации, … если бы мы захотели, то могли бы организовать, так как все с подпольным стажем работы»[119]. Он также заявил: «Если мы хотим единства, нельзя разъединять людей, потому что

они на X съезде вели или голосовали за такую-то линию. Поэтому делить членов, после того как принята резолюция о единстве, вредно. Это тактика раскольническая. Нам надо от этих путей, на которые мы становимся в разрешении вопроса о единстве, отказаться. Мы со своей стороны, я в частности, не дал никакого абсолютно повода за все время говорить о том, что я организую внутри партии ядро в целях ее раскола. Таких документов нет… Если вы думаете, что партию можно укрепить нашим исключением – делайте это»[120].

Происходившее на закрытом заседании съезда вызвало неоднозначную реакцию его участников. К примеру, один из делегатов заметил: «Вопрос очень важный, пахнет расколом, поэтому я предлагаю провести поименное голосование»[121]. В итоге, постановление об исключении из РКП (б) С.П. Медведева, Ф.А. Митина, Н.В. Кузнецова, А.М. Коллонтай и А.Г. Шляпникова поддержали 227 человек. В то же время за резолюцию В.А. Антонова-Овсеенко, предлагавшую оправдать обвиняемых и в корне изменить отношение к инакомыслящим в партии высказались 215 коммунистов[122]. Сам В.А. Антонов-Овсеенко заявил: «По отношению к нашей партии мы вправе требовать, чтобы было иное отношение к инакомыслящим. Это отношение должно быть иное, чем то, которое было необходимо, когда непримиримость оправдывалась обостренностью фракционной борьбы. Мы сейчас вышли из этого периода и можем решать вопросы с гораздо большей терпимостью»[123].

В выступлении Д.З. Мануильского отмечалось, что каждому члену партии тяжело, когда съезду «приходится судить фактически выдающихся заслуженных деятелей рабочего движения»[124]. О схожих настроениях вспоминал Л.М. Каганович: «было неприятно «допрашивать» и слушать выступление Коллонтай потому, что хоть мы и знали, что она долго до вступления в нашу партию была в рядах меньшевиков, но после вступления в партию ее горячие речи хорошего яркого оратора, особенно в 1917 году, и ее активная работа в женском движении вызывали симпатии к ней»[125].

В результате, хотя руководители съезда настаивали на решительном удушении критики и даже призывали «приклеить к 22-м еще кое-кого» [126], 225 голосами против 215 в постановление была внесена поправка, сохранявшая членство в партии А.М. Коллонтай, С.П. Медведева и А.Г. Шляпникова [127]. Таким образом, часть делегатов XI съезда РКП (б) не решилась пойти на исключение лидеров «рабочей оппозиции» из партии.

XI съезд принял резолюцию «О некоторых членах бывшей «рабочей оппозиции», в которой констатировалось, что сторонники А.Г. Шляпникова «неоднократно нарушая постановления X съезда, сохраняли и поддерживали нелегальную фракционную организацию внутри самой партии». «Рабочая оппозиция» обвинялась в сообщении Коминтерну сведений, «ложность которых установлена специальной комиссией», и в попытках «расколоть партию, находя лишь недостаточно созревшим момент для этого раскола» [128]. Резолюция требовала «присоединиться к решению ИККИ в отношении тт. Шляпникова, Медведева и Коллонтай» и поручить ЦК, в случае возобновления антипартийного поведения вышеупомянутых товарищей исключить их из партии. Съезд также постановил исключить из партии Ф.А. Митина как «злостного дезорганизатора» и Н.В. Кузнецова как «чуждого пролетариату элемента»[129].

В постановлении «Об укреплении и новых задачах партии» было особо подчеркнуто, что «беспощадным образом должны преследоваться склоки и «группировки». «Рабочая партия, осуществляющая диктатуру пролетариата, – провозглашалось в документе, – по-прежнему ни в коем случае не может допустить свободной организации сил, враждебных пролетарской революции»[130].

Таким образом, решения XI съезда РКП (б) свидетельствовали о закреплении курса, взятого на предыдущем форуме большевиков, на укрепление командно-административного режима в партии и государстве и

демонстрировали твердое намерение ленинской группы в ЦК РКП (б) этот режим сохранить.

XI съезд РКП (б) стал решающим для дальнейших судеб «рабочей оппозиции». Если после X съезда сторонники А.Г. Шляпникова еще надеялись на разумный компромисс с ленинцами и возможность защиты интересов партийного меньшинства, то после XI съезда такие надежды становились бессмысленными. В этих условиях дальнейшая деятельность «шляпниковцев» могла проходить только вне рамок большевистской партии, на что большинство членов «рабочей оппозиции», за исключением некоторых представителей леворадикального крыла, пойти не решилось.

После XI съезда РКП (б) происходит дальнейшее ужесточение командно-административного режима в правящей партии. Раньше других это ощутили те организации РКП (б), где накануне партийного съезда проявились оппозиционные настроения. Так, ЦК РКП (б) сформировал специальную комиссию в составе В.В. Куйбышева, В.М. Михайлова и А.А. Сольца, которая «расследовала» Омское «дело» и предложила отозвать из Омска членов губкома И.Е. Потемкина, Н.А. Максимова, Ф.М. Шемиса, П.Д. Алисова, В. Обелова, Христинина, близких к «рабочей оппозиции» [131]. Правда, эта мера спровоцировала волну протестов в городе, и в ЦК РКП (б) и Сиббюро ЦК стали поступать заявления с угрозами выхода из партии, причем их было так много, что по свидетельству И.Е. Потемкина, «конца подачи… не видать» [132]. В этих условиях ЦК РКП (б) поручил Сиббюро ЦК провести перерегистрацию омской организации «в целях очищения партии от элементов фракционности и разложения, не останавливаясь перед исключением членов президиума ряда районов» [133]. В соответствии с этой директивой, Сиббюро направило в Омск комиссию, которая проверила ячейки, подавшие коллективные заявления о выходе из РКП (б), и наложила партийные взыскания на инициаторов этой акции. Кроме того, был сформирован новый состав президиума Омского губкома. В него вошли семь человек, четверо из которых (Щербинин,

Парамонов, Михалевский, Звездов) рекомендовались Сибирским бюро, а трое (Криницкий, Куджиев, Баранов) – Секретариатом ЦК [134]. Вскоре после этого И.Е. Потемкин, Н.А. Максимов, Ф.М. Шемис были исключены из партии [135].

Кадровые перестановки, инициированные ЦК, коснулись Пермской организации РКП (б). Исключение Г.И. Мясникова из партии, а затем его арест вызвали серию протестов и массовые выходы из партии в Мотовилихе. С требованием восстановить Г.И. Мясникова в РКП (б) выступили ячейки инструментального, лафетного, орудийного, снарядного и электрического цехов Мотовилихинского завода, а затем и общезаводское партсобрание [136]. Чтобы локализовать протесты, прежде всего, были произведены изменения в составе Мотовилихинского райкома РКП (б). На собрании районной организации, состоявшемся 9 апреля 1922 г., большинством в 7 голосов был избран новый райком, все члены которого поддерживали Пермский губком. Параллельно в Мотовилихинскую партийную организацию переводятся не затронутые «мясниковщиной» коммунисты из других районов Перми. С одной стороны, они должны были восполнить потери, понесенные в результате выходов из партии, а с другой – «растворить» сторонников Г.И. Мясникова в партийной массе и ослабить их воздействие на жизнь организации [137].

Наряду с этими и другими мероприятиями «по оздоровлению беспокойной Мотовилихи», использовались и такие методы, как установление слежки за «мясниковцами», аресты и введение на территорию Мотовилихинского завода красноармейских патрулей для поддержания порядка [138].

В результате конфликт загонялся вглубь, а ситуация внешне стабилизировалась. Анализируя итоги 1922 г. и касаясь положения дел в Мотовилихе, Сомово и Сибири, ЦК РКП (б) отмечал, что здесь «уклонов политических, расхождений с партийной тактикой не отмечается… По имеющимся материалам видно, что во всех ячейках окончательно изжита

«рабочая оппозиция», а линия партии усваивается членами легко. Былые разговоры о «верхах» и «низах» прекратились» [139].

Однако, если большинство сторонников «рабочей оппозиции» прекратило свою деятельность, не желая остаться вне партии, то представителей леворадикального крыла этой группы такая перспектива не пугала. Отстраненность партийной массы от выработки важнейших политических решений, невозможность для рядовых коммунистов оказывать влияние на руководящие «верхи», свободно выражая свое мнение, толкали недовольные элементы внутри партии на создание конспиративных групп. Еще весной 1922 г. на общем собранием Мотовилихинской организации была принята резолюция, в которой отмечалось, что «не исключена возможность выхода из организации наиболее развитой части ее членов с тем, чтобы организовать самостоятельную группу РКП (б) на основаниях нашей коммунистической программы и постановления X съезда нашей партии» [140].

В этих условиях активизировалась работа «Рабочей правды», которая в начале 1923 г. создала в Петрограде свой ЦК, а в Москве – районный комитет[141]. Группе удалось наладить выпуск нелегальной литературы и установить связь с партийными ячейками некоторых предприятий Петрограда и Москвы. Так, по сведениям ГПУ, издания «Рабочей правды» были обнаружены на фабриках Четверикова, Новинской, Бумагопрядильной и Коломенском заводе Московской губернии. Вся литература была прислана из Петрограда в декабре 1922 года [142].

В начале 1923 г. по инициативе Г.И. Мясникова и Н. В. Кузнецова, ранее исключенных из РКП (б), в Москве образовалась «Рабочая группа РКП (б)». В числе ее участников были большевики с дооктябрьским партийным стажем М.К. Берзина, В.П. Демидов, В.И. Чадушкин, А.И. Медведев, И.И. Мах, М.Ф. Михайлов, а также молодые коммунисты-рабочие, всего около 200 человек [143]. В группе имелся свой «актив», составлявший около 30 человек [144]. Идейной платформой «Рабочей группы» стал «Манифест», написанный в феврале 1923 г.

Г.И. Мясниковым на основе его статьи «Больные вопросы» [145]. Основная мысль «Манифеста» выражалась в констатации положения о «перерождении» партийных «верхов» и, как следствие, нарастающей угрозе «превращения России в капиталистическую олигархию» [146]. Здесь же говорилось о необходимости передать управление промышленностью профсоюзам и установить свободу слова для рабочих «от монархистов до анархистов».

Время окончательной редакции «Манифеста» – апрель 1923 г. – один из активистов группы Н.В. Кузнецов характеризовал как начало «организационного раскола с партией» [147]. В этот же период было создано «Временное центральное организационное бюро» группы, которое занялось распространением «Манифеста» и налаживанием связей с низовыми партячейками. Вместе с тем с самого начала нелегальное образование оказалось в поле зрения ГПУ, и в конце мая 1923 г. лидер «Рабочей группы» был арестован. Вскоре его освободили и выслали за границу (в качестве сотрудника советского полпредства).

Однако оставшиеся на свободе единомышленники Г.И. Мясникова продолжали деятельность. Они сформировали Московское бюро, а также составили и распространили «Воззвание к пролетарской части РКП», в котором развивались основные идеи «Манифеста» и давалась оценка общей обстановки в партии и стране. Проведение в жизнь новой экономической политики при настоящих условиях, говорилось в «Воззвании», «только тогда может предотвратить нэп от превращения в новую эксплуатацию пролетариата,… когда рабочий класс... примет непосредственное участие в управлении капитализированными предприятиями пролетарского государства» [148]. Превращение пролетариата в правящий класс произойдет, по мнению составителей «Воззвания», «когда этот класс будет иметь свое общественное пролетарское мнение по всем вопросам текущего момента, когда он будет иметь возможность контролировать деятельность партии и органы

пролетарской власти путем широкого обсуждения всех вопросов в печати и на собрании» [149].

Члены «Рабочей группы» делали попытки объединиться с теми коммунистами, кто в период дискуссии о профсоюзах поддержал платформу «рабочей оппозиции», и с «Рабочей правдой». Однако наладить контакт удалось лишь с последними, поскольку А.М. Коллонтай, А.Г. Шляпников, Ю.Х. Лутовинов, С.П. Медведев и некоторые другие, с кем велись переговоры, отказались от этого предложения.

В августе 1923 г. у «мясниковцев» возникла мысль об организации «всеобщей политической стачки» [150]. Однако это обстоятельство дало повод властям произвести осенью 1923 г. арест представителей «Рабочей группы» и «Рабочей правды», общей численностью около 70 человек [151]. «Все помнят, – писал позже об этом событии Г.И. Мясников, – как в 1923 г. после самых свирепых расправ с пролетариями из «Рабочей группы РКП (б)», преступления которых состояли в том, что они выступили с критикой теории и практики бюрократии,… учинив свирепую, тайную, подвально-гепеускую расправу над ними, бюрократия заголосила о советской… пролетарской демократии» [152].

Таким образом, крайне радикальное крыло «рабочей оппозиции» было ликвидировано осенью 1923 г. Однако появление статей А.Г. Шляпникова и С.П. Медведева, связанных с внутрипартийными конфликтами 1924-1926 гг., подтолкнуло некоторых исследователей к заявлению о реанимации «рабочей оппозиции» [153] в середине 1920-х гг., хотя указанные публикации представляли собой исключительно индивидуальные выступления с критикой внутрипартийного режима и не свидетельствовали о существовании организации.

Позднее, в 1937-1939 гг., многие бывшие сторонники «рабочей оппозиции», к тому времени исключенные из партии, были расстреляны. Среди них: П.С. Борисов, М.К. Владимиров, Н.В. Копылов, С.П. Медведев, И.Н Перепечко, А.Л. Шифрес, А.Г. Шляпников и другие [154].

***

Проявлением недовольства политикой ленинского руководства РКП (б) и способом оказания на него давления с целью расширения внутрипартийной демократии стало «заявление 22-х» сторонников «рабочей оппозиции» в исполком Коминтерна. Однако высший коммунистический орган осудил выступление 22-х и продемонстрировал твердое намерение консервативного крыла большевистской партии во что бы то ни стало сохранить и укрепить командно-директивный режим. Сторонники А.Г. Шляпникова, скованные партийными постановлениями, отказались вовлечь в конфликт широкие массы партийцев, и это стало одной из основных причин неудачи их выступления в Коминтерне. Вместе с тем ленинское руководство, напротив, обратилось к партийной общественности и, используя имеющиеся административные ресурсы, оказало значительное влияние на формирование отрицательного партийного мнения относительно «заявления 22-х».

Основная угроза делу революции виделась рядовым коммунистам не в усилении централизации и бюрократизации власти, а в критике внутрипартийного режима со стороны авторов «заявления 22-х», что воспринималось как проявление фракционности. Данное обстоятельство во многом предопределило итоги XI съезда РКП (б) и дальнейшую судьбу «рабочей оппозиции».

Основная причина поражения «рабочей оппозиции» заключается в том, что ее программа была лишена прагматизма. Наряду с этим, распад «рабочей оппозиции» был обусловлен ее слабой организованностью и разобщенностью. Среди других обстоятельств, повлиявших на прекращение деятельности «рабочей оппозиции», стали мероприятия власти по локализации и подавлению оппозиционных настроений в РКП (б).

Ситуация, сложившаяся на закрытом заседании XI съезда РКП (б) свидетельствовала, что часть делегатов высказалась за изменение отношения к

инакомыслию в партии, в том числе и к сторонникам «рабочей оппозиции», и симпатизировала декларациям о расширении внутрипартийной демократии. Однако резолюции съезда говорили о том, что большая часть членов РКП (б) в итоге выбрала путь дальнейшего ужесточения командно-административной системы.

Полное устранение «рабочей оппозиции» с политической арены представляло длительный процесс и охватило период с февраля 1922 по сентябрь 1923 гг., который характеризовался бескомпромиссной позицией большинства ЦК и ужесточением методов, направленных против любой оппозиционности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. М., 1995. С.187.

[2] Джанашия В.Г. Ленинская критика анархо-синдикалистской концепции управления производством: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.,1990. С. 19.

[3] Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма // Идейный и организационный разгром «рабочей оппозиции» (1920-1922 гг.). М., 1966. С.453.

[4] Канев С.Н. Борьба партии против анархо-синдикалистского уклона. М., 1979. С.43.

[5] «Рабочая оппозиция». Материалы и документы 1920-1926 гг. М.; Л., 1926. С.20

[6] Шелавин К.И. Рабочая оппозиция. М. 1930. С. 44-45.

[7] Вассер М.М. Разгром анархо-синдикалистского уклона в партии // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 68.

[8] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.17. Л.36.

[9] Подсчитано по: РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.17. Л.18-48.

[10] Там же. Л.45.

[11] Там же.

[12] Там же С.37.

[13] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. М., 1961. С. 749.

[14] Там же. С.45.

[15] Там же. С.35.

[16] За исключением А.М. Коллонтай и З. Шадурской, которые не присутствовали на собрании в ГОМЗе.

[17] Там же. С.753.

[18] Там же. С. 752-753.

[19] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.14. Л.17.

[20] Там же. Л.15.

[21] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С. 752.

[22] Там же. С.751.

[23] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.14. Л.43.

[24] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.46.

[25] Там же. С. 174.

[26] РГАСПИ. Ф. 17. Оп.71. Д.3. Л.10.

[27] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С. 175.

[28] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.14. Л.44.

[29] Там же.

[30] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.176.

[31] Там же. С.177.

[32] Там же. С.186.
[33] РГАСПИ. Ф. 17. Оп.71. Д.3. Л.10.
[34] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С. 707.
[35] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.14. Л.11.
[36] Там же. Д.17. Л.5,18.
[37] Там же.
[38] Социалистический вестник. 1922. № 7. С.11.
[39] Цит. по: Демидов В.В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г. – декабрь 1929 г.): Дис. … докт. ист. наук. Новосибирск, 1997. С.191.
[40] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С. 752.
[41] ГАРФ. Ф. Р-5469. Оп.17. Д.3. Л.1-5.
[42] Там же. Л.4.
[43] Там же Л.5.
[44] Там же. Л.29.
[45] Там же. Л.1.
[46] Там же. Л.40-42.
[47] Там же. Л.44.
[48] Там же. Л.45.
[49] Социалистический вестник. 1922. № 7. С.11.
[50] Правда. 1922. 7 марта.
[51] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С. 751.
[52] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.17. Л.16.
[53] Там же. Ф.17. Оп.71. Д.3. Л.8.
[54] Дискуссионный листок. 1922. 24 марта. С.10.
[55] Там же. С.12.
[56] Там же. С.3.
[57] Советская Сибирь. 1922. 9 марта.
[58] Цит. по: Демидов В.В. Указ. соч. С.200.
[59] Рабочий путь (Омск). 1922. 6 апреля.
[60] Дмитренко С.Л. Указ. соч. С.152-153.
[61] ЦАОДМ. Ф.67. Оп.1. Д.171. Л.16 об.
[62] Там же. Д.134. Л.137.
[63] ГОПАНО. Ф.35. Оп.1. Д.442. Л.23-23 об.
[64] Там же.
[65] Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч.2. 1918-1941. Горький, 1966. С.98.
[66] Там же Л. 24 об.
[67] Там же. Л.24.
[68] Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч.2. 1918-1941. С.98.
[69] ЦДООСО. Ф.1494. Оп.1. Д.118. Л.87.
[70] Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С.113.

[71] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.17. Л.7.
[72] Цит. по: Демидов В.В. Указ. соч. С.325.
[73] Там же. С.324.
[74] Там же. С.331
[75] Там же.
[76] Там же.
[77] Канев С.Н. Борьба партии против анархо-синдикалистского уклона. С.66.
[78] Вассер М.М. Борьба коммунистической партии против антиленинской «рабочей оппозиции» и ее разновидности в первые годы нэпа (X –XII съезды партии) // Вестник Московского университета. 1957. № 4. С. 178.
[79] Наумов В.П. Александр Гаврилович Шляпников. (Страницы политической биографии). М., 1991. С.45.
[80] Назаров О.Г. Указ. соч. С.112.
[81] Там же. С.114.
[82] Цит. по: Сталин и сталинизм (Зарубежная литература). Вып.1. М., 1991. С.203.
[83] ЦАОДМ. Ф.67. Оп.1. Д.171. Л.16 об.
[84] Демидов В.В. Указ. соч. С.201.
[85] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.17. Л.14.
[86] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.102.
[87] Там же. С.119.
[88] Там же.
[89] Там же. С.466.
[90] Там же. С.105.
[91] Там же. С.108.
[92] Там же.
[93] Там же. С.161.
[94] Там же. 162.
[95] Там же С.161.
[96] Там же. С.451.
[97] Там же. С.24.
[98] Там же. С.109.
[99] Там же. С.23-24.
[100] Олех Г.Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию 1919-1924 гг. Новосибирск, 1992. С. 77.
[101] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.89.
[102] Там же.
[103] Там же. С. 181-182.
[104] Там же. С.126.
[105] Там же. С.128.
[106] Там же. С.101.
[107] Цит. по: Олех Г.Л. Указ. соч. С. 77.
[108] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С. 177.

[109] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.17. Л.8.
[110] Там же.
[111] Там же. Ф.48. Оп.1. Д.17. Л.15 об.
[112] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.702.
[113] Там же. С.710.
[114] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.17. Л.58.
[115] Там же. Д.14.
[116] Там же. Л.5.
[117] Там же. Л.20-21.
[118] Там же. Л.23.
[119] Там же. Л.42.
[120] Там же. Л.47-48.
[121] Там же. Л.80.
[122] Там же.
[123] Цит по: Назаров О.Г. Указ. соч. С.111.
[124] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.14. Л. 75.
[125] Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 2003. С.311.
[126] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.202.
[127] РГАСПИ. Ф.48. Оп.1. Д.14. Л. 82.
[128] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. С.579.
[129] КПСС в резолюциях… Т. 2. С. 533-534.
[130] Там же. С.502-507.
[131] Демидов В.В. Указ. соч. С.205.
[132] Там же. С.206.
[133] Там же.
[134] Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: Хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири. Вып. I. Ч. I. Новосибирск, 1994. С.113.
[135] Там же. С.117-118
[136] Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С.136.
[137] Там же. С.137.
[138] ЦДООСО. Ф.41. Оп.1. Д.135. Л.26,39.
[139] Итоги партийной работы за год. 1922-1923. М., 1923. С.154.
[140] ГАНИОПДПО. Ф.557. Оп.1. Д.8. Л.21-22.
[141] Там же. С.108.
[142] «Совершенно секретно»: лубянка – Сталину о положении в стране. Т1. Ч.2. М., 2001. С.497, 503.
[143] Сорин В. Рабочая группа («Мясниковщина»). М., 1924. С.112.
[144] Там же.
[145] Там же. С.109
[146] РГАСПИ. Ф.17. Оп.71. Д.4. Л.44 об. (Манифест Рабочей группы РКП (б)

[147] Сорин В. Указ. соч. С.109

[148] Цит. по: Олех Г.Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию 1919-1924 гг. Новосибирск, 1992. С. 106.

[149] Там же. С.107.

[150] Ярославский Ем. «Рабочая оппозиция», «Рабочая группа», «Рабочая правда». 2-е изд. М.; Л., 1927. С.48.

[151] Олех Г.Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию 1919-1924 гг. С. 112.

[152] Мясников Г.И. Очередной обман. Париж, 1931. С.18.

[153] «Рабочая оппозиция». Материалы и документы 1920-1926 гг. С.20; Шелавин К.И. Рабочая оппозиция. С.44-45; Вассер М.М. Разгром анархо-синдикалистского уклона в партии // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 68.

[154] РГАСПИ. Ф.17. Оп.71. Д.34.

Заключение

Поддержав большевистскую революцию 1917 г., рабочие России связывали с ней надежды на разрешение своих социальных проблем. Первые акты советской власти в сфере производства, введения рабочего самоуправления и нового трудового законодательства, казалось, соответствовали их вековым чаяниям. Опираясь на свои организации, в первую очередь профсоюзы, рабочий класс страны сумел взять под свой контроль национализированную промышленность и транспорт. Однако многочисленные противоречия, назревавшие в течение десятилетий, в сочетании с тяжелейшим экономическим кризисом, вызванным тремя годами войны, и политикой национализации не дали ожидаемых результатов и лишь обострили политическую и экономическую ситуацию. В этих условиях большевистские лидеры встали на путь ликвидации органов рабочего самоуправления и сделали ставку на растущий государственный аппарат.

С началом Гражданской войны и переходом к политике военного коммунизма этот процесс принял необратимый характер и выразился, в частности, в огосударствлении профсоюзов. На этой почве в большевистской партии складывается группа «рабочая оппозиция», воплотившая революционную традицию и протест части коммунистов против трансформации советской политической и хозяйственной системы.

Анализ деятельности «рабочей оппозиции» в РКП (б) позволяет выделить несколько этапов, характеризующих ее эволюцию в 1919-1923 гг.

Первый этап охватывает время формирования «рабочей оппозиции» (конец 1919 – март 1921 гг.) и может быть разбит на два периода: конец 1919 – осень 1920 гг. и осень 1920 – март 1921 гг. В рамках первого периода сложились основные идейные установки, элементы программы группы, появились лидеры, региональные представители. «Рабочая оппозиция» выдвинула требование организовать народное хозяйство под руководством

профсоюзов, при этом, опираясь на самоорганизацию масс, а не на командно-диррективные методы работы.

Второй период хронологически совпадает с дискуссией о профсоюзах, отразившей «разброс мнений» как в руководстве большевистской партии, так и в ее «низах». За различными позициями скрывались не только политические амбиции большевистских вождей, но и различные подходы к вопросу о методах связи правящей партии с массами, формах воздействия на них. Сторонники А.Г. Шляпникова выдвинули положение о профессиональных союзах как единственных ответственных организаторах народного хозяйства, а в качестве «первичных ячеек» предлагавшейся системы называли профсоюзные комитеты. Одновременно предлагалось восстановить внутрипартийную демократию, отказаться от командно-административных методов партийной работы. В период профсоюзной дискуссии происходит дальнейшая консолидация сторонников «рабочей оппозиции», состав которой расширяется за счет новых региональных групп. Руководящим центром группировки становится ЦК Всероссийского союза рабочих металлистов.

Дискуссия о профсоюзах завершилась первым крупным поражением «рабочей оппозиции», платформа которой, во многом, была лишена прагматизма и воспринималась в партийном сознании как утопичная и соответствующая интересам лишь узкой части профсоюзных работников. Это обстоятельство оказало существенное влияние на внутрипартийные процессы и результаты X съезда РКП (б), осуждавшего взгляды группы как «анархо-синдикалистские» и запретившего фракции в партии. В период дискуссии и особенно после X съезда РКП (б) происходит вытеснение сторонников «рабочей оппозиции» из руководящих партийных и профсоюзных органов. На этом фоне начинается распад группировки, сокращается ее численность. Заметную роль сыграли и репрессивные меры со стороны ленинской фракции, давившие на партийную массу, привыкшую следовать за авторитетным

мнением большевистских вождей. В региональных партийных организациях этот факт имел определяющее значение.

Проделанный нами анализ показал, что формирование «рабочей оппозиции» в разных регионах, а также отраслях промышленности Советской России шло не равномерно. Наиболее активно этот процесс протекал в центре России, медленнее на Урале и особенно в Сибири. Сторонники оппозиции быстрее консолидировались на предприятиях металлургической, текстильной и горнодобывающей отраслей промышленности, всероссийские и региональные профсоюзные органы которых возглавлялись соратниками А.Г. Шляпникова.

Специфика второго этапа существования «рабочей оппозиции» (март 1921 – февраль 1922 гг.) заключается в начавшемся процессе «расслоения» группы. Так, среди части ее сторонников наблюдается радикализация взглядов, которая объясняется усилением антидемократических тенденций в жизни партии большевиков. В то же время другие представители группы отказываются от ряда своих требований. На этом этапе большинство участников «рабочей оппозиции» было деморализовано, а ее идеи воспринимались широкими партийными массами страны как несоответствующие и даже противостоящие задачам партии.

Третий заключительный этап деятельности «рабочей оппозиции», завершившийся ликвидацией остатков группы, приходится на март 1922 – сентябрь 1923 гг. На данном этапе продолжается процесс идейного размежевания среди сторонников «рабочей оппозиции», ослабевают связи с региональными представителями. Самой значительной попыткой оказать давление на большевистские «верхи» стало заявление 22 активистов «рабочей оппозиции» в исполком Коминтерна. Обсуждение этого документа продемонстрировало твердое намерение большевистского руководства сохранить и укрепить командно-директивный режим в РКП (б) и государстве.

В этих условиях основная угроза революции виделась рядовым коммунистам не в усилении централизации и бюрократизации власти, о чем

предупреждала «рабочая оппозиция», а в опасности партийного раскола, которым потенциально угрожало «заявление 22-х». Данное обстоятельство, во многом, предопределило итоги XI съезда РКП (б).

Наряду с этим, поражение «рабочей оппозиции» было обусловлено слабой организованностью ее участников и разобщенными действиями отдельных групп. Среди других обстоятельств, повлиявших на прекращение деятельности «рабочей оппозиции», стали мероприятия власти по локализации и подавлению оппозиционных настроений в РКП (б).

Отдельные сторонники «рабочей оппозиции» продолжали свою деятельность и после XI съезда РКП (б). Наиболее активной из созданных ими групп стала «Рабочая Группа» Г.И. Мясникова, находившаяся на крайне-левом фланге «рабочей оппозиции». Однако изолированная от партии и общества, призывающая к крайним акциям, находящаяся под контролем органов ГПУ она была обречена на неудачу.

Проделанное исследование показало, что группа «рабочая оппозиция» обладала низкой степенью институциональной оформленности. Ее сторонники не смогли установить прочные внутригрупповые вертикальные и горизонтальные связи. Контакты между региональными представителями, как правило, строились на основе личных знакомств, профессиональной деятельности. Процесс консолидации сторонников «рабочей оппозиции» охватил преимущественно профсоюзно-коммунистическую верхушку и слабо затронул партийные «низы», не говоря уже о потенциальных беспартийных союзниках.

Анализ функционирования «рабочей оппозиции» позволил определить ее приблизительную численность на разных этапах существования группы. На протяжении исследуемого периода степень влияния «рабочей оппозиции» в РКП (б), достигнув пика накануне и в период дискуссии о профсоюзах, неуклонно снижалась: март 1921 г. – 14 тыс. коммунистов (2 % состава РКП

(б)), март 1922 г. – около 600 человек (0,1 %), осень 1923 г. – 70 человек (0,02 %).

«Рабочая оппозиция» представляла собой неоднородную группу и включала в себя, с одной стороны, профсоюзных партийных лидеров и активистов, которые первоначально хоть и являлись рабочими, фактически относились уже к «непролетарской» категории, в основном, к управленцам крупнейших предприятий Советской России. С другой стороны, в группу входили рабочие-коммунисты, большинство из которых по профессиональной принадлежности были металлистами, текстильщиками и горняками. Стоит отметить, что среди лидеров «рабочей оппозиции» преобладали коммунисты с большим партийным стажем, профессиональные революционеры.

Мы пришли к выводу, что «рабочая оппозиция» в РКП (б) как элемент политической системы, встроенный в отношения «власть-оппозиция», выполняла функции, необходимые для процесса саморегулирования и саморазвития общества и являвшиеся фундаментом политической системы в целом. Среди них можно выделить сигнально-нормативную функцию, давление на властные структуры, корректировка политического курса. Таким образом, проясняется роль оппозиционеров, посредством которых происходит персонификация проблем, волнующих социум.

Однако установление диалога между большевистским руководством и «рабочей оппозицией» не произошло. Данное обстоятельство, во многом, обуславливается глубиной накопившихся противоречий, бескомпромиссностью политики большинства ЦК РКП (б) в отношении сторонников А.Г. Шляпникова, что наиболее рельефно проявилось в методах и формах борьбы с инакомыслием, характерных для всех последующих внутрипартийных коллизий правящей партии.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. В процессе формирования и деятельности «рабочей оппозиции» в РКП (б) выделяются несколько периодов, характеризующих ее эволюцию: 1

период – конец 1919-март 1921 гг.; 2 период – март 1921-февраль 1922 гг.; 3 период – февраль 1922-осень 1923 гг.

2. Возникновение «рабочей оппозиции» было неразрывно связано с процессом трансформации большевистской партии, которая, став правящей, под давлением объективных условий постепенно отказывалась от некоторых наиболее утопических элементов предоктябрьской программы.

3. «Рабочая оппозиция» аккумулировала и выражала нараставшее в обществе и большевистской партии противодействие бюрократизации советской политической и хозяйственной системы, требовала возродить внутрипартийную демократию и организовать народное хозяйство под руководством коммунистических профсоюзов.

4. Формирование «рабочей оппозиции» в разных регионах Советской России шло неравномерно. Наиболее активно этот процесс протекал в центре России, на Урале, значительно медленнее в Сибири.

5. «Рабочая оппозиция» не решалась апеллировать к рядовым членам РКП (б) и беспартийным массам, опасаясь, что такие шаги вызовут кризис большевистской диктатуры. В результате процесс консолидации сторонников группы охватил преимущественно профсоюзно-коммунистическую верхушку и слабо затронул партийные «низы», не говоря уже о потенциальных союзниках вне правящей партии.

6. На протяжении исследуемого периода численность сторонников «рабочей оппозиции» в РКП (б), достигнув пика накануне и в период дискуссии о профсоюзах, неуклонно снижалась: март 1921 г. – 14 тыс. коммунистов (2 % состава РКП (б)), март 1922 г. – около 600 человек (0,1 %), осень 1923 г. – 70 человек (0,02 %).

7. Формы взаимодействия «рабочей оппозиции» с большинством правящей партии носили остро конфронтационный характер и определялись как глубиной накопившихся противоречий, вносивших в общественное

сознание перманентную несбалансированность, так и неразвитой системой отношений «власть-оппозиция».

8. Поражение «рабочей оппозиции» обуславливалось тем, что ее программа была лишена прагматизма. Наряду с этим процесс распада группировки связан с ее слабой организованностью и разобщенностью, значительную роль сыграли мероприятия власти по локализации и подавлению оппозиционных настроений в РКП (б).

Список источников и литературы

1. *Труды теоретико-методологического характера*

1.1. Гаврилов Г.А. Политическая оппозиция: проблемы категориального осмысления термина // Дискурс. – 2002. - Вып.2. – С.134-137.

1.2. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. –1994. - № 5. – С.142-147.

1.3. Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. – 1998. - № 5. – С.90-107.

1.4. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – 2-е изд. – М.: Наука, 2003. – 485 с.

1.5. Куц А.К. Глобальная этносоциология. – Омск: ОмГУ, 1997. – 212 с.

1.6. Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Акад. Проспект, 2002. – 830 с.

1.7. Сергеев С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. – 2004. - № 3. – С.125-137.

1.8. Сорокин П. Социология революции. – М.: РОССПЭН, 2005. – 702 с.

1.9. Танова А.Г. Политическая оппозиция: К определению понятия // Вестник Санкт-Петербур. ун-та. Сер. 6 – 2002. - № 30. – С. 69-75.

2. *Произведения государственных и общественных деятелей*

2.1. Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М.: Экономика, 1990. – 542 с.

2.2. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Ч.I. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 157 с.

2.3. Гарви П.А. Закат большевизма. Десять лет диктатуры. – Рига, 1928. – 81с.

2.4. Далин Д.Ю. После войн и революций. – Берлин: Грани, 1922. – 287 с.

2.5. Далин Д.Ю. Новый курс в профессиональном движении // Социалистичкский вестник. – 1922. - № 4. – С.12-14.

2.6. Дан Ф.И. Два года скитаний. – Берлин: Грани, 1922. – 208 с.

2.7. Дан Ф.И. «Демократизация станет исторически возможной» // Коммунист. – 1990. - № 7. – С.70-78.

2.8. Задачи профессиональных союзов: Тезисы рабочей оппозиции к X съезду партии. – М.: Госиздат, 1921. – 14 с.

2.9. Зиновьев Г.Е. Об итогах VIII съезда РКП (б). Доклад на собрании Петроградской партийной организации 29 марта 1919 г. // Известия ЦК КПСС. – 1989. - № 8. – С. 185-198.

2.10. Зиновьев Г.Е. О роли и задачах профсоюзов. Доклад на собрании Пермской организации РКП (б) 5 февраля 1921 года // Звезда (Пермь). – 1921. – 8 февраля.

2.11. Зиновьев Г.Е. Доклад на V Екатеринбургской городской организации РКП (б) 7 февраля 1921 года // Уральский рабочий. – 1921. – 9 февраля.

2.12. Зиновьев Г.Е. Неправильное во взглядах рабочей оппозиции на роль профсоюзов. – Ташкент: Туркест. гос. изд-во, 1921. – 7 с.

2.13. Зиновьев Г.Е. Новые задачи партии // Правда. – 1923. – 7 ноября.

2.14. Зиновьев Г.Е. На пути к орабочению нашей партии: Доклад на пленуме Ленинградского губкома РКП (б). – Л.: Прибой, 1924. – 50 с.

2.15. Зиновьев Г.Е. История РКП (б). – Л.: Прибой, 1924. – 190 с.

2.16. Зиновьев Г.Е. Спор о профессиональных союзах. – Пб.: Госиздат, 1921. – 31 с.

2.17. Иванович Ст. ВКП: Десять лет коммунистической монополии. – Париж: Библиотека демократического социализма, 1925. – 256 с.

2.18. Коллонтай А.М. Рабочая оппозиция. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 48 с.

2.19. Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. – М.: Политиздат, 1972. – 430с.

2.20. Копылов Н. Ошибка или неотложная задача // Дискуссионный листок. – 1921. - № 1. – С. 12-13.

2.21. Копылов Н. То, что надо уничтожить // Правда. – 1920. – 30 сентября.

2.22. Копылов Н. За единую партию // Дискуссионный листок. – 1922. - № 3. – С. 7-12.

2.23. Косиор С.В. Наши разногласия. – М.: Госиздат, 1921. – 32 с.

2.24. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 35. – С. 165-208.

2.25. Ленин В.И. VIII съезд РКП (б) 18-23 марта 1919 г.: Отчет ЦК 18 марта. Доклад о партийной программе 19 марта // Там же. Т. 38. – С.131-173.

2.26. Ленин В.И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Там же. Т.39. – С.271-282.

2.27. Ленин В.И. VIII Всероссийская конференция РКП (б) 2-4 декабря 1919 г.: Политический доклад ЦК 2 декабря. Заключительное слово по политическому докладу ЦК 2 декабря // Там же. – С. 342-365.

2.28. Ленин В.И. IX съезд РКП (б) 29 марта – 5 апреля 1920 г.: Доклад ЦК 29 марта. Заключительное слово по докладу ЦК 30 марта. Речь о хозяйственном строительстве // Там же. – С.237-275.

2.29. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Там же. Т.41. – С.1-104.

2.30. Ленин В.И. IX Всероссийская конференция РКП (б) 22-25 сентября 1920 г.: Речь об очередных задачах партийного строительства 24 сентября // Там же. – С. 286-291.

2.31. Ленин В.И. Выступление на IX Всероссийской конференции РКП (б) // Исторический архив. – 1992. – № 1. – С.12-30.

2.32. Ленин В.И. Московская губернская конференция РКП (б) 20-22 ноября 1920 г.: Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии (речь 21

ноября). Речь по выборам в МК 21 ноября // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 42. – С. 17-40.

2.33. Ленин В.И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого. Речь на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС – членов РКП (б) 30 декабря 1920 г. // Там же. – С.202-226.

2.34. Ленин В.И. Кризис партии // Там же. – С.234-244.

2.35. Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Там же. – С.264-304.

2.36. Ленин В.И. X съезд РКП (б) 8-16 марта 1921 г.: Отчет о политической деятельности ЦК РКП (б) 8 марта. Заключительное слово по отчету ЦК РКП (б) 9 марта. Речь о профессиональных союзах 14 марта. Доклад о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне 16 марта. Заключительное слово по докладу о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне 16 марта. Речь при закрытии съезда // Там же. Т.43. – С.7-57, 98-111, 119-127.

2.37. Ленин В.И. О чистке партии // Там же. – С.122-124.

2.38. Ленин В.И. XI съезд РКП (б) 27 марта – 2 апреля 1922 г.: Политический отчет ЦК РКП (б) 27 марта. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП (б) 28 марта // Там же. Т.45. – С.69-130.

2.39. Ленин В.И. Письмо к съезду // Там же. – С.343-348.

2.40. Лозовский А. Задачи профессиональных союзов: Содоклад и заключительное слово на дискуссионном собрании в театре Зимина 10 января 1921 г. – М.: Бюро фракции МГПС, 1921. – 16 с.

2.41. Мартов Ю.О. Мировой большевизм. – Берлин: Искра, 1923. – 110 с.

2.42. Мясников Г.И. Очередной обман. – Париж: Б.и., 1931. – 45 с.

2.43. О задачах и структуре профсоюзов. – М.: Госиздат, 1921. – 14 с.

2.44. О роли профессиональных союзов в производстве: Доклады тт. Зиновьева и Троцкого, речь т. Ленина, содоклады тт. Бухарина, Ногина, Шляпникова и Рязанова и заключительное слово тт. Троцкого и Зиновьева на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, ВЦСПС и МГСПС – членов РКП 30 декабря 1920 г. – М., 1921. – 131 с.

2.45. Сталин И.В. Об оппозиции. Статьи и речи 1921-1927 гг. – М.; Л: ГИЗ, 1928. – 750 с.

2.46. Тезисы рабочей оппозиции // Правда. – 1921. – 25 января.

2.47. Троцкий Л.Д. О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд (тезисы ЦК РКП) // Соч. Т.15. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – С.107-114.

2.48. Троцкий Л.Д. О роли и задачах профсоюзов. Доклад на V Екатеринбургской городской конференции РКП (б) 7 февраля 1921 года // Уральский рабочий. – 1921. – 9 февраля.

2.49. Троцкий Л.Д. Новый курс. – М.: Главполитпросвет, 1924. – 104 с.

2.50. Троцкий Л.Д. О Ленине (Материалы для биографа). – М.: Госиздат, 1924. – 117 с.

2.51. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с.

2.52. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. – М.: Наука, 1990. – 336 с.

2.53. Устрялов Н.В. Национал-большевизм. – М.: Изд-во Эксмо, 2003 – 656 с.

2.54. Устрялов Н.В. Под знаком революции. – Хабрин: Заря, 1927. – 26 с.

2.55. Хатаевич М. «Рабочая оппозиция» в Самаре в 1920 г. // Историк-марксист. – 1935. - № 7. – С.14-16.

2.56. Членам международной конференции коммунистического интернационала // Материалы по вопросу о группе «рабочей оппозиции»

на XI съезде РКП: Отчет комиссии съезда – М.: ЦК РКП (б), 1922. – С.16-17.

2.57. Шляпников А.Г. Вопросы производительности // Металлист. – 1919. - № 5. – С. 7-8.

2.58. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3 т. – М.: Республика, Политиздат, 1992-1994. – Т.1. Канун семнадцатого года. – 382 с; Т.2. Семнадцатый год. – Кн. 1-2. – 495 с; Т.3. Семнадцатый год. Кн. 3-4. – 687 с.

2.59. Шляпников А.Г. Ко всем металлистам Российской Советской республики // Металлист. – 1919. - № 4. – С. 2.

2.60. Шляпников А.Г. Наши задачи // Там же. С.2-4.

2.61. Шляпников А.Г. О специалистах // Правда. – 1919. – 27 марта.

2.62. Шляпников А.Г. О наших внутрипартийных разногласиях // Дискуссионный листок. – 1921. - № 1 – 13-14.

2.63. 1921 год. Мясников, Ленин и дискуссия в партии о свободе печати // Свободная мысль. – 1992. - № 1. – С.62-75.

3. Опубликованная переписка общественных и государственных деятелей

3.1. Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927: Сб. документов. – М.: РОССПЭН, 1996. – 423 с.

3.2. Ленин В.И. Письмо Г.И. Мясникову 1 августа 1921 года // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.53. – С.85-86.

3.3. Ленин В.И. Письмо Г.И. Мясникову 5 августа 1921 года // Там же. Т.44. – С.78-83.

3.4. Митин Ф.А. Письмо С.П. Медведеву май 1921 года // Материалы по вопросу о группе «рабочей оппозиции» на XI съезде РКП: Отчет комиссии съезда. – М.: ЦК РКП (б), 1922. – С.10-12.

3.5. Петроградские рабочие о роли и задачах профессиональных союзов: 2 письма Петроградской организации РКП и ответ т. Троцкого. – Пб.: Госиздат, 1921. – 8 с.

3.6. Письма В.И. Ленина А.Г. Шляпникову и А.М. Коллонтай 1914-1917. – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 106 с.

3.7. Письмо, полученное из Москвы украинскими товарищами // Материалы по вопросу о группе «рабочей оппозиции» на XI съезде РКП: Отчет комиссии съезда. – М.: ЦК РКП (б), 1922. – С.12-14.

4. Опубликованные документы органов большевистской партии и общественных объединений

4.1. Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 года: Протоколы. – М.: Политиздат, 1959. – 602 с.

4.2. Девятый съезд РКП (б). Март-апрель 1920 года: Протоколы. – М.: Политиздат, 1960. – 650 с.

4.3. Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стен. отчет. – М.: Политиздат, 1963. – 915 с.

4.4. Одиннадцатый съезд РКП (б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. – М.: Политиздат, 1961. – 873 с.

4.5. Двенадцатый съезд РКП (б). 17-25 апреля 1923 года: Стен. отчет. – М.: Политиздат, 1968. – 903 с.

4.6. Восьмая конференция РКП (б). Декабрь 1919 года: Протоколы. – М.: Политиздат. 1961. – 315 с.

4.7. Девятая конференция РКП (б). Сентябрь 1920 года: Протоколы. – М.: Политиздат, 1972. – 392 с.

4.8. Десятая конференция РКП (б): Протоколы. – М.: Партиздат, 1933. – 128 с.

4.9. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б): Повестки для заседаний, 1919-1952: Каталог. Т.1.: 1919-1929. – М.: РОССПЭН, 2000. – 831 с.

4.10. Восьмой съезд РКП (б). 18-23 марта 1919 г. Резолюции и постановления съезда: Программа РКП (б). По военному вопросу. По организационному вопросу // КПСС в резолюциях ... Т.2. – М.: Политиздат, 1983. – С.71-108.

4.11. Восьмая Всероссийская конференция РКП (б). 2-4 декабря 1919 г. Устав РКП (б) // Там же. С.201-208.

4.12. Девятый съезд РКП (б). 29 марта – 5 апреля 1920 г. Резолюции съезда: По отчету Центрального Комитета. Об очередных задачах хозяйственного строительства. По организационному вопросу // Там же. – С.241-254, 260-264.

4.13. Девятая Всероссийская конференция РКП (б). 22-25 сентября 1920 г. Резолюции конференции: Об очередных задачах партийного строительства // Там же. – С.297-303.

4.14. Резолюция пленума ЦК РКП (б), принятая 9 ноября 1920 года // Десятый съезд РКП (б). Март 1921 год: Стен. отчет. – М.: Политиздат, 1963. – С.830-831.

4.15. Резолюция ЦК РКП (б) по вопросу о конфликте между коммунистами-водниками и коммунистической фракцией совещания Цектрана (Принята в пленарном заседании 7 декабря 1920 года) // Там же. С.831-832.

4.16. Бюллетень II Всероссийского Съезда горнорабочих: Орган ЦК Всероссийского Союза горнорабочих, 1921 г.

4.17. Бюллетень IV Всесибирской конференции РКП (б). Новониколаевск, 1921.

4.18. Десятый съезд РКП (б). 8-16 марта 1921 г. Резолюции и постановления съезда: По отчету Центрального Комитета. По вопросам партийного строительства. О единстве партии. О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии. О членах распущенной группы «рабочей оппозиции», избранных в Центральный Комитет. О контрольных комиссиях. О роли и задачах профсоюзов // КПСС в резолюциях ... Т.2. – С.323-356.

4.19. Письмо ЦК РКП (б) об очистке партии 27 июля 1921 г. // Там же. – С.438-443.

4.20. Постановление пленума ЦК и ЦКК РКП (б) об А. Шляпникове // Там же. – С.447.

4.21. Одиннадцатый съезд РКП (б). 27 марта – 2 апреля 1922 г. Резолюции съезда: По докладу Центрального Комитета. Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики. Об укреплении и новых задачах партии. О некоторых членах бывшей «рабочей оппозиции» // Там же. – С.480-482, 483-492, 500-509, 530-534.

4.22. Двенадцатая Всероссийская конференция РКП (б). 4-7 августа 1922 г. I. Устав РКП (б). II. Резолюции и постановления конференции: Об антисоветских партиях и течениях // Там же. – С.573-583, 587-593.

4.23. Третий Всероссийский съезд профсоюзов. 6-13 апреля 1920 года: Стен. отчет. – М.: Политиздат, 1921. – 150 с.

4.24. Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов. 2-7 ноября 1920 года: Стен. отчет. – М.: Политиздат , 1921. –163 с.

4.25. Протоколы заседаний Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х начала 50-х годов // Известия ЦК КПСС. – 1989. - № 10. – С.26-79.

4.26. Протокол Пленума ЦК от 9 марта 1921 г. // Материалы по вопросу о группе «рабочей оппозиции» на XI съезде РКП: Отчет комиссии съезда – М.: ЦК РКП (б), 1922. – С.14-15.

4.27. Постановление о Г. Мясникове // Материалы по вопросу о группе «рабочей оппозиции» на XI съезде РКП: Отчет комиссии съезда – М.: ЦК РКП (б), 1922. – С.15-16.

4.28. Резолюция расширенного пленума исполкома Коминтерна // Там же. – С.18-19.

4.29. Протокол заседания комиссии Коминтерна // Там же. – С.19-23.

4.30. Деятельность Центрального Комитета партии в документах // Известия ЦК КПСС. – 1991. - № 8. – С.159-160.

4.31. Материалы по вопросу о группе «рабочей оппозиции» на XI съезде РКП: Отчет комиссии съезда. – М.: ЦК РКП (б), 1922. – 24 с.

5. Документы органов государственной власти

5.1. Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. – М.: Наука, 1974. – 278 с.

5.2. Декрет СНК 4 марта 1919 г. О финансировании государственных предприятий // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М.: Политиздат, 1967. Т.1. – С. 126-129.

5.3. Смилга И.Т. Промышленность в условиях новой экономической политики. – М.: Госиздат, 1924. – 286 с.

5.4. Декрет СНК 29 января 1920 г. О порядке всеобщей трудовой повинности // Там же. – С. 159-161.

5.5. Постановление СТО о милитаризации заводов ударной транспортной группы Отдела металла ВСНХ 23 февраля 1921 г. // Декреты Советской власти. Т.13. – М.: Политиздат, 1989. – С. 146-150.

5.6. Декрет СНК 7 апреля 1921 г. О натуральном премировании рабочих // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М.: Политиздат, 1967. Т.1. – С. 219-220.

5.7. Декрет СНК 7 апреля 1921 г. Об урегулировании оплаты труда рабочих // Там же. – С. 220-221.

5.8. Постановление Совета труда и обороны 12 августа 1921 г. Основные положения о мерах по восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства // Там же. – С. 248-250.

5.9. Декрет СНК 16 августа 1921 г. О расширении прав государственных предприятий в области финансирования и распоряжения материальными ресурсами // Там же. – С. 250-255.

5.10. Материалы по текущей промышленной статистике за 1919 и 1920 годы: Труды ЦСУ. Т.Х. Вып.1. – М., 1922.

6. Сборники опубликованных документов

6.1. Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции: Сб. документов и материалов. – Свердловск: Кн. изд-во, 1957. – 396 с.

6.2. В грозные годы Гражданской войны 1919-1920 гг.: Сб. документов и материалов. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1973. – 288 с.

6.3. Дискуссия о профсоюзах: Материалы и документы 1920-1921 гг. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – 212 с.

6.4. История советской политической цензуры: Документы и комментарии. – М.: РОССПЭН, 1997. – 672 с.

6.5. Клокова Г.В., Розенталь И.С. Россия 1917 год: Сб. док. – М.: АО «Бюро Денди», 1993. – 176 с.

6.6. Нижегородская организация РКП (б) в годы военной иностранной интервенции и Гражданской войны. 1918-1920 гг.: Сб. документов и материалов. – Горький, 1957. – 330 с.

6.7. Общество и власть. Российская провинция 1917-1980 годы. Т.1. 1917-середина 1930-х годов. – М.: Институт Российской истории РАН, 2002. – 640 с.

6.8. Письма во власть, 1917-1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в гос. структуры и большевистским вождям. – М.: РОССПЭН, 1998. – 664 с.

6.9. Путь борьбы и побед: Сб. док. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1978. – 362с.

6.10. «Рабочая оппозиция»: Материалы и документы. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. – 263 с.

6.11. Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах. Т.3. Октябрьский переворот. – Свердловск: Изд-во Уралпрофсовета, 1927. – 451 с.

6.12. Смилга И.Т. Промышленность в условиях новой экономической политики. – М., 1924.

6.13. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. Т.1. Ч.2. – М.: Институт Российской истории РАН, 2001. – 683 с.

6.14. Упрочнение Советской власти в Пермской губернии: Документы и материалы. – Пермь: Кн. изд-во, 1966. – 431 с.

6.15. Установление и упрочнение Советской власти в Вятской губернии: Сб. документов. – Киров: Кн. изд-во, 1957. – 624 с.

6.16. Хрестоматия по истории Урала, XX век. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Изд-во Дома учителя, 1998. – 574 с.

6.17. Челябинская область 1917-1945: Сб. документов и материалов. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1999. – 299 с.

6.18. 400 лет Тобольску: Сб. документов и материалов. – Свердловск: Сред. - Урал. кн. изд-во, 1987. – 256 с.

6.19. 400 лет Тюмени: Сб. документов и материалов. – Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1985. – 368 с.

7. Воспоминания

7.1. Беседовский Г.З. На путях к термидору. Из воспоминаний бывшего советского дипломата: В 2-т. – Париж: Мишень, 1930-1931. – 459 с.

7.2. Врачев И.Я. X съезд РКП (б) // Некоторые вопросы социальной истории СССР. – М.: Институт социологии АН СССР, 1991. С. 119-155.

7.3. Дурмашкин А.М. Внимание Ленина к профсоюзам // О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922. – М.: Политиздат, 1963. – С.527-534.

7.4. Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. – М.: ВАГРИУС, 2003. – 671 с.

7.5. Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы: Воспоминания и дневники. – М.: Советская Россия, 1974. – 413 с.

7.6. Людвинская Т.Ф. Из истории борьбы за единство партии в 1920-1921 гг. // Исторический архив. – 1960. - № 2. – С.159-166.

7.7. Микоян А.И. В начале двадцатых… – М.: Политиздат, 1975. – 383 с.

7.8. Милонов Ю.К. Совещание бывших подпольщиков во время X съезда партии // О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922. – М.: Политиздат, 1963. – С. 595-597.

7.9. «Мы не решаем ныне даже своей судьбы»: Воспоминания и письма А.Г. Шляпникова 1934 г. // Исторический архив. – 2002. - № 1. – С.3-31.

7.10. Смилга И. На повороте: Заметки к X съезду партии. – М.: Госиздат, 1921. – 31 с.

7.11. Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.2. Кн.3-4. – М.: Политиздат,1991. – 398 с.

7.12. Так закреплялись завоевания Октября (Воспоминания старых большевиков об упрочнении советской власти в тульской губернии и участии в Гражданской войне (1918-1920 гг.). – Тула: Тульское кн. изд-во, 1960. – 311 с.

7.13. Шляпников А. Июльские дни в Петрограде // Пролетарская революция. – 1922. - № 10. – С. 3-42.

8. Периодическая печать

8.1. Центральные газеты

8.1.1. Вечерняя красная газета: Орган Петроградского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, 1922-1923 гг.

8.1.2. Известия: Орган ВЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1918-1923 гг.

8.1.3. Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919-1921 гг.

8.1.4. Красный водник: Орган Петроградского отделения Главполитпути, 1920г.

8.1.5. Петроградская правда: Орган Петербургского комитета РКП (б), затем губкома РКП (б), затем Сев-Зап облбюро ЦК и Петроградского губкома РКП (б), 1919-1923 гг.

8.1.6. Металлист и горняк: Орган ЦК ВСРМ и ЦК ВСГ, 1920-1921 гг.

8.1.7. Коммунистический труд: Орган МК РКП (б), 1920-1922 гг.

8.1.8. Правда: Орган ЦК РКП (б), 1919 - 1923 гг.

8.1.9. Профессиональное движение: Орган ВЦСПС и МГСПС, 1919-1921 гг.

8.1.10. Труд и воля: Орган Союза анархо-синдикалистов-коммунистов г. Москвы, 1919 г.

8.1.11. Труд. Орган ВЦСПС, 1921-1923 гг.

8.1.12. Трудовой путь: Орган МГСПС, 1920-1921 гг.

8.2. Центральные журналы

8.2.1. Бюллетень ВЦСПС: Орган ВЦСПС, 1920-1923 гг.

8.2.2. Бюллетень МК РКП (б): Орган МК РКП (б), 1921 г.

8.2.3. Бюллетень Московского губернского Совета профессиональных союзов: Орган МГСПС, 1921-1922 гг.

8.2.4. Вестник металлиста: Орган ЦК ВСРМ, 1910-1921 гг.

8.2.5. Вестник труда: Орган ВЦСПС, 1920-1923 гг.

8.2.6. Дискуссионный листок: Орган ЦК РКП (б), 1921-1922 гг.

8.2.7. Известия ЦК РКП (б): Орган ЦК РКП (б), 1919-1923 гг.

8.2.8. Металлист: Орган ЦК ВСРМ, 1919-1920 гг.

8.2.9. Профессиональный вестник: Орган ВЦСПС, 1919 г.

8.3. Зарубежные журналы

8.3.1. Бюллетень оппозиции: Орган оппозиции большевиков-ленинцев, 1930-1940 гг.

8.3.2. Социалистический вестник: Центральный орган РСДРП. – Берлин, 1921-1930 гг.

8.4. Региональные газеты

8.4.1. Бурлак-коммунист: Орган Нижегородского райкомвода, затем Центрального правления секции водников объединенного союза работников водного и железнодорожного транспорта. – Нижний Новгород, 1920-1922 гг.

8.4.2. Вольный труд: Орган Нижегородского губкома организации труда и Нижегородского Совета рабочих и крестьянских депутатов. – Нижний Новгород, 1920 г.

8.4.3. Звезда: Орган Пермского губкома РКП (б). – Пермь, 1920-1923 гг.

8.4.4. Знамя революции: Орган Томского губисполкома и Томского губкома РКП (б). – Томск, 1921 г.

8.4.5. Известия Екатеринбургского губисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – Екатеринбург, 1921-1923 гг.

8.4.6. Известия Пермского губкома РКП (б). – Пермь, 1920-1921 гг.

8.4.7. Известия Сибирского бюро ЦК РКП (б): Орган Омского губкома РКП (б). – Омск, 1920 г.

8.4.8. Известия Тюменского Совета рабочих и солдатских депутатов. – Тюмень, 1920 г.

8.4.9. Коммунистический труд: Орган Саратовского губкома РКП (б). – Саратов, 1920 г.

8.4.10. Коммуна: Орган Самарского губкома РКП (б) – ВКП (б). – Самара, 1919-1923 гг.

8.4.11. Коммунар: Орган Тульского губкома РКП (б). – Тула, 1919-1923 гг.

8.4.12. Красноярский рабочий: Орган Енисейского губкома РКП (б) и Енисейского губисполкома. – Красноярск, 1920-1921 гг.

8.4.13. Красный путь: Орган Омского губернского бюро РКП (б) и губернского ревкома. – Омск, 1920 г.

8.4.14. Красный труд: Орган Челябинского губернского совета профессиональных союзов. – Челябинск, 1920-1921 гг.

8.4.15. Луч: Орган Муромского и Меленковского укомов РКП (б) и уисполкомов. – Муром, 1919-1923 гг.

8.4.16. Нижегородская коммуна: Орган Нижегородского губкома РКП (б). – Нижний Новгород, 1919-1923 гг.

8.4.17. Рабочий путь: Орган Омского губисполкома и губкома РКП (б). – Омск, 1921-1923 гг.

8.4.18. Рабочий путь: Орган Симбирского губпрофсовета. – Симбирск, 1920 г.

8.4.19. Сибирский вестник труда: Орган Сибирского представительства ВЦСПС, Сибтруда, Сибкомпрода, и Омского губпрофсовета. – Омск, 1921 г.

8.4.20. Советская правда: Орган Челябинского губкома РКП (б) и губисполкома. – Челябинск, 1919-1923 гг.

8.4.21. Советская Сибирь: Орган Сибирского ревкома и Сибирского бюро РКП (б), затем Новониколаевского губкома РКП (б). – Новониколаевск, 1921-1922 гг.

8.4.22. Труд и борьба: Орган Самарского губпрофсовета. – Самара, 1921-1922гг.

8.4.23. Уральский рабочий: Орган Уральского областного комитета РСДРП (б), затем Уралбюро ЦК РКП (б). – Екатеринбург, 1919-1923 гг.

8.5. Региональные журналы

8.5.1. Бюллетень Тульского губернского Совета профессиональных союзов. – Тула, 1921-1922 гг.

8.5.2. Вестник Нижегородского губернского исполнительного комитета РКП (б). – Н. Новгород, 1919-1921 гг.

8.5.3. Вестник Тульского губернского комитета РКП (б). – Тула, 1920-1922 гг.

8.5.4. Известия Екатеринбургского губкома РКП (б). – Екатеринбург, 1920-1922 гг.

8.5.5. Известия Иваново-Вознесенского губкома РКП (б). – Иваново-Вознесенск, 1920-1923 гг.

8.5.6. Известия Омского губернского комитета РКП (б). – Омск, 1922-1923 гг.

8.5.7. Известия Самарского губернского комитета РКП (б). – Самара, 1921-1923 гг.

8.5.8. Известия Уралбюро ЦК РКП (б) и Екатеринбургского губкома РКП (б). – Екатеринбург, 1922 г.

8.5.9. Организованный труд: Орган Тульского губернского Совета профессиональных союзов. – Тула, 1920-1922 гг.

8.5.10. Пролетарий: Орган Пермского губкома РКП (б). – Пермь, 1920-1923 гг.

8.5.11. Тульский металлист: Орган Тульского отделения Всероссийского Союза рабочих металлистов. – Тула, 1919 г.

9. Архивные источники

9.1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. Р- 382 – Народный комиссариат труда РСФСР

Оп. 6. Д. 3, 5, 8, 11, 15-18, 19, 24.

Ф. Р- 5451 – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС)

Оп. 42. Д. 3, 4, 6, 11, 15, 21, 22, 29, 33.

Ф. Р- 5469 – ЦК Всесоюзного профессионального союза рабочих-металлистов

Оп. 17. Д. 3-7, 9, 10, 12 а, 14-19.

Оп. 42. Д. 3, 4, 6, 7, 11, 15, 18-22, 28-30, 32, 33, 39-41, 48, 49.

9.2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 5 – Документы партийной и общественной деятельности В.И. Ленина

Оп.2. Д.117, 121, 320, 334, 336, 345, 363, 369.

Ф. 17 – ЦК ВКП (б)

Оп.2. Д.48, 52, 54-56, 59, 69, 365.

Оп.6. Д.162, 164, 175, 179, 222, 229, 278, 350, 351.

Оп.12. Д.55, 58, 322, 324, 352, 380, 391, 445-447, 467, 468, 638, 639.

Оп.13. Д.132, 136, 150, 599, 601, 602, 753, 848, 1234, 1235.

Оп.71. Д.1, 3-5, 29, 32, 34-36, 40-43, 70, 71, 77-79, 80-82, 84.

Оп.84. Д.220.

Ф. 45 – Х съезд РКП (б)

Оп.1. Д.8-12, 24, 35.

Ф. 48 – XI съезд РКП (б)

Оп.1. Д.14, 15, 17.

Ф. 94 – Фракция ВКП (б), ВЦИК и съездов Советов

Оп.2. Д.2, 16, 20, 30.

Ф. 95 – Фракция РКП (б) при ВЦСПС

Оп.1. Д.3, 5, 6, 8-11, 12, 15-19, 22-24, 34.

Ф. 99 – Фракция РКП (б) профсоюза металлистов

Оп.1. Д.2, 7, 9, 11-13.

9.3. Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ)

Ф. Р- 33718 – Личное дело А.Г. Шляпникова.

Т. 37, 39, 40.

9.4. Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области (ГАНИОПДПО)

Ф. 61 – Кизеловский горком РКП (б)

Оп. 4. Д.2, 3, 6-8.

Ф. 557 – Пермский губком РКП (б) – ВКП (б)

Оп.1. Д.7-9, 11-15, 20, 23, 25-28.

Оп. 4. Д.1, 17, 32-34, 41, 130, 145, 205.

Оп.5. Д. 56, 61-63, 74, 75, 77-80, 82,

Ф. 580 – Пермский уком РКП (б) – ВКП (б)

Оп.3. Д. 18-19, 22-25, 27, 38, 44.

Ф. 585 – Горкиразгуляйский райком РКП (б) Перми

Оп.1. Д. 13, 17, 23.

Ф. 620 – Мотовилихинский райком РКП (б) Перми

Оп.1. Д.1, 2, 186.

Оп.2. Д.3, 5, 6, 8, 10, 17,19.

Оп.3. Д. 3, 12, 17.

Оп.4. Д. 2, 4, 7, 21.

9.5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)

Ф. П-1. – Сибирское бюро ЦК РКП (б)

Оп.1. Д. 31, 37, 40, 47, 54, 56.

Оп.2. Д.97, 108, 124, 130.

Ф. П-6. – Сибирская краевая контрольная комиссия ВКП (б)

Оп.1. Д. 97, 103, 104.

Ф. П-16. – Татарский уездный комитет РКП (б) Омской губернии

Оп.1. Д.14, 16, 17-19, 24, 26-28, 29, 31, 33-35.

Ф. 159 – Политотдел Западно-Сибирского речного пароходства

Оп. 2. Д.97, 108, 124, 130.

9.6. Государственный архив общественно-политических организаций Томской области (ГАОПОТО)

Ф. 1 – Томский губернский комитет РКП (б)

Оп.1. Д. 27, 47, 50, 67, 69, 70-74, 89, 368.

Оп.3. Д. 19, 20, 24-26, 73.

9.7. Государственный архив общественно-политических организаций Тульской области (ГАОПОТО)

Ф. 1 – Тульский губернский комитет РКП (б)

Оп.1. Д. 2, 7, 10, 15, 17, 282, 286, 291, 293, 309, 416, 480.

Оп.2. Д. 2, 7, 15, 16, 27, 277, 280, 289, 299, 321.

9.8. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО)

Ф.1 – Тюменский губком РКП (б)

Оп.1. Д.4, 7, 9, 15, 21-24, 32.

Ф.5 – Тюменский горуком РКП (б)

Оп.1. Д.15, 17, 20, 32.

9.9. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО)

Ф. 1 – Нижегородский губернский комитет ВКП (б)

Оп.1. Д. 327, 752, 753, 755-758, 760, 763, 765, 768, 769, 773, 1805, 1809-1812, 1814, 1817, 1818, 1861, 1870, 2316.

Оп.5. Д. 2097.

Ф. 31 – Береговой РК РКП (б)

Оп.1. Д. 96-99, 100 а, 216, 277, 349, 352-254, 399-402, 2521.

Ф. 34 – Сормовский РК РКП (б)

Оп.1. Д. 53, 64, 66, 88, 94, 114, 168, 193, 194, 212, 236, 245, 371, 375, 384, 27398.

Ф. 35 – Канавинский РК РКП (б)

Оп.1. Д. 76, 78, 79, 119, 169, 169 а, 170, 354, 442, 24944.

Ф. 292 – Нижегородский районный комитет союза металлистов

Оп.1. Д. 71, 73.

Ф. 332 – Нижегородское краевое отделение союза текстильщиков

Оп.1. Д. 42, 45.

Ф. 303 – Горьковский областной совет профсоюзов

Оп. 1. Д. 315. 316-317.

Ф. 713 – Нижегородский губернский Совет профессиональных союзов

Оп.1. Д. 169, 170, 294, 296, 297, 455, 3718.

Ф. 1684 – Комиссия по чистке членов и кандидатов в члены РКП (б) Сормовской организации РКП (б)

Оп.1. Д. 1-7.

9.10. Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ)

Ф. 2 – Московский губернский комитет РКП (б)

Оп. 1. Д. 45, 50, 50 а, 51-54, 63, 83-88.

Ф. 3 – МК РКП (б) – ВКП (б)

Оп. 1. Д. 53, 54, 56, 101, 172, 214.

Оп. 1 а. Д. 1, 2, 2 а, 3, 5-9, 11, 15.

Оп. 2. Д.1-3, 5, 6, 8, 9, 11-13, 17 а, 18, 22-26, 28, 34, 35 а, 36, 42, 46, 47-49.

Оп. 3. Д. 1, 2, 4, 5, 21, 25, 33-35, 37, 38, 41.

Ф. 63 – Бауманский РК ВКП (б)

Оп. 1. Д. 3, 4, 7, 22, 28, 29, 36, 40, 44, 44 а, 45-47, 48, 51, 55, 56, 62, 67, 70, 72, 75, 84, 86, 88, 105, 112, 113, 134, 135, 141.

Ф. 64 – Городской РК ВКП (б)

Оп. 1. Д. 2 а, 3-7, 9, 10, 46-50, 71-75, 78, 79, 91-96, 134.

Ф. 67 – Кировский –Замоскворецкий РК ВКП (б)

Оп. 1. Д. 32, 45, 57, 94, 105, 107, 109, 124, 125, 129, 132, 133, 135, 171, 187, 188.

Ф. 69 – Краснопресненский РК ВКП (б)

Оп. 1. Д. 13, 32. 62, 72, 79, 83, 92, 93, 97, 103.

Ф. 80 – Пролетарский РК ВКП (б)

Оп. 1. Д. 20, 21, 49, 83.

Ф. 85 – Сокольнический РК ВКП (б)

Оп. 1. Д. 30, 44, 50, 62, 74, 79.

Ф. 88 – Хамовнический РК ВКП (б)

Оп. 1. Д. 29, 58, 59,100, 113, 151, 168-171, 190, 199.

Ф. 267 – Первичная организация ВКП (б) Московской Государственной электростанции им. Смидовича ГЭС № 1.

Оп.1. Д. 4, 7.

Ф. 391 – Первичная организация ВКП (б) «Центросоюза»

Оп. 1. Д.1-4, 6.

9.11. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО)

Ф. 4 – Уральский областной комитет РКП (б)

Оп.1. Д.5-7, 8, 10, 11, 14-16, 44-46.

Оп.2. Д. 2 а, 3, 3 а, 4-8, 11-16, 19, 21, 24-31, 34, 35, 40-42, 45-47, 50-53, 56 а, 57-60, 66, 70, 71, 75, 77, 82-89, 91, 98, 100, 109-111, 149.

Оп.3. Д.5, 9 а, 11, 12, 15, 18, 22-24, 26, 31, 34, 37, 38, 47-49, 60, 69, 75, 77.

Ф. 14 – Фракция РКП (б) – ВКП (б) Уралоблсовета

Оп. 1. Д. 1, 2, 4.

Ф. 20 – Фракция РКП (б) Уралобкома союза металлистов

Оп.1. Д. 1,2, 5, 9, 11.

Ф. 41 – Свердловский истпарт

Оп.1. Д.102, 122, 133-135, 340, 343-346, 1143.

Оп.2. Д. 418.

Ф. 76 – Екатеринбургский губком РКП (б)

Оп. 1. Д.11, 12, 16-18, 20-22, 24, 27, 31, 33, 35, 39, 43-45, 48, 55, 60-62, 67, 68, 78-79, 83, 89, 102, 110, 115, 117, 132, 140-141, 152-153, 190, 192, 198, 199, 215, 217, 223, 234, 235, 244, 247, 250, 253, 257-260, 276, 280-289, 307, 313, 324, 325, 334-336, 347, 349, 441.

Ф. 1058 – фракция РКП (б) Екатеринбургского союза рабочих-металлистов

Оп.1. Д. 1, 2, 7, 9, 12, 13, 16, 18-20, 24, 33.

Ф. 1494 – Уральское Бюро ЦК РКП (б)

Оп.1. Д.7, 10-15, 21, 22, 24-26, 36, 40, 42-44, 47, 56, 63,64, 78-83, 94, 97-99, 103-105, 115, 118.

10. Исследования

10.1. Монографии

10.1.1. Авторханов А. Происхождение партократии. – Франкфурт: Посев, 1983. – 528 с.

10.1.2. Богомолов Н. Болезни роста или организма. – Владимир: Б.и., 1920. – 23с.

10.1.3. Большевики Екатеринбурга во главе масс: Борьба за победу революции и упрочнение Советской власти (1899-1922 гг.). – Свердловск: Кн. изд-во, 1962. – 323 с.

10.1.4. Борьба Коммунистической партии Советского Союза против оппортунизма и национализма. Сб. статей. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 152 с.

10.1.5. Боффа Д. История Советского Союза. Т.1. – М.: Межд. отношения, 1990. – 629 с.

10.1.6. Васьковский О.А., Камынин В.Д., Щербакова Н.М. Историография социалистического строительства на Урале в переходный период. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. – 103 с.

10.1.7. Верт Н. История Советского государства. 1900-1991: Пер. с фр. 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, Изд-во «Весь мир», 1999. – 544 с.

10.1.8. Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. – М.: РОССПЭН, 1995. – 400 с.

10.1.9. Волин М. От военного коммунизма к нэпу. X съезд РКП (б). – М.: Московский рабочий, 1941. – 40 с.

10.1.10. Волков-Пепоянц Э.Г. Метаморфозы и парадоксы демократии: политическая доктрина большевизма (истоки, сущность, эволюция, альтернативы: 1903-1929 гг.). Кн.II. Большевистская концепция демократии (1917-1929 гг.). Ч. I. – Кишинев: Editura «Arc», 1995. 280с.

10.1.11. Волкогонов Д.А. Ленин: Политический портрет. В 2 кн. – М.: АСТ: Новости, 1998. – Кн.1. – 477 с.; Кн.2. – 509 с.

10.1.12. Волкогонов Д.А. Сталин: Политический портрет. В 2 кн. – М.: АСТ: Новости, 1998. – Кн.1. – 622 с.; Кн.2. – 702 с.

10.1.13. Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. – М.: Политиздат, 1987. – 310 с.

10.1.14. Восленский М.В. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: «Советская Россия», МП «Октябрь», 1991. – 624 с.

10.1.15. Вяткин А.Я. Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп (ноябрь 1920-1925 гг.). Ч.I. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. – 176 с.

10.1.16. Гайсинский М. Борьба с уклонами от генеральной линии партии: Исторический очерк. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. – 336 с.

10.1.17. Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством ноябрь 1917-1920 гг. – М.: Наука, 1982. – 341 с.

10.1.18. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы, 1917-1920 гг. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 258 с.

10.1.19. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 20-е годы. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 225 с.

10.1.20. Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс 1918-1920 гг. – М.: Наука, 1974. – 352 с.

10.1.21. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы, 1917-1923 гг. – М.: Наука, 1995. – 232 с.

10.1.22. Горелов О.И. М.П. Томский (Страницы политической биографии). – М.: Знание, 1989. – 64 с.

10.1.23. Горелов О.И. Цугцванг Михаила Томского: Штрихи к портрету. – М.: РОССПЭН, 2000. – 288 с.

10.1.24. Гусев С. Рабочая оппозиция о роли и значении профсоюзов. – Харьков: Пролетарий,1921. – 23 с.

10.1.25. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории: Учеб. пособие. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с.

10.1.26. Девятов С.В. Единовластие в России. Возникновение и становление (1922-1927 гг.). – М.: Изд-во Моск. ун-та леса, 2000. – 411 с.

10.1.27. Демидов В.В., Демидов В.А. Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1919-1929. – Новосибирск: Изд-во Сиб. кадрового центра, 1994. – 163 с.

10.1.28. Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М.: Изд-во «Новости», 1992. – 544с.

10.1.29. Дискуссии в РСДРП (б) – РКП (б), 1917-1920 гг.: Сб. статей. – М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1990. – 438 с.

10.1.30. Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов (Октябрь 1917-1937 гг.). – М.: Политиздат, 1976. – 320 с.

10.1.31. Загорский С. Рабочий вопрос в Советской России. – Берлин, 1925. – 78 с.

10.1.32. Земцов Б.Н. Оппозиционные группировки 20-30-х годов: (Саморазрушение революции). Учеб. пособие. – М.: Моск. гос. техн. ун-т им. Н.Э. Баумана, 1992. – 126 с.

10.1.33. Измозик В.С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918-1928 гг. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1995. – С.164.

10.1.34. Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу. – М.: Наука, 1990. – 190 с.

10.1.35. Историческое значение X съезда РКП (б). Сб. статей. – М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1982. – 126 с.

10.1.36. Историческое значение опыта борьбы КПСС против правого и «левого» оппортунизма. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 319 с.

10.1.37. История ВКП (б): Краткий курс. – М.: Гос. изд-во, 1938. – 352 с.

10.1.38. История КПСС – Марксизм-Ленинизм в действии: Сб. статей. Вып.2. – М.: Моск. Гос. историко-архитектурный институт, 1975. – 146 с.

10.1.39. Канев С.Н. Борьба партии против анархо-синдикалистского уклона. – М.: Политиздат, 1979. – 80 с.

10.1.40. Карр Э. История Советской России. В 14 т. – М.: Прогресс, 1990. – Кн.1. Т.1-2: Большевистская революция 1917-1923 гг. – 763 с.

10.1.41. Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина, 1917-1929. – М.: Сов.-брит. Изд-во «Интер-Версо», 1990. – 206 с.

10.1.42. Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917-1920 гг.). – М.: Прометей МПГУ им. В.И. Ленина, 1991. 246 с.

10.1.43. Князева К. Борьба Тульской партийной организации за сплочение рабочего класса в первые годы нэпа. Тула, 1957. – 166 с.

10.1.44. Кондратьева Т.В. Большевики-якобинцы и призрак термидора. – М.: Изд-во Испол, 1993. – 240 с.

10.1.45. Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888-1938. – М.: Прогресс, 1989. – 572 с.

10.1.46. Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2000. – 232 с.

10.1.47. Кузин В.В. Борьба Коммунистической партии с анархо-синдикалистским уклоном в 1920-192 гг. – М.: Знание, 1958. – 48 с.

10.1.48. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917-1922 гг. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – 356 с.

10.1.49. Лидеры российской власти и оппозиции. Учеб. кн. в 2-х т. – Т.1. Большевистские вожди. – Ростов н/Д: Изд-во ДЮИ, 2002. – С.416.

10.1.50. Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. – М.: Прогресс, 1990. – 484 с.

10.1.51. Мельников В.П. Областные бюро ЦК РКП (б). – М.: Мысль, 1981. – 184 с.

10.1.52. Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917-1921 гг.). – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1999. – 216 с.

10.1.53. Московские большевики в борьбе с «левым» и правым оппортунизмом, 1921-1929 гг. – М.: Московский рабочий, 1969. – 320 с.

10.1.54. Наумов В.П. Александр Гаврилович Шляпников (Страницы политической биографии). – М.: Знание, 1991. – 64 с.

10.1.55. Носач В.И. Профессиональные союзы России: 1905-1930. – СПб.: СПбГУП, 2001. – 400 с.

10.1.56. Носач В.И. Профсоюзы России: драматические уроки. 1917-1921 гг.: Учеб. пособие. – СПб.: СПбГУП, 2001. 152 с.

10.1.57. Нэп: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. – 217 с.

10.1.58. Олех Г.Л. Партийная машина РКП (б) в начале 20-х гг.: Устройство и функционирование. – Новосибирск: Изд-во НГИ, 1995. – 145 с.

10.1.59. Олех Г.Л. Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию, 1919-1924 гг. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 198 с.

10.1.60. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч.2. 1918-1941. – Горький: Волго-вятское кн. изд-во, 1966. – 447 с.

10.1.61. Очерки истории Тульской организации КПСС. Кн.1. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1983. – 342 с.

10.1.62. Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч.II. – Л.: Лениздат, 1968. – 680 с.

10.1.63. Очерки истории Московской организации КПСС. – М.: Московский рабочий, 1966. – 672 с.

10.1.64. Очерки истории партийной организации Тюменской области. – Свердловск: Средн.-Урал. Кн. изд-во, 1967. – 348 с.

10.1.65. Очерки истории Пермской областной партийной организации. – Пермь: Кн. изд-во, 1971. – 487 с.

10.1.66. Очерки истории Тюменской области. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. – 271 с.

10.1.67. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. – М.: История, 1997. – 270 с.

10.1.68. Пайпс Р. Россия при большевиках. – М.: РОССПЭН, 1997. – 671 с.

10.1.69. Платформа Шляпникова и Медведева – М.; Л.: Московский рабочий, 1927. – 158 с.

10.1.70. Постников С.П. Партийное руководство подготовкой рабочих кадров на Урале (1920-1930-е годы). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 164 с.

10.1.71. Прядеин В.С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания, методы исследования (исторический анализ). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 191 с.

10.1.72. Путь «рабочей оппозиции»: Сб. статей. – М.: Правда, Беднота, 1926. – 84 с.

10.1.73. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде. – М.: Прогресс, 1989. – 415 с.

10.1.74. Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд сквозь годы. – М.: Терра, 1992. – 399 с.

10.1.75. Роговин В.З. Власть и оппозиция. – М.: «Т-во «Журнал «Театр», 1993. – 400 с.

10.1.76. Роговин В.З. Левая оппозиция о социальном неравенстве в СССР // Альтернативы. – 1991. - Вып.1. – С.151-166.

10.1.77. Россия нэповская. – М.: Новый хронограф, 2002. – 446.

10.1.78. Слепков А. Оппозиционные течения внутри РКП (б). М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. – 63 с.

10.1.79. Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

10.1.80. Сорин В. Партия и оппозиция. Ч.I. С предисловием Н. Бухарина. – М.: Московский рабочий, 1925. – 186 с.

10.1.81. Сорин В. Рабочая группа («Мясниковщина»). – М.: Издание МК РКП, 1924. – С. 135 с.

10.1.82. Титов А.Г., Смирнов А.М., Шалагин К.Д. Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период (1917-1934 гг.). – М.: Высш. школа, 1974. – 359 с.

10.1.83. Трудовые конфликты в Советской России, 1918-1929 гг.– М.: Эдиториал УРСС. 1998. – 360 с.

10.1.84. Улам А.Б. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 510 с.

10.1.85. Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. – М.: Наука, 1994. – 167 с.

10.1.86. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. – Екатеринбург: Изд-во «Урал. рабочий», 2000. – 416 с.

10.1.87. Фельдман В.В. Коммунисты на Урале в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921-1925): Учеб. пособие. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1976. – 65 с.

10.1.88. Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. М. – Терра-Книжный клуб, 1999. – 360 с.

10.1.89. Формирование административно-командной системы (20-30-е годы): Сб. статей. – М.: Наука, 1992. – 234 с.

10.1.90. Цыпин Г. Блок беспринципности: Руководители оппозиционного блока друг о друге. – Харьков: Пролетарий, 1927. – 98 с.

10.1.91. Чураков Д.О. Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М.: РОССПЭН, 2001. – 215 с.

10.1.92. Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. – М.: РОССПЭН, 2004. – 386 с.

10.1.93. Шарапов Ю.П. Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу: Мелкобуржуазный революционаризм – опасность «слева», 1920-1923. – М.: Наука, 1990. – 189 с.

10.1.94. Шелавин К.И. Рабочая оппозиция. – М.: Молодая гвардия,1930. – 47 с.

10.1.95. Ярославский Ем. «Рабочая оппозиция». «Рабочая группа». «Рабочая правда». – М.; Л.: Мол. гвардия, 1927. – 81 с.

10.1.96. Ярославский Ем. Что такое «Рабочая правда». – М.: Пролетарий, 1924. – 29 с.

10.1.97. Anweiler O. Die Ratebewegung in Rußland. 1905-1917. – Leiden, 1958, S.402.

10.1.98. Carr E.H. The Bolshevik Revolution. 3 vols. – London etc.: Macmillan, 1954. – 654 с.

10.1.99. Daniels P.V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition of the Coviet Russia. – London: West view Press, 1989. 524 p.

10.1.100. Deutcher I. Soviet Trade Unions. Their Place in Soviet Labour Policy. – 1950.

10.1.101. Koenker D.P., Rosenberg W.G. Strikes and Revolution in Russia, 1917. – Princeton: Princeton univ. press, 1989. – 393 с.

10.1.102. Ploss S. Conflict and Decision-Making in Soviet Russia. – Princeton, 1965.

10.1.103. Rauch G. Geschichte des bolschewistischen Rußland. – Wiesbaden, 1955, S. 286.

10.1.104. Sakwa K. The party and opposition in Moscow 1920-early 1921. – Osaka, 1986.

10.1.105. Schapiro L. The origin of the Communist Autocracy. Political opposition in Soviet State: first phase, 1917-1922. – New York - Washcington, 1965. P. 277.

10.2. Статьи

10.2.1. Аввакумов С. Дискуссия о профсоюзах и X съезд большевистской партии // Пропаганда и агитация. – 1940. - № 3. – С.7-12.

10.2.2. Авторханов А. X съезд и осадное положение в партии // Новый мир. – 1990. - № 3. – С.193-205.

10.2.3. Азаров В.Н. В.И. Ленин и вопросы идеологической борьбы партии в первые годы нэпа (историографический обзор) // В.И. Ленин и социалистическое строительство на Урале. – Свердловск: Свердловская ВПШ, 1990. – С.72–75.

10.2.4. Азаров В.Н. Некоторые аспекты освещения политической борьбы 1920-х гг. в современной российской историографии // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2000. – С.164-165.

10.2.5. Аксютин Ю. Александр Шляпников // Факел. – М.: Политиздат, 1990. – С.132-155.

10.2.6. Беленкин Б.И. «Им нет числа, различным лицам...» (О судьбе большевика, революционера – подпольщика А.Г. Шляпникова) // Знание – сила. – 1989. - № 4. – С.55-64.

10.2.7. Беленкин Б.И. Народный комиссар труда А.Г. Шляпников // Первое советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918. – М.: Политиздат, 1991. – С.88-104.

10.2.8. Беленкин Б.И. «Рабочая оппозиция»: Post scriptum // Они не молчали. – М.: Политиздат, 1991. – С.44-67.

10.2.9. Бордюков Г.А., Козлов В.А. Николай Бухарин: Эпизоды политической жизни // Коммунист. – 1988. - № 13. – С.91-109.

10.2.10. Бровкин Н.В. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. – 1994. - № 5. – С.24-39.

10.2.11. Бронин Я. К характеристике «рабочей оппозиции» в профсоюзной дискуссии 1920-1921 гг. // Пролетарская революция. – 1929. - № 1.– С.25-39.

10.2.12. Булюлина Е.В. Становление местного партийно-государственного аппарата в 1920-е годы // Вестник архивиста. – 2003. - № 2. – С.103-111.

10.2.13. Васецкий Н. Из истории внутрипартийной борьбы. Политический аспект. 1922-1925 гг. // Факел. – 1989. – С.176-194.

10.2.14. Васецкий Н.А. Сталин: борьба за лидерство в партии // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. – М.: Высш. школа, 1988. – С.621-635.

10.2.15. Вассер М.М. Борьба Коммунистической партии против антиленинской «рабочей оппозиции» и ее разновидностей в первые годы нэпа // Вестн. Моск. ун-та. – 1957. - № 4. – С.36-62.

10.2.16. Вассер М.М. Разгром анархо-синдикалистского уклона в партии // Вопросы истории КПСС. – 1962. - № 3. – С.62-78.

10.2.17. Волкогонов Д.А. Сталинизм: сущность, генезис, эволюция // Вопросы истории. – 1990. - № 3. – С.3-17.

10.2.18. Волобуев О.В., Кулешов С. Борьба за политическое лидерство в 20-е годы // Вестник высшей школы. – 1990. - № 3. – С. 50-59; № 4. – С. 45-54.

10.2.19. Волобуев П.В. 1917 год: была ли альтернатива? // Родина. – 1990. - № 10. – С.14-17.

10.2.20. Гельман В.Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // полис. – 2004. - № 4. – С.52-69.

10.2.21. Гилл Г. Гражданская война и истоки сталинизма // Гражданская война в России: Перекресток мнений. – М., 1994. – С. 32-48.

10.2.22. Гимпельсон Е.Г. Начальный этап складывания административно-командной политической системы (1918-1920 гг.) // Формирование административно-командной системы (20-30-е годы). – М.: Наука, 1992. – С.34-54.

10.2.23. Гимпельсон Е.Г. «Орабочивание» советского государственного аппарата: иллюзии и реальность // Отечественная история. – 2000. - № 5. – С.38-46.

10.2.24. Гимпельсон Е.Г. Влияние гражданской войны на формирование советской политической системы // История СССР. – 1989. - № 5. – С.3-19.

10.2.25. Гимпельсон Е.Г. К вопросу о «военном коммунизме» // Вопросы истории КПСС. – 1986. - № 4. – С. 71-83.

10.2.26. Гимпельсон Е.Г. Политическая система и нэп: неадекватность реформы // Отечественная история. – 1993. - № 2. – С.29-43.

10.2.27. Гимпельсон Е.Г. Путь к однопартийной диктатуре // Отечественная история. – 1994. - № 4/5. – С.94-110.

10.2.28. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: Политический и нравственный облик (1917-1920 гг.) // Отечественная история. – 1997. - № 5 – С.44-54.

10.2.29. Голанд Ю. Политика и экономика: (Очерки общественной борьбы 20-х годов) // Знамя. – 1990. - № 3. – С.116-152.

10.2.30. Голованов Д.Д., Иванов В.П. Важная страница в истории советских профсоюзов // Вопросы архивоведения. – 1995. - № 3. – С.64-66.

10.2.31. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Форсированный рывок конца 20-х и 30-х годов: исторические корни и результаты // Страницы истории

советского общества: Факты, проблемы, люди. – М.: Политиздат, 1989. – С. 157-172.

10.2.32. Горинов М.М. Социально-экономическая ситуация второй половины 20-х годов и проблемы внутрипартийной борьбы // Историческое значение нэпа. – М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1990. – С. 192-201.

10.2.33. Горинов М.М. Альтернативы и кризисы в период нэпа: (К вопросу о социально-экономических проблемах внутрипартийной борьбы в 20-е годы) // Вопросы истории КПСС. – 1990. № 1. – С.3-18.

10.2.34. Демидова Л.Н., Шляпникова И.А. «Гнусный пасквиль на партию»: Документы ЦК РКП (б) о воспоминаниях А.Г. Шляпникова «Семнадцатый год» // Исторический архив. – 1997. - № 2. – С.103-125.

10.2.35. Дэвис Р. Развитие советского общества в 20-е годы и проблема альтернативы // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М.: Наука, 1994. – С.311-318.

10.2.36. Дэниелс Р. Социалистические альтернативы в споре о профсоюзах // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М.: Наука, 1994. – С.354-365.

10.2.37. Елисеев В.В. Современная историография о борьбе демократической и авторитарной тенденций в РКП (б) в 1921-1923 // Внутрипартийные отношения в КПСС: Историография проблемы. – М.: АОН при ЦК КПСС, 1991. – С.37-59.

10.2.38. Ефимов Н.А. Положить конец измышлениям о Реввоенсовете Каспийско-Кавказского фронта и деятельности А.Г. Шляпникова // Вопросы истории КПСС. – 1988. - № 3. – С.99-105.

10.2.39. Злоказов Г.И. «Не все у рецензентов исходит от невежества»: Письмо А.Г. Шляпникова в редакцию газеты «Правда». 1932 г. // Исторический архив. – 1994. - № 3. – С. 196-211.

10.2.40. Иванов В.М. X съезд РКП (б) об укреплении единства партии // Историческое значение X съезда РКП (б). – М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1982. – С. 16-35.

10.2.41. Иванова Г.М. Профсоюзы: независимость или огосударствление // Формирование административно-командной системы (20-30-е годы). – М.: Наука, 1992. С. 95-115.

10.2.42. Камынин В.Д. К вопросу о периодизации отечественной историографии XX в. // Отечественная и всеобщая история. – Брянск, 1993. – С.79-83.

10.2.43. Канев С.Н. Партийные массы в борьбе за единство РКП (б) в период профсоюзной дискуссии // Вопросы истории. – 1956. - № 2. – С.17-27.

10.2.44. Кирьянов Ю. Стачки и иные трудовые конфликты в Советской России в 20-е годы // Россия 21. – М., 1997. - № 9/10. – С.80-104.

10.2.45. Киселев А.Ф. Партийные дискуссии о профсоюзах (1917 г. - начало 1920 г.) // Дискуссии в РСДРП (б) – РКП (б) 1917-1920 гг. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС,1990. С.326-347.

10.2.46. Киселев А.Ф. Российские профсоюзы: от независимости к огосударствлению // Власть и общественные организации в первой трети XX столетия. – М.: МИП «NB Магистр», 1993. – С.19-47.

10.2.47. Комаренко А.Ю. Александр Шляпников – историк российского рабочего движения в годы первой мировой войны // Отечественная история. – 1992. - № 6. – С.81-94.

10.2.48. Конищев Ю.П. Он спорил с Лениным // Профсоюзы и экономика. – 1991. - № 1. – С.96-102.

10.2.49. Корнатовский Н. Борьба партии с группой «демократического централизма» // Красная летопись. – 1936. - № 2. – С.15-17.

10.2.50. Коэн С. Большевизм и сталинизм // Вопросы философии. – 1989. - № 7. – С.46-72.

10.2.51. Краснов А.В. Развитие X съездом РКП (б) ленинских идей о роли и месте профсоюзов в системе диктатуры пролетариата // Историческое значение X съезда РКП (б). – М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1982. – С. 36-49.

10.2.52. «Круглый стол»: Рабочий активизм в послереволюционной России // Отечественная история. 2002. - № 2. – С.112-123.

10.2.53. «Круглый стол»: Советский Союз в 20-е годы // Вопросы истории. – 1988. - № 9. – С.3-58.

10.2.54. Кружинов В.М. В преддверии «коммунистического звездопада»: репрессии против участников внутрипартийных группировок на Урале в начале 1920-х годов // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия: тез. докл. Всеросс. науч. конф (Тюмень, 27-28 апр. 2000 г.). – Тюмень, 2000. – С. 162-164.

10.2.55. Кружинов В.М. «Дело» Г.И. Мясникова // Вестник Тюмен. гос. ун-та. - – 1998. - Вып.I. – С.90-94.

10.2.56. Кружинов В.М. Дискуссия о профсоюзах в Тюменской губернии // Классовая борьба на Урале и в Сибири в переходный период. – Тюмень, 1987. – С. 53-58.

10.2.57. Кружинов В.М. Дискуссия о профсоюзах на Урале // Вестник Тюмен. гос. ун-та. – 1996. - Вып.1. – С. 45-58.

10.2.58. Куликова Г.Б. Некоторые проблемы формирования и эволюции советского государства // Этот противоречивый XX век. – М.: РОССПЭН, 2001. – С.240-261 с.

10.2.59. Курин Л., Суриков Н. Возвращение: Документальный очерк (о А.Г. Шляпникове) // Правда. 1990. - № 86. 27 марта.

10.2.60. Лейберов И.П. А.Г. Шляпников – человек, революционер, государственный деятель // Историк и революция. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Булавин», 1999. – С. 144-151.

10.2.61. Лейкин А.Я. Оппозиция на Восьмой и Девятой Всероссийских партийных конференциях в 1919-1920 гг. // Партийные конференции: их место и роль в деятельности КПСС. – Л., 1990. – С.93-102.

10.2.62. Леонов С.В. Советская государственность: Замыслы и действительность (1917-1920 гг.) // Вопросы истории. – 1990. - № 12. – С.29-46.

10.2.63. Малышев А.В. Новгородская партийная организация в борьбе за единство своих рядов (1921-1925 гг.) // Вестник Ленинградского университета. – 1974. - № 20. – с.38-45.

10.2.64. Мельников В.П. Политические дискуссии 20-х годов и их эволюция // Политические дискуссии в 20-е годы. – М.: Российская академия управления, 1992. – С.3-34.

10.2.65. Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда // Альтернативы. – 1995. - № 2. – С.128-129.

10.2.66. Метельский Н.Н. X съезд РКП (б): шаг к нэпу или защита военного коммунизма? // Историческое значение нэпа. – М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1990. – С.43-60.

10.2.67. Морозов Л.Ф. Когда родился А.Г. Шляпников? // Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 5. – С.132.

10.2.68. Назаров О.Г. Проблемы планирования в контексте борьбы за власть в условиях нэпа // Отечественная история. – 2000. - № 4. – С.54-65.

10.2.69. Наумов В.П. Александр Шляпников // Исторические портреты. – М.: Просвéщение, 1993. – С.133-158.

10.2.70. Наумов В.П. Из российских рабочих: Страницы жизни А. Шляпникова // Советские профсоюзы. – 1989. - № 19. – С.24-26, № 20. – С.30-32.

10.2.71. Наумов В.П. Ленинское завещание // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. – М.: Политиздат, 1989. – С.88-120.

10.2.72. Неретина Л.А. Организация государственной промышленности в 1921-1925 гг.: Принципы и тенденции развития // Нэп: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. – С.79- 131.

10.2.73. Новиков М.Н. Дискуссии по проблемам нэпа: (По материалам 20-х годов) // Историография, источниковедение отечественной истории. – М., 1992. – С.130-141.

10.2.74. Новопашин Ю.С. XIV съезд РКП (б): современный взгляд // Вопросы истории. – 2003. - № 7. – С.39-53.

10.2.75. Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: Хроника смысла событий // Из прошлого Сибири. Вып.I. Ч.I. – Новосибирск: Из-во Новосиб. ун-та, 1994. – С.101-122.

10.2.76. Олех Г.Л. Партийная демократия РКП (б) в первой половине 1920-х гг.: возможности и пределы роста // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия. Ч.I.: Сб. материалов междунар. науч.- практич. конф., 28-29 сентября 2000 г. – Омск: Изд-во Омского пед. ун-та, 2000. – С.146-152.

10.2.77. Орлов Н.Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. – 1999. - № 1. – С.102-116.

10.2.78. Палагин Д.А. Взаимоотношение партийных и советских организаций Самарской губерний в 1917-1920 гг. // С позиции нового мышления: Материалы областной научно-практической конференции. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. – С.129-135.

10.2.79. Перейра Н. Советская Россия в 20-е гг. глазами Запада // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М.: Наука, 1994. – С.377-384.

10.2.80. Петросян Ц.С. Идейный и организационный разгром «рабочей оппозиции» (1920-1922 гг.) // Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. – М.: Мысль, 1966. – С.421-453.

10.2.81. Писманик Г. «Рабочая группа» (Мясниковщина) // Пролетарская революция. – 1935. - № 6. – С.81-104.

10.2.82. Поляков Ю.А. 20-е годы: настроения партийного авангарда // Вопросы истории КПСС. – 1989. - № 10. – С.25-38.

10.2.83. Роговин В.З. Внутрипартийная борьба 20-х годов: причины и уроки // Политическое образование. – 1989. - № 14. – С.90-98.

10.2.84. Романов В.В. Борьба Коммунистической партии против антипартийной группы «демократического централизма» (1919-1921 гг.) // Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. – М.: Мысль, 1966. – С.388-420.

10.2.85. Рубцова В.А., Рыбкин А.Н. Внутрипартийная дискуссия и ее результаты в Самарской губернии до и после X съезда РКП (б) с позиции современности // С позиции нового мышления: Материалы областной научно-практической конференции. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. – С.136-148.

10.2.86. Симонов Н.С. Проблема социального генезиса СССР в 20-30-е гг. // Историческое значение нэпа. – М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1990. – С.8-27.

10.2.87. Симонов Н.С. Термидор, брюмер или фрюктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. – 1993. - № 4. – С.3-18.

10.2.88. Смольников А.С., Чернобаев А.А. Предисловие к настоящему изданию // А.Г. Шляпников. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т.1. М.: Политиздат, 1992 – С.5-30.

10.2.89. Сперанский Н. Об одном из «второстепенных» вопросов // Правда. – 1921. – 15 февраля.

10.2.90. Спирин Л.М. Из истории РКП (б) в годы гражданской войны и интервенции // Вопросы истории КПСС. – 1989. - № 3. – С.36-52.

10.2.91. Степанов А.С. Десятый съезд РКП (б). Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1971. – 72 с.

10.2.92. Суслов А.Б. Дискуссия о профсоюзах и современность // Историческое значение нэпа. – М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1990. – С.27-42.

10.2.93. Суслов А.Б. К дискуссии В.И. Ленина и Г.И. Мясникова о свободе печати // Возрождение и развитие ленинской концепции социализма: Областная отчетная науч. конф. Тез. докл. – Пермь, 1989. – С.34-36.

10.2.94. Суслов А.Б. Межпартийная и внутрипартийная борьба на Урале в 1921-1929 гг. // Страницы истории Урала. – Пермь, 1993. - Вып.1. – С.23-31.

10.2.95. Суслов А.Б. О тезисах Г.И. Мясникова // Перестройка и актуальные проблемы общественных и психолого-педагогических наук: Тез. докл. межвуз. конф. молодых ученых. – Пермь, 1988. – С.14-15.

10.2.96. Фельдман В.В. Борьба уральских коммунистов против «мясниковщины» (1921-1922 гг.) // Классовая борьба на Урале (1917-1932 годы). – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1974. – С.37-46.

10.2.97. Фельдман В.В. Дискуссия о профсоюзах в партийных организациях Урала // Труды кафедры истории КПСС Уральского лесотехнического института. – Свердловск, 1962. – С.48-59.

10.2.98. Фельдман М.А. Рабочие Урала в 1914-1922 годах // Вопросы истории. – 2001. - № 10. – С.110-120.

10.2.99. Ходаков Г.В. К вопросу о нравственности членов РКП (б) в первые послереволюционные годы // Глазами молодых историков: Материалы научной конференции молодых ученых. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. – С.71-74.

10.2.100. Чечевишников А.Л. Неизвестное эхо дискуссии о профсоюзах // Российское государство и общество, XX век: К 70-летию Юрия Степановича Кукушкина. – М., 1999. – С.137-150.

10.2.101. Чечевишников А.Л. Партия и профсоюзы: Кризис отношений // Рабочий класс и современный мир. – 1990. - № 5. – С.171-178.

10.2.102. Чураков Д.О. Бюрократия и причины кризиса рабочего самоуправления после Октября 1917 // Альтернативы = Alternatives. – М., 1996/97. – Вып. 4. – С.107-121.

10.2.103. Чураков Д.О. Рабочее государство и рабочее самоуправление: вместе или порознь дискуссии 1917-1918 годов // http://www.alternativy.ru/magazine/htm/01_3/hurako.htm. – С.1-20.

10.2.104. Чураков Д.О. Социально-политический протест рабочих в 1918 году // Отечественная история. 2001. - № 4. – С.67-78.

10.2.105. Чураков Д.О. Три кризиса Советского государства: К вопросу о формировании советской государственности // Россия 21. – М., 1998. - № 3. – С.152-176.

10.2.106. Шаповалова Л.Д. ВЦСПС и «дискуссия о профсоюзах» (1920-1921 гг.) // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы, факты, исследования. – М.: МГИАИ, 1991. – 160 с.

10.2.107. Шаповалова Л.Д. М.П. Томский: Материалы к биографии // История СССР. – 1989. - № 2. – С.82-96.

10.2.108. Шляпникова И.А. Правда об А.Г. Шляпникове // Вопросы истории. – 1988. - № 3. – С.88-98.

10.2.109. Щаднов В.Д. Борьба Коммунистической партии против фракционных действий лидеров «рабочей оппозиции» в союзе металлистов (1921-1922 гг.) // Учен. зап. Горьк. ун-та, 1971. - Вып.133. – С.29-36.

10.2.110. Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию // Отечественная история. – 1997. – С.68-79.

10.2.111. Якимов А.Е. Несостоявшаяся дискуссия (Дискуссия как средство борьбы с инакомыслием) // Политические дискуссии в 20-е годы. – М.: Российская академия управления, 1992. – С. 107-127.

10.2.112. Яров С.В. Рабочий и учредительное собрание: 1921 г. // Историк и революция. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 201-214.

10.2.113. Ярославский Ем. Анархо-синдикалистская «рабочая оппозиция» в ВКП // Историк марксист. – 1925. № 7.

10.2.114. Ярославский Ем. Потеряли направление // Правда. – 1923. – 13 ноября.

10.2.115. Allen B. The Evolution of Communist Party Control over Trade Unions: Alexander Shliapnikov and the Trade Unions in May 1921 // Revolutionary Russia Vol.15. No.2, December 2002, pp. 72-105.

10.2.116. Chernobaev A. The Shliapnikov-Stalin Duel: From the History of Intra-Party Struggle in the VKP (b.) in the 1920s // Revolutionary Russia Vol.12. No.1, June 1999, pp. 103-114.

10.2.117. Gill G. The single party as an agent of development: Lesson from the Soviet Experience // World politics. Vol. 39. № 3. – 1987. P. 566-578.

10.2.118. Murfy K. Opposition at the Local Level: a Case Study of the Hammer and Sickle Factory // Europe-Asia studies, Vol. 53, No. 2, 2001, pp. 329-350.

11. Авторефераты диссертаций и диссертации

11.1. Демидов В.В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г. – декабрь 1929 г.): Дис. ... докт. ист. наук. – Томск, 1997. – 574 с.

11.2. Джанашия В.Г. Ленинская критика анархо-синдикалистской концепции управления производством: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1990. – 23 с.

11.3. Камынин В.Д. Советская историография рабочих Урала в 1917-30-х гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Свердловск, 1990. – 36 с.

11.4. Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917 – 1920 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1991. – 38 с.

11.5. Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала): Дис. ... докт. ист. наук. – Тюмень, 2001. – 639 с.

11.6. Мельников В.П. Деятельность областных бюро ЦК РКП (б) по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920 -1925): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1982. – 52 с.

11.7. Назаров О.Г. Борьба за лидерство в РКП (б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы.: Дис. ... докт. ист. наук. – М., 2001. – 388 с.

11.8. Олех Г.Л. Олигархическая и демократическая тенденции в РКП (б) в начале 20-х гг. (На материалах Сибири): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1996. – 44 с.

11.9. Постников С.П. Подготовка рабочих кадров на Урале: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Екатеринбург, 1991. – 39 с.

11.10. Приставко Т.Д. Идейная борьба в РКП (б) по вопросам внутрипартийных отношений (1917 – 1920 годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1990. – 26 с.

11.11. Прохоренко И.А. Рабочее самоуправление в России. 1917 – 1926 (по материалам Самарской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.– Тольятти, 1998. – 18 с.

11.12. Симонова М.В. Политическая система советского общества в начале 1920-х гг. и дискуссии социалистов об альтернативах ее развития: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1999. – 16 с.

11.13. Суслов А.Б. Борьба уральских организаций РКП (б) с мелкобуржуазными группами и течениями в 1919 – 1927 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 1989. – 229 с.

11.14. Ходаков Г.В. Дискуссия в РКП (б) п аროსоюзах (1920-1923 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1992. – 18 с.

11.15. Шакирова Р.С. Историография X съезда РКП (б): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 14 с.

11.16. Шаповалова Л.Д. Всероссийский центральный совет профессиональных союзов в 1918 – 1920 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 23 с.

11.17. Якимов А.Е. Эволюция политических дискуссий 20-х годов (опыт историко-критического анализа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – 23 с.

12. Справочные и энциклопедические издания

12.1. Всероссийская перепись членов РКП (б) в 1922 г.: В 5 вып. – М., 1922-1924.

12.2. Горьковская областная организация КПСС в цифрах (1917-1977 гг.): Статистический сборник. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1979. – 199 с.

12.3. Личный состав РКП (б) в 1920 г. – М.: Красная новь, 1921 г. – 168 с.

12.4. Материалы по статистике личного состава РКП в 1920 г. – М., 1921. – 117с.

12.5. Политические партии России. Конец XIX-первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – 872 с.

12.6. РКП (б) в цифрах. Вып.4. – М.: Изд-во ЦК РКП (б), 1925. – 93 с.